

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Исторический факультет

Л. М. Дамешек

**НАРОДЫ СИБИРИ
В АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЕ
АЗИАТСКОЙ РОССИИ
XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА**

Учебное пособие

УДК 336.2(571.1/.5)(091)
ББК 65.9(2)261.3г
Д16

*Печатается по решению учебно-методической комиссии
исторического факультета ИГУ*

Рецензенты:

д-р ист. наук В. П. Шахеров, д-р ист. наук М. В. Шиловский

Дамешек Л. М.
Д16

Народы Сибири в административной системе Азиатской России XVIII – начала XX века : учеб. пособие / Л. М. Дамешек. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. – 230 с.

ISBN 978-5-9624-1345-7

В учебном пособии рассматривается организация управления народами Сибири на протяжении всего периода существования Российской империи – XVIII – начала XX в., дается анализ имперского законодательства в сфере организации управления и административного устройства аборигенов, характеризуются функции и деятельность органов самоуправления народов региона. Это одна из ключевых проблем, изучаемых в рамках курсов «Государство, власть и общество в императорской России», «Сибирь в составе Российской империи», «Управление Сибирью», «История Сибири», «Историография Сибири», которые читаются для бакалавров и магистрантов исторического факультета ИГУ. Именно для них и всех интересующихся вопросами истории Сибири предназначено настоящее пособие.

УДК 336.2(571.1/.5)(091)
ББК 65.9(2)261.3г

Учебное издание

Дамешек Лев Михайлович
Народы Сибири в административной системе Азиатской России
XVIII – начала XX века

Редактор *В. В. Попова*
Дизайн обложки: *П. О. Еришов*

Темплан 2016. Поз. 13
Подписано в печать 1.04.2016. Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. л. 11,4. Усл. печ. л. 14,4. Тираж 100 экз. Заказ 28
Издательство ИГУ; 664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36

ISBN 978-5-9624-1345-7

© Дамешек Л. М., 2016
© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Азиатская Россия в ментальных и географических рамках современников и потомков	4
Глава 1. Развитие системы управления народами Сибири в XVIII – первой половине XIX в.	7
1.1. Динамика и национальный состав коренного населения Сибири.....	7
1.2. Организация управления народами Сибири в конце XVIII – начале XIX в.....	17
1.3. «Устав об управлении инородцев» 1822 г.....	22
1.4. Вопрос о кодификации норм обычного права инородцев в 30–40-х гг. XIX в.....	35
Глава 2. Управление народами Сибири во второй половине XIX – начале XX в.....	46
2.1. Предложения о реформе управления аборигенами 60–80-х гг. XIX в. Попытки пересмотра «Устава» 1822 г.....	46
2.2. Закон 1898 г. о крестьянских и инородческих начальниках.....	57
2.3. Проведение в жизнь «Временного положения о крестьянских и инородческих начальниках».....	65
2.4. Административные мероприятия правительства начала XX в. Волостная форма.....	78
Глава 3. Региональные особенности формирования и развития органов местного самоуправления народов Сибири в XIX – начале XX в.	111
3.1. Образование и развитие системы местного самоуправления народов Сибири в 1820–1890-х гг.....	111
3.2. Органы местного самоуправления народов Сибири в конце XIX – начале XX в.	180
Заключение.....	218
Примерный перечень заданий, тем рефератов, докладов, дипломных работ и магистерских диссертаций по курсу ...	222
Рекомендуемая литература и источники	223
Приложение.....	226

ВВЕДЕНИЕ

Азиатская Россия

в ментальных и географических рамках современников и потомков

Процесс вхождения Сибири в состав России начался в конце XVI в., носил весьма противоречивый характер и имел длительную историческую перспективу. Это было не только военное, но и административное, и экономическое закрепление за Российской империей новых территорий и народов огромного Зауральского края. Не менее важным был процесс ментального, как принято говорить теперь, осмысления Сибири как земли русской, неотъемлемой составной части России. Существенное влияние на это оказал процесс географического изучения и картографирования Сибири¹. Трансформации образов Сибири в российском общественном сознании в немалой степени способствовало установление новых административных границ и центров. Дальнейшая инкорпорация Сибири в Россию породила проблему взаимоотношений периферии и государственного ядра, вопрос о колониальном положении Сибири в составе Российской империи.

География Сибири, как свидетельствуют факты, в значительной мере зависела не столько от природного ландшафта, сколько от изменения государственных и административных границ империи на Востоке в целом. Интерпретация региона постепенно усложнялась как с расширением внешних имперских границ, так и с нарастанием внутренних политических и управленческих задач, управленческой специализацией и дифференциацией, изменением этнодемографической структуры, новыми экономическими интересами. Власть здесь шла явно впереди экономики, создавая административно-территориальные единицы и формируя экономические районы.

Вопрос о пространстве Сибири в России не так прост, как может показаться на первый взгляд. Административное деление зачастую не совпадало с географическими границами

¹ Постников А. В. История географического изучения и картографирования Сибири и Дальнего Востока в XVII – начале XX в. в связи с формированием русско-китайской границы. М., 2013. 364 с.

Сибирского региона, а образы Сибири приобретали расширенное символическое восприятие. Картографирование и конструирование географического, административного, экономического и ментального пространства Сибири составляло основу имперской географии власти. Различные комбинации территорий в больших административных группах (генерал-губернаторствах) не только повторяли природный ландшафт в поисках естественных границ, но активно формировали новую географию. Динамичное освоение государственной властью новых восточных территорий, осмысление их внутренних и внешних границ на протяжении всего достаточно длительного периода империи приводило к неоднократным попыткам административного переустройства края. В данном контексте история тесно переплеталась с географией.

Территориальный объем имени «Сибирь» рос параллельно движению русских на восток, достигнув своего предела к концу XIX в. Ю. А. Гагемейстер, автор «Статистического обозрения Сибири», составленного по поручению второго Сибирского комитета в середине XIX в., описывал границы Сибири следующим образом: «Сибирью называется весь северный отдел азиатского материка, который обозначается на западе продольною цепью Уральских гор, на востоке Тихим океаном, с севера омывается Ледовитым морем, а к югу граничит с владениями Китая и свободного Туркестана»². Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, определяя объем сибирского пространства, включал в него все азиатские владения Российской империи, кроме Закавказья, Закаспийской области и Туркестана. В конечном итоге в начале XX столетия правительство пришло к заключению о том, что именно следует считать территорией Сибири. В издании «Азиатская Россия», предпринятом в 1914 г. Переселенческим управлением Главного управления землеустройства и земледелия в связи с 300-летним юбилеем дома Романовых, отмечалось, что помимо административного деления в Азиатской России существует еще и деление историческое: Сибирь (Тобольская, Томская, Енисейская и Иркутская губернии, области Якутская и Забайкальская) и Дальний Восток, куда включают,

² Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч. 1. С. 1.

помимо Амурской, Приморской, Камчатской областей и Сахалина, иногда и Забайкалье как связующее звено между ними. Именно в этих исторических границах определяется география учебного пособия. Поэтому территориальные рамки пособия охватывают всю Сибирь, т. е. территории бывших Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Забайкальской и Якутской областей. Эти губернии и их население были тесно связаны между собой общностью социально-экономических и политических процессов в составе империи, социокультурными, религиозными и иными традициями. Объектом изучения является организация управления, а предметом – административная политика самодержавия по отношению к народам Сибири как наиболее специфическая для данного региона форма инкорпорации инородцев в общероссийские экономические и социокультурные процессы, административные механизмы, ее цели, задачи, методы и средства осуществления. По мере усиления интеграции народов Сибири в состав России, их адаптации к общерусским хозяйственным, культурно-бытовым связям, религиозным и иным традициям на них стали распространяться и другие формы организации управления, весьма схожие с крестьянскими. Тем самым на практике осуществлялась идея сделать народы Сибири русскими, а в конечном итоге превратить Сибирь в Россию. Поскольку территориальная экспансия России на протяжении XVII–XX вв. своим результатом имела превращение России в многонациональную империю, а нерусское население, составляющее в начале XX в. более 55 % населения государства, проживало преимущественно на окраинах, возникла необходимость изучения системы управления сибирскими инородцами на протяжении всего имперского периода, т. е. в XVIII – начале XX в. Сегодня, после распада Советского Союза в 1991 г., площадь современной Азиатской России составляет 13,1 млн кв. км, или около 77 % территории нынешней России. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., на территории Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов проживает свыше 39 млн чел., т. е. 27 % от общей численности населения РФ.

Глава 1

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ НАРОДАМИ СИБИРИ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

1.1. Динамика и национальный состав коренного населения Сибири

Исследование административной политики российского самодержавия в отношении коренных народов Сибири целесообразно начать с выяснения вопросов динамики и национального состава этих народов, ибо хорошо известно, что первая предпосылка всякой человеческой истории – это существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию, – телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение их к остальной природе. В России после падения в 1861 г. крепостного права в конечном итоге утвердился капиталистический способ производства, определяющий собой действие капиталистического закона народонаселения. В Сибири действие этого закона проявлялось в процессе преимущественного развития капитализма вширь³. Поэтому основные закономерности и особенности формирования и движения народонаселения региона были тесно связаны с положением Сибири как колонизируемой земледельческой окраины Российской империи.

Специальное изучение демографических процессов сибирского населения в период капитализма – одна из важных задач, стоящих перед исследователями Сибири⁴. Задача нашей работы представляет несколько иную постановку вопроса – дать обзор основных статистических данных о народах Сибири в период с 1861 по 1917 г. и на этой основе охарактеризовать процессы динамики, национальный состав и т. д. коренного населения региона.

³ Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 133.

⁴ Там же. С. 134.

Для изучения этих вопросов необходимо прежде всего определить общую численность русского и коренного населения. Из табл. 1 прил. видно, что высказанное в литературе мнение о том, что в начале XIX в. в Сибири «русские и местные народности имели примерно одинаковую численность», не подтверждается фактическим материалом. В то же время представляется обоснованным утверждение В. В. Воробьева, что в дальнейшем «в XIX в. с каждым годом преобладание русских становилось все заметнее»⁵. Данные табл. 1 указывают на рост численности коренного населения Сибири на протяжении всего XIX в. За 81 год с 1816 (7-я ревизия) по 1897 г. (1-я Всероссийская перепись) оно увеличилось с 220 тыс. душ мужского пола до 413 тыс. душ мужского пола, или на 87,7 %. За этот же отрезок времени численность пришлого, главным образом русского, населения возросла с 651 тыс. душ мужского пола до 2310 тыс. душ мужского пола, или на 354,8 %. Темпы прироста пришлого населения в 3,5 раза превышали темпы роста коренных народностей. Данное обстоятельство привело к снижению удельного веса аборигенов в общей численности народонаселения региона с 25 % в 1816 г. до 15 % в 1897 г., несмотря на увеличение их абсолютной численности. Важно подчеркнуть хотя и не высокие, но устойчивые темпы прироста численности коренных жителей как в дореформенный, так и в пореформенный период. За время с 1816 по 1858 г. они составили примерно 1 %, а с 1858 по 1897 г. – 0,8 % в год. Эти цифры подтверждаются и расчетами, выполненными на основании сведений И. А. Асалханова⁶, согласно которым за 46 лет с 1851 по 1897 г. численность коренного населения Сибири увеличилась на 47,6 %, или примерно на 1 % в год. Чиновники военного ведомства в 80-х гг. XIX в. ежегодный прирост мужского аборигенного населения определяли в 0,5 %⁷.

Приводимые по второй половине XIX в. результаты получены главным образом путем сопоставления данных 9-й и 10-й ревизий с материалами первой переписи населения России 1897 г. Однако в исторической литературе существует и иная

⁵ Воробьев В. В. Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975. С. 96.

⁶ Асалханов И. А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX начала XX в. Новосибирск, 1975. С. 16.

⁷ РГВИА. Ф. 1648. Оп. 1. Д. 88. Л. 38.

методика определения численности народностей Сибири, предложенная советским исследователем Б. О. Долгих⁸. Согласно этой методике для определения общей численности коренного населения необходимо число плательщиков ясака умножить на коэффициент 4. Такая система подсчета, апробированная Б. О. Долгих на материалах XVII в., получила признание широкой научной общественности⁹. В нашем распоряжении имеются сведения о численности плательщиков ясака второй ясачной комиссии и казенных палат сибирских губерний за 1827 и 1887 гг. Произведя необходимые расчеты, увидим, что на этом отрезке времени численность аборигенного населения увеличивалась примерно на 0,8 % в год¹⁰. Это был естественный прирост, ибо в отличие от XVII столетия, о котором пишет Б. О. Долгих, в рассматриваемый нами период «приток населения из-за рубежа»¹¹ был практически исключен. Можно утверждать, что на протяжении всего XIX столетия коренное население Сибири обнаруживает тенденцию к увеличению численности примерно в 1–0,8 % ежегодного прироста.

Сложнее определить динамику аборигенного населения в начале XX в. Если в качестве нижней хронологической даты здесь можно использовать материалы переписи 1897 г., то при определении источников сведений за военные 1914–1917 гг. встречаются существенные трудности. В материалах Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. данные о сибирских аборигенах не выделены. Кроме того, сами составители материалов отмечали, что хозяйства кочевых аборигенов – большей части коренных жителей – «были переписаны не сплошь, а приблизительно», в 10 % общего числа, а наиболее удаленные и малочисленные местности Сибири не подвергались переписи совсем¹². Бродячие аборигены переписчиками вообще не учитывались.

⁸ См.: Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 13–14.

⁹ История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 17.

¹⁰ Рассчитано по материалам РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1055. Л. 42; Ф. 381. Оп. 47. Д. 458. Л. 70–71, 74–75, 86–89, 90–93, 94–95.

¹¹ Долгих Б. О. Указ. соч. С. 16.

¹² Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Пг., 1917. Вып. 3. Степной Край, Сибирь и Дальний Восток. С. 11, XVI.

Существенными неточностями страдают и материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г.,¹³ в которых сведения о коренном населении Томской и Енисейской губерний вообще отсутствуют. Поэтому, думается, не случаен тот факт, что в ряде изданий, в которых хотя бы в какой-то степени рассматривается вопрос о численности аборигенного населения Сибири в конце XIX – начале XX в., в качестве конечной даты берется 1897 г.¹⁴ Именно уозость, а подчас и неточности используемых статистических сведений привели ряд отечественных и зарубежных исследователей вопроса к совершенно неверному выводу о вымирании аборигенов. Между тем еще в досоветском сибиреведении существовали исследования, авторы которых, разделяя известные концепции областничества, к решению данного вопроса подходили с иных позиций и на базе широкого круга источников. Например, Н. Н. Козьмин, автор ряда исследований о хакасах, отмечал, что, «по-видимому, миграция является главной причиной предположений о вымирании». С известной долей критики в адрес своих собратьев-областников Козьмин писал, что у них «население считается вымирающим не только тогда, когда претерпевает количественные изменения в сторону уменьшения. Племенная группа, утратившая язык, костюм, обычаи предков, считается вымершей»¹⁵.

Несмотря на отмеченные противоречия статистического материала, уже в первые годы советской власти Н. П. Огановским были выполнены расчеты, свидетельствующие об увеличении численности аборигенов и в период империализма. В качестве отправных данных Н. П. Огановскому послужили материалы переписи 1897 г. и цифровые данные из отчетов губернаторов 1911 г. Согласно его подсчетам «у самых стойких и многочисленных инородцев» естественный прирост населения в конце XIX – начале XX в. составлял примерно

¹³ Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи по 57 губерниям и областям. М., 1923; Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям. М., 1921. С. 72–73.

¹⁴ История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1954. Т. 1. С. 306, 308, 310, 311, 315; История Сибири. Т. 2. С. 78.

¹⁵ Козьмин Н. К вопросу о вымирании инородцев // Сиб. зап. 1916. № 2. С. 100.

0,9 %¹⁶. По мнению исследователя, «сельское инородческое население» Сибири за период 1896–1915 гг. увеличилось на 150 тыс. чел., т. е. на 10 %. В соответствии с этими данными среднегодовой естественный прирост аборигенов исследователь определял в 0,6 %¹⁷, русского и казачьего населения – 1,8 %. Результаты наших расчетов представлены в табл. 2 прил. Ее материалы позволяют заключить, что за 14 рассматриваемых лет коренное население Западной Сибири возросло в среднем на 18 %, Восточной Сибири – на 12 %.

Результаты определения показателей о ежегодном изменении численности коренного населения по губерниям представлены в табл. 3 прил. Данные таблицы свидетельствуют, что в начале XX в. наблюдается рост численности аборигенов в пределах 0,9 % в год. Хотя темпы прироста русского населения были гораздо выше¹⁸, нельзя не признать наличия устойчивой тенденции увеличения коренного населения на протяжении всего XIX и начала XX в. Более быстрые темпы прироста аборигенного населения были невозможны по ряду причин, в числе которых следует назвать высокую степень эксплуатации аборигенов самодержавием, эпизодические неурожаи и падежи скота, подрывающие основу благосостояния коренного населения. Немаловажную роль в сдерживании темпов прироста коренного населения Сибири играло и неудовлетворительное состояние системы медицинского обслуживания, высокая детская смертность. В 70-х гг. XIX в. у бурят Иркутского округа из 100 родившихся младенцев в живых оставалось только 23, в Балаганском округе – 26, в Верхотурском – 30. В

¹⁶ Огановский Н. П. Народное хозяйство Сибири. Омск, 1921. С. 39. Для расчета этого показателя Н. П. Огановский использовал цифровые данные по 12 сибирским губерниям и областям. С. Патканов материалы переписи 1897 г. считал в «высокой степени достоверными». Это утверждение не вызвало принципиальных возражений у последующих исследователей вопроса. Что же касается губернаторских отчетов, то В. И. Пронин показал возможность их использования «в вопросе определения общей численности населения». См.: Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1912. Т. 1. С. 141; Пронин В. И. Население Сибири за 50 лет (1863–1913) // История СССР. 1981. № 4. С. 56.

¹⁷ Огановский Н. П. Основные тенденции сельскохозяйственной эволюции в Сибири. ЦГАНХ. Ф. 478. Оп. 51. Д. 32. Л. 7.

¹⁸ В рассматриваемый период русское население Сибири увеличилось в среднем на 5,6 % в год. Рассчитано автором по материалам: Огановский Н. П. Народное хозяйство Сибири. С. 39.

Якутской области число детей, умерших в возрасте от младенчества до 5 лет, по отношению ко всему числу умерших составляло 32,6 %, в возрасте от 5 до 10 лет – 10 %¹⁹. Иными словами, детская смертность была исключительно высокой.

Для изучения динамики аборигенов известное значение имеет установление не только численности, размещения, но и национального состава коренного населения. К сожалению, далеко не всегда можно точно определить национальный состав коренных жителей, удельный вес народности в общей массе народонаселения. Еще Б. О. Долгих отмечал²⁰ существующую путаность в названиях различных групп и родов аборигенов. Для рассматриваемого нами периода суммарные сведения о численности и национальном составе аборигенов наиболее полно отложились в первой переписи народонаселения России 1897 г. Результаты анализа материалов переписи представлены в табл. 4 прил. Они свидетельствуют, что более трети всей численности коренного населения приходилось на долю бурят, на втором месте следовали якуты, далее алтае-саянские народы (алтайцы, хакасы), эвенки, сибирские татары и т. д. Всего же за 250 лет, прошедших со времени присоединения народов Сибири к России и до начала XX в., численность бурят возросла примерно в 10,6 раза, якутов – в 7,9, алтае-саянских народов – в 6,5 татар – в 3,1, хантов и манси – в 1,5 раза. Приведенные цифры, разумеется, не означают, что у всех народностей и этнографических групп аборигенов прослеживается тенденция к увеличению численности. По сведениям Б. О. Долгих, за этот же период времени численность юкагиров, ительменов, энцев не возросла, а наоборот, уменьшилась²¹. Однако отнюдь не каждый факт сокращения численности аборигенов следует рассматривать под углом их вымирания. Известную роль в подобных случаях играли процессы миграции и ассимиляции, усиливающиеся по мере возрастания притока в Сибирь русского населения. Подтвержда-

¹⁹ Сборник историко-статистических сведений о Сибири, о сопредельных с ней странах. СПб., 1876. Т. 1. Вып. 11. С. 97, табл. 12. Подсчитано автором по данным: Территория и население // Памятная книжка Якутской области за 1896 г. Якутск, 1895. Вып. 1. С. 12.

²⁰ Долгих Б. О. Указ. соч. С. 7.

²¹ Рассчитано по материалам: Долгих Б. О. Указ. соч. С. 615–818.

ется это не только многочисленными свидетельствами современников²², участников различных обследований аборигенов²³, но и значительным распространением среди аборигенов русского языка и языка соседних народностей. Количество инородцев, признавших своим родным языком русский, по отношению ко всей численности коренных жителей данной губернии или области, по материалам переписи 1897 г., выглядит следующим образом: Тобольская – 3,4 %, Томская – 22,5 %, Енисейская – 10,6 %, Иркутская – 12,2 %, Забайкальская – 13,3 %, Якутская – 0,1 %²⁴.

Можно констатировать, что на протяжении второй половины XIX в. и начала XX в. прослеживается увеличение численности аборигенов Сибири. Главной причиной роста численности большинства народностей и этнографических групп следует считать распространение между ними земледелия, возрастание оседлости, происходившие под влиянием русского крестьянства. Эти процессы быстрее протекали в районах более тесного общения аборигенного и пришлого, в подавляющем большинстве русского, населения.

Приросту аборигенного населения благоприятствовало и соотношение мужского и женского полов, которое у коренного населения в принципе не отличалось от русского (табл. 5 прил.). В целом у жителей Тобольской губернии в конце XIX в. на 100 мужчин приходилось 100,2 женщины, в Томской соответственно 100,4, Енисейской – 90,7, Иркутской – 87,6, Забайкальской области – 78,3²⁵. По мере продвижения на восток численность женщин в народонаселении сокращалась. К началу XX в. соотношение полов в губерниях Сибири, особенно в восточных, несколько выравнилось и стало более благоприятным для воспроизводства населения. На 1 января 1914 г. соотношение мужчин и женщин в составе населения было равным. В Томской губернии от количества жителей мужского пола женщины составляли 97,9 %, Енисейской – 95 %, Ир-

²² АГО. Р. 57. Оп. 1. Д. 66; Р. 62. Оп. 1. Д. 46.

²³ Волости и населенные места 1893 г. Вып. 12. Томская губерния. СПб., 1893. С. 68.

²⁴ Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1912. Т. 1. С. 168–169.

²⁵ Соловьева Е. И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск: Наука, 1981. С. 71.

кутской – 94,6 %, Забайкальской области – 90,3 %²⁶. Особенности исторического развития и естественного движения населения наложили отпечаток на возрастную структуру коренных жителей. У оседлого населения она в принципе не отличалась от русского. По материалам переписи 1887–1888 гг., у оседлых инородцев Иркутской губернии возрастная структура приближалась к возрастной структуре пришлого населения. У аборигенов удельный вес детей в возрасте до 7 лет составлял 19,3 %, молодежи до 18 лет – 47,9 %. Взрослое население от 18 до 60 лет – 45,4 %, старше 60 лет – 6,6 %²⁷. В целом по Сибири удельный вес молодежи в этот период равнялся 46,6 %, людей от 20 до 59 лет – 45,8 %, жителей старше 60 лет – 7,8 %²⁸.

У кочевых инородцев возрастная структура выглядела иначе. Дети до 7 лет составляли 14,3 %, молодежь до 18 лет – 34,1 %, старшая возрастная группа старше 60 лет – 6,9 %. Подавляющее большинство принадлежало к так называемой рабочей группе от 18 до 60 лет – 58,9 %. Сравнивая соотношение возрастных групп детей в возрасте до 7 лет и молодежи до 18 лет оседлого и кочевого инородческого населения, нельзя не заметить, что у кочевников она была существенно ниже – соответственно на 5 и 13,8 %²⁹. Следовательно, детская смертность у этой категории коренного населения по сравнению с оседлым была выше.

На протяжении всего XIX и начала XX в. доля аборигенов в общей массе народонаселения Сибири продолжала сокращаться, несмотря на увеличение их абсолютной численности. Подобное явление было вызвано интенсивным притоком пришлого населения, составившего в 1911 г. 87,8 % всего населения Сибири. Абсолютное большинство пришлого населения составляли русские – 84,7 %³⁰.

В силу исторических особенностей развития хозяйства и быта народов Сибири, преобладания сельского хозяйства (скотоводство, земледелие) и промыслов (охота, рыболов-

²⁶ Горюшкин Л. М. Указ. соч. С. 142; Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. С. 54–56.

²⁷ Подсчитано по материалам: ЦГВИА. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 112. Л. 4–28.

²⁸ Соловьева Е. И. Указ. соч. С. 71.

²⁹ Подсчитано по материалам: ЦГВИА. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 112. Л. 4–28.

³⁰ Подсчитано по: Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 86–87.

ство) над другими видами хозяйственной деятельности абсолютное большинство аборигенов проживало в сельской местности (табл. 6 прил.).

Внутри сословий сельского народонаселения следует различать несколько категорий жителей: старожилы, переселенцы, казаки и аборигены. Соотношения между этими категориями в начале XX в. показано в табл. 7 прил.

По официальным данным, в конце XIX в. среди основных сословных групп сельского народонаселения в губерниях Тобольской, Енисейской и Иркутской аборигены находились на втором месте после крестьян. В Томской губернии и Забайкальской области – на третьем. В этих районах на следующей за крестьянами позиции располагались соответственно мещане и казаки³¹. Все перечисленные сословные категории составляли основную массу сельского населения, среди которых в целом по Сибири крестьян насчитывалось 74 %, аборигенов – 15,8 %, казаков – 4,6 %. На долю остальных жителей сельской местности приходилось примерно 5,6 %³².

В начале XX в. территория Сибири делилась на 43 уезда (округа). Распределение коренного населения по уездам Тобольской губернии показано в табл. 8 прил. Ее материалы дают представление о соотношении пришлого и коренного населения и расселения их по округам губернии и областей Сибири в конце XIX в. Сам процесс расселения аборигенов, равно как и внутренние миграции, был далеко не случайным явлением. С одной стороны, они обусловились историческими традициями, основными видами и способами хозяйственной деятельности, природно-климатическими особенностями зоны проживания. С другой – усилением притока переселенцев, под воздействием чего происходили процессы внутренней миграции. Так, например, в степной полосе Тобольской губернии – уездах Курганском, Ишимском – аборигены почти не проживали. По мере усиления потока переселенцев они по-

³¹ Волости и населенные места 1893 г. Вып. 4. Иркутская губерния. СПб., 1894. С. 24; Вып. 11. Енисейская губерния. СПб., 1895. С. 45; Вып. 8. Забайкальская область. СПб., 1896. С. 38–39; Вып. 12. Томская губерния. СПб., 1914. С. 65–68; Вып. 10. Тобольская губерния. СПб., 1894. С. 55.

³² Соловьева Е. И. Указ. соч. С. 73. См. также: Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 янв. 1897 г. Т. 1. СПб., 1905. С. 184–187.

степенно переходили в район киргизских степей. В лесостепной полосе Ялуторовского и Тарского уездов удельный вес коренного населения колебался между 2,6 и 7,4 %. В лесной полосе губернии – Тобольском, Туринском и Тюменском округах – коренное население составляло соответственно 20; 5,7 и 9,7 %.

В Томской губернии, кроме Нарымского края, аборигены проживали преимущественно в южной и восточной частях региона. Это были гористые местности, малопригодные для земледелия. В Бийском и Кузнецком округах коренные жители составляли примерно 14 и 17 % всего народонаселения. В остальной части губернии удельный вес коренных жителей был значительно ниже (табл. 9).

В Енисейской губернии аборигены селились преимущественно в степной западной части – в Минусинском и Ачинском уездах. В этих местах их удельный вес был значительно выше (соответственно 13,3 и 8,9 %), чем в остальных уездах. Однако наибольшее количество проживающих в Енисейской губернии аборигенов было сосредоточено в северном Туруханском крае – 71,7 % от всего народонаселения края (табл. 10).

В Иркутской губернии в большинстве округов количество проживающего коренного населения было велико. Его удельный вес колебался от 19,9 в Иркутском и до 36,5 % в Верхотенском округах. Наиболее многочисленной народностью являлись буряты. Именно они определяли большой удельный вес коренного населения в Иркутском, Балаганском и Верхотенском округах. Кроме бурят, на севере губернии в Киренском округе проживали якуты, а в Нижнеудинском округе – немногочисленное племя карагасов (тофаларов) (табл. 11).

В Якутской области во всех округах, кроме Олекминского, коренное население значительно превышало пришедшее. Самой многочисленной народностью были якуты, составляющие по переписи 1917 г. 87,1 % народонаселения области. Далее следовали русские – 6,2, эвенки – 4,9 %, различные малые народности (табл. 12)³³.

В Забайкальской области аборигены проживали большей частью в западных округах: Селенгинском и Верхнеудинском. Там они составляли соответственно 61,3 и 31,1 % численно-

³³ Соколов М. П. Якутия по переписи 1917 г. Вып. 1, 2. Иркутск, 1925. С. 100.

сти народонаселения этих административных единиц. В то же время в Нерчинско-Заводском округе аборигенов почти не было. Из представителей наиболее крупных народностей области следует отметить бурят и эвенков (табл. 13).

Анализ табл. 8–13 показывает, что Сибирь не представляла собой единого этнографического целого. Как между губерниями и областями, так и внутри этих районов, коренное население распределялось неравномерно – от 98,6 в Вилюйском округе Якутской области до 1,1 % в Барнаульском округе Томской губернии. Характерно, что нельзя назвать ни одного округа (уезда), где бы совершенно отсутствовало коренное население. Существенное влияние на расселение аборигенов оказывали система ведения хозяйства, тесно связанная с почвенно-климатическими зонами, а также все возрастающий поток переселенцев, порождающий внутреннюю миграцию народонаселения.

1.2. Организация управления народами Сибири в XVIII – начале XIX в.

Со времени присоединения Сибири к русскому государству одной из важнейших задач правительства явилась организация местного управления в соответствии с нуждами и потребностями феодального государства.

Во взглядах на вновь присоединенные племена правительство руководствовалось в основном финансовыми соображениями, что и предопределило его подход к вопросам управления жителями края. Организация местного управления строилась с учетом социально-экономической отсталости сибирских племен и невозможности полного подчинения их русскому законодательству.

В первой половине XVIII в. руководящим актом, в котором излагались правовые основы управления ясачными народами, была «Инструкция пограничным дозорщикам» Фирсову и Михалеву графа С. Л. Владиславича-Рагузинского от 22 июля 1728 г.³⁴ Хотя инструкция предназначалась для

³⁴ Сычевский Е. И. Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицкосавского пограничного управления Сычевским в 1846 г. М., 1875. С. 32–36.

управления только пограничными племенами, исследователи отмечают, что на нее ссылаются в своих общественных приговорах и другие народы³⁵. Это свидетельствует о более широком распространении действия инструкции.

В соответствии с инструкцией из ведения родовых властей были изъяты так называемые криминальные дела. Суд и расправа в «малых делах» – воровство, драки и т. п. – по-прежнему оставались в компетенции родоначальников. Ясак следовало собирать натурой или деньгами. Обязанности по сбору ясачной подати возлагались на родоначальников. Ясачные плательщики закреплялись за определенным родом. «Перебежки» из одного рода в другой запрещались³⁶.

Документом, характеризующим управление народностями Сибири и суд во второй половине XVIII в., является инструкция Сената, данная «за высочайшим подписанием» лейб-гвардии Семеновского полка секунд-майору Щербачеву, командированному в 1763 г. в Сибирь для урегулирования ясачного сбора³⁷. Основные положения этого документа соответствуют инструкции Рагузинского: «ближайшее» управление по улусам и стойбищам вверялось родоначальникам иноверцев, им же предоставлялась расправа в «делах тяжбных и маловажноуголовных». Сбор ясака осуществлялся родоначальниками в натуральной и денежной форме. Ясачные народы закреплялись за определенным родом как основной административной и хозяйственной единицей.

Обе инструкции предписывали с «начальниками верно-подданных обходиться приятельски». Так правительство стремилось заручиться поддержкой родоплеменной знати, которая являлась проводником политики самодержавия.

Попытки сохранить род как основную административную и хозяйственную единицу определялись политическими и финансовыми интересами царизма.

Инструкции разрешали уплачивать ясак не только пушниной, но и деньгами, что указывало, с одной стороны, на со-

³⁵ См.: Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа. М. ; Л., 1940. С. 130; История Сибири. Т. 2. С. 310.

³⁶ Сычевский Е. И. Историческая записка о китайской границе ... С. 32.

³⁷ Булычев И. Путешествие по Восточной Сибири. СПб., 1856. Ч. 1. С. 251–264.

кращение значения пушного промысла у коренных жителей, с другой – на развитие товарно-денежных отношений³⁸.

Обе инструкции формально ограничивали вмешательство русской администрации во внутриродовые дела народов Сибири, однако впоследствии Сибирский комитет на основании ревизии М. М. Сперанского отмечал, что на практике «все управление инородцами перешло большею частию в зависимость земских чиновников и сделалось поводом к великим злоупотреблениям»³⁹.

Инструкция 1763 г. не только подтвердила основные положения инструкции Рагузинского, но была наиболее полным законодательным актом правительства в отношении народов Сибири до принятия в 1822 г. «Устава об управлении инородцев». Она определяла порядок сбора ясака, регламентировала вопросы торговли с аборигенами, ограничивала въезд в иноверческие кочевья и улусы торговых людей одним разом в год во время сугланов и ярмарок, «когда комиссары для сбора ясака тамо находиться будут»⁴⁰. Однако торговать с ясачными не разрешалось до тех пор, «пока они всей положенной ясашной суммы комиссарам не заплатят»⁴¹. Ограничением свободной торговли с аборигенами правительство стремилось обеспечить максимальный сбор ясака пушниной. Однако М. М. Сперанский отмечал, что «из дел не видно, чтобы правило сие когда-либо строго было наблюдаемо»⁴².

В начале XIX в. сибирская губернская администрация издала ряд частных актов по управлению народами региона. Представляет интерес «Положение о выборе иноверческих начальников и правах их» (1812 г.) иркутского гражданского губернатора Трескина, ярого поборника консервативно-охранительной системы.

По существующему законоположению иноверцы должны были занимать «старшинские» должности по выбору. При этом допускалось и наследование должностей. В обоих случа-

³⁸ См.: Залкинд Е. М. Общественный строй бурят XVIII и первой половины XIX в. М., 1970. С. 60.

³⁹ Прутченко С. Сибирские окраины. Приложения. СПб., 1899. С. 175.

⁴⁰ Булычев И. Указ. соч. С. 258.

⁴¹ Там же.

⁴² Прутченко С. Указ. соч. С. 7–8.

ях право окончательного утверждения в должности оставалось за губернской администрацией. В новом положении Трескин стремился доказать, что наследственный родоначальник «бывает уважаем иноверцами и слово его имеет лучший вес, нежели простолюдина», который, по его мнению, «не имеет способностей и навыка в делах управления»⁴³. Трескин предписывал «постановить непременно правилом», чтобы назначение иноверческих родоначальников было наследственным: «малолетство сына или ближайшего родственника не есть препятствие к его назначению»⁴⁴. В этом случае полагалось избрать опекуна, который обязывался «иметь попечение в образовании малолетнего так», чтобы по достижении совершеннолетия он мог приступить к управлению. Избрание в родоначальники рядовых улусников допускалось только в случае отсутствия возможных наследников. Положение предусматривало отстранение от должности «за нерадение в исполнении своей обязанности, худое правление своим родом»⁴⁵.

В целом положение отражало интересы потомственной родовой знати, которая являлась опорой самодержавия и вместе с царизмом угнетала родовых улусников.

Свое положение родоначальники нередко использовали для внеэкономической эксплуатации налогоплательщиков. Наиболее типичной формой злоупотреблений являлись различные незаконные сборы. В 1776 г. поверенные ясачных Кульменского рода жаловались в Балаганское воеводское казначейство, что их родовой шуленга Шадар Челодаев сверх положенной на их род «ясашной суммы пяти сот сорока рублей собрал излишнего в первых два года в каждом году по пятнадцати рублей, но объявил... своим родовым, что сумма ясашная на роду нашем состоит пятьсот пятьдесят рублей»⁴⁶.

Нередки были случаи прямого надругательства над личностью. В 1803 г. ясачный Василий Чемесов жаловался шуленге «Олзоеву роду» Балаганского ведомства Амехену Далдаеву на избивание жены его старшиной Распопиным. Распоясавшийся

⁴³ РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 45. Л. 282; ГАИО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 24.

⁴⁴ РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 45. Л. 282 об.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ ГАИО. Ф. 534. Оп. 11. Д. 1. Л. 133.

старшина, будучи в «хмельном образе», избил беременную женщину «бесчеловечно имеющейся для дверей запоркою» до такой степени, что она «имеющегося в утробе ее младенца выкинула, отчего последовал... тогда чрезвычайный обморок»⁴⁷.

Огромных размеров злоупотребления чиновников и родовых старшин достигли в период пребывания в должности сибирского генерал-губернатора И. Б. Пестеля (1806–1819)⁴⁸. Беспорядки в управлении, сокращение поступления в казну денежных и натуральных налогов, жалобы на злоупотребления чиновников, волнения среди коренного населения – все это заставило правительство обратить внимание на Сибирь. Положение И. Б. Пестеля, управляющего огромным краем из Петербурга, пошатнулось. Правительство Александра I, заявлявшее прежде, что оно в «усердии Пестеля никогда не сомневалось», перестало верить его объяснениям по поводу многочисленных жалоб. Комитет министров признал необходимым сменить Пестеля и назначить в Сибирь нового генерал-губернатора, которому и поручить произвести ревизию и об «открывшемся донести государю».

В марте 1819 г. последовал именной рескрипт М. М. Сперанскому о назначении его сибирским генерал-губернатором. Сперанскому предписывалось «сделать осмотр сибирских губерний», обличить лиц, «предающихся злоупотреблениям», предать «кого нужно, законному суждению».

Ревизия М. М. Сперанского вскрыла вопиющие картины злоупотреблений и произвола сибирской администрации и иномыслителей «начальников». В отчете в Сибирский комитет Сперанский указывал, что общим предметом следственных дел «было лихоимство во всех его видах»⁴⁹.

Результаты ревизии Сперанского хорошо известны⁵⁰. В злоупотреблениях по расходу общественных сумм, в притеснении родовичей и в других преступлениях было выявлено

⁴⁷ ГАИО. Ф. 534. Оп. 11. Д. 1. Д. 5. Л. 66.

⁴⁸ См.: Прутченко С. Отчет тайного советника Сперанского в обозрении Сибири // Сибирские окраины. Приложения. СПб., 1899.

⁴⁹ Прутченко С. Указ. соч. С. 24.

⁵⁰ См.: Корф М. Жизнь графа Сперанского. В 2 т. СПб, 1861; Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. В 2 т. СПб., 1872; Ядринцев Н. М. Сибирь как колония СПб., 1882; История Сибири. Т. 2. Л., 1968; и др.

680 человек, в том числе 250 тайшей, зайсанов, лам и «других инородческих начальников»⁵¹.

«Первую причину» беспорядков и злоупотреблений Сперанский видел в «образе управления, краю сему свойственном»⁵², а также в отсутствии общественного мнения, носителем которого, по Сперанскому, является дворянство. Побочные причины ревизор сводил к недостатку «уставов» для отдельных мест Сибири. «Где нет законов, там всем управляет личная власть», – писал он⁵³. В силу классовой ограниченности Сперанский не мог понять, что злоупотребления «сибирских сатрапов» порождались самим существованием бюрократического государства и были одним из проявлений колониальной политики самодержавия по отношению к Сибири и ее населению.

Отправляя Сперанского в Сибирь, Александр I предписывал ему наряду с ревизией «сообразить на месте полезнейшее устройство и управление сего отдаленного края и сделать оному начертание на бумаге»⁵⁴.

1.3. «Устав об управлении инородцев» 1822 г.

Для рассмотрения отчета М. М. Сперанского по обозрению Сибири указом от 21 июня 1821 г. был образован «особый комитет» под названием Сибирского⁵⁵. По указу царя в Комитете были сосредоточены все сведения о Сибири, имеющиеся в распоряжении правительства. В состав его вошли крупнейшие государственные сановники: Аракчеев, Гурьев, Голицын, Кочубей, Компенгаузен и Сперанский. Делопроизводителем был назначен Батеньков⁵⁶.

На заседании Комитета 3 ноября 1821 г. был составлен план работы и конкретизированы обязанности нового органа по управлению Сибирью.

В марте 1822 г. Сибирский комитет рассмотрел проект «Устава об управлении инородцев». Устав дает возможность

⁵¹ Прутченко С. Указ. соч. С. 21.

⁵² Там же. С. 23.

⁵³ Там же. С. 24.

⁵⁴ Корф М. Указ. соч. Т. 2. С. 175–176.

⁵⁵ ПСЗ-1. Т. 37. № 28706.

⁵⁶ Там же.

понять правительственный взгляд на коренное население Сибири, определить ту роль, которую отводило самодержавие народам края в социально-экономическом развитии восточных окраин империи.

Аборигены играли заметную роль в экономике Сибири, а налоговые поступления с них, особенно пушнина, составляли важную статью кабинетских доходов. Это вынуждало правительство с особой тщательностью подойти к реформе управления народами Сибири. Не случайно устав Сперанского регламентировал все стороны жизни коренного населения – экономическую, административную, судебно-правовую и культурно-бытовую.

Стремясь обосновать необходимость изменения и регламентации жизни народов края, члены Сибирского комитета указывали, что существующее законодательство об инородцах «не охватывает многих необходимых потребностей», отчего происходят значительные «неудобства». Последние, по мнению членов Комитета, сводились к следующему: по составу управления – отсутствие четких обязанностей родоначальников, отчего «все управление инородцев перешло большею частью в руки земских чиновников и сделалось поводом к великим злоупотреблениям», отсутствие дифференцированного подхода к племенам с различным уровнем хозяйственного и общественного развития; по хозяйству – существующее законодательство не учитывало изменений в хозяйстве народов края, которые происходили на протяжении XVIII и первой четверти XIX в., запрещение свободной торговли с аборигенами явилось поводом к установлению монополии чиновников и грабежу нерусского населения; по суду – обычное право аборигенов, на основе которого осуществлялось судопроизводство в родах, не было систематизировано и письменно оформлено, что порождало споры ясачных «о смысле и силе их правил», право это не всегда соответствовало нормам человеческой гуманности⁵⁷. Объективные потребности развития народов Сибири требовали устранения этих недостатков.

В основу проекта были положены следующие принципы:
1) разделение коренного населения на три разряда в соответ-

⁵⁷ Прутченко С. Указ. соч. С. 176.

ствии с родом занятий и образом жизни (оседлые, кочевые, бродячие); 2) ограничение опеки над аборигенами со стороны русской администрации и полиции (власть ее должна была состоять отныне только в осуществлении «общего надзора»); 3) введение свободной торговли с аборигенами, что соответствовало объективным потребностям экономического развития народов Сибири; 4) количество налогов и податей предполагалось привести в соответствие экономическим потребностям каждого племени и «впредь основываться на данных общей ревизии, по временам производимой»⁵⁸. «Устав об управлении инородцев» был подтвержден Александром I 22 июня 1822 г. Для характеристики экономической политики царизма важны разделы «Устава», посвященные хозяйственной жизни коренных народов.

В главе «О разделении инородцев» дается обоснование необходимости деления коренного населения на три разряда. В этом делении проявилась попытка дифференцированного подхода авторов «Устава» к различным группам сибирских народов по уровню их хозяйственного развития. При определении степени экономического развития основным критерием явился вид хозяйственной деятельности, составляющий «главный способ их пропитания»⁵⁹, а не эпизодические доходы.

К разряду оседлых «Устав» относил народы, живущие в городах и селениях, основными занятиями которых было земледелие и торговля⁶⁰. Поразрядная система обусловила и гражданское состояние народов Сибири. Оседлые аборигены приравнивались к сословию государственных крестьян, сравниваясь с ними во всех «правах и обязанностях». «Они управляют на основе общих узаконений и учреждений», – говорилось в «Уставе»⁶¹. Но вместе с тем оседлые жители освобождались от рекрутской повинности⁶².

«Уставом» за оседлыми закреплялись те земли, которыми они владели «по древним правилам», по праву первоначального заселения. Узаконивая 15-десятичную пропорцию,

⁵⁸ Прутченко С. Указ. соч. С. 176.

⁵⁹ ПСЗ-1. Т. 38. № 29126, § 11.

⁶⁰ Там же. § 1.

⁶¹ Там же. § 13.

⁶² Там же. § 19.

«Устав» требовал наделения земель за счет близлежащих пустошей тех аборигенов, у которых земельные наделы были меньше указанной нормы⁶³.

Разряд кочевых составляли коренные жители, «занимающие определенные места, по времени года переменяемые», т. е. ведущие полуоседлый образ жизни. Кочевые жители составляли «особенное сословие в равной степени с крестьянами, но отличное от оногo в образе управления». Иными словами, приравнивая кочевых к государственным крестьянам в налоговом обложении, составители «Устава» сохранили для них самостоятельность в управлении и суде.

Вопросы владения землей разрешались у кочевых по аналогии с оседлыми жителями. «Кочующие инородцы для каждого поколения имеют назначенные во владение земли»⁶⁴. Правило «давности», т. е. первоначального заселения, применялось не только к оседлым, но и к кочевым народам. Формы и способы передела родовой земли определялись самими аборигенами.

Третью группу коренного населения составляли «бродячие инородцы» или «ловцы», переходящие с одного места на другое «по рекам и урочищам»⁶⁵. В отношении прав бродячих аборигенов в «Уставе» говорилось, что на них распространяются «правила, для кочующих постановленные». Допускалось лишь несколько незначительных исключений из этих «правил», обусловленных образом жизни народов⁶⁶.

Конечная цель разрядной системы заключалась в переходе бродячих и кочевых жителей в категорию оседлых инородцев по мере успехов их в хозяйственном развитии. «Позволяется кочующим, – говорилось в «Уставе», – если которые из них водворятся оседло по собственной их воле, вступать в сословие государственных крестьян, равно в городовые жители и записываться в гильдии»⁶⁷. Перечисление из одного разряда в другой приурочивалось к очередной ревизии. Вместе с тем в «Уставе» особое внимание уделялось тому, чтобы

⁶³ ПСЗ-1. Т. 38. № 29126, § 20.

⁶⁴ Там же. § 1, 26.

⁶⁵ Там же. § 1.

⁶⁶ Там же. § 61.

⁶⁷ Там же. § 57.

внушить аборигенам, что они «без собственного их желания не будут включаться в какое другое сословие»⁶⁸.

Перевод инородцев в разряд оседлых преследовал защиту фискальных интересов самодержавия, так как он сопровождался возведением в более высокий оклад государственных крестьян. Наряду с этим разрядная система преследовала и ассимиляторские цели. Однако нельзя не отметить, что «приравнивание» народов Сибири к русскому населению имело и прогрессивное значение. Задача постепенного перехода бродячих и кочевых жителей в категорию оседлых была основана на успехах хлебопашества, а распространение земледелия в хозяйстве коренного населения уже само по себе было положительным явлением. Мысль об уравнивании в правах русского и коренного населения была внесена в Устав Г. С. Батеньковым. Будущий декабрист неоднократно указывал на необходимость «вторичного» присоединения Сибири к России. Говоря так, он имел в виду те усилия и мероприятия, которые должны быть направлены на приобщение коренных народов Сибири к более высокой русской культуре⁶⁹.

Приравнивание коренного населения Сибири к русскому выгодно отличает «Устав» Сперанского от законодательства западноевропейских государств в отношении населения колоний, которое подвергалось национальной дискриминации.

Правительственную позицию в отношении хозяйственного развития народов Сибири авторы «Устава» формулируют, исходя из стремления обеспечить большую доходность и устойчивость инородческих племен. Поэтому «Устав» предусматривал наделение земель аборигенов всех разрядов. Хотя данная мера и определялась фискальными интересами казны, однако оказала и положительное влияние.

Определенные преимущества давались аборигенам «Уставом» и в отношении воинской повинности. В то время как на Западе, в колониальных странах, формировались целые туземные армии (зуавы в Африке, сипаи в Индии), народы Сибири освобождались от рекрутчины.

⁶⁸ ПСЗ-1. Т. 38. № 29126, § 25.

⁶⁹ Шатрова Г. П. К вопросу о взглядах декабристов на Сибирь и программа подъема ее производительных сил и культурного уровня // Учен. зап. ТГУ. Томск, 1958. Вып. 24. С. 66.

Вторая часть «Устава» посвящена организации управления народами Сибири. Характерной особенностью является не просто стремление авторов «Устава» реформировать управление, а построить его «на основе учета некоторых национальных особенностей» нерусского населения края⁷⁰.

«Устав» предусматривал создание ратуш и словесных судов для «торговых» аборигенов и специальных волостей для земледельцев. Состав и обязанности членов волостного правления ничем не отличались от волостного правления русских поселян⁷¹.

Органы родового управления строились с учетом родового принципа. Стремление сохранить род как основную административную и экономическую единицу явилось одним из основных принципов правительственной политики в отношении народов Сибири. Крестьянская община как форма организации русского населения также была предметом тщательной опеки царизма. Сохранение родовой общины как основной территориально-административной единицы не только облегчало эксплуатацию родовичей и общинников, но создавало дополнительные возможности для внеэкономического воздействия на них. Это направление правительственной политики было традиционным. Поэтому неправы те исследователи, которые считают, что мероприятия Сперанского в области административного устройства бродячих и кочевых жителей объективно должны были «ослабить их родовое устройство»⁷². В этом плане совершенно справедливо указание Н. А. Миненко на то, что «Устав» был составлен применительно к родовому строю, «причем к такому, который представлял собой в первой половине XIX в. для большинства народов уже пройденный этап»⁷³.

Вместе с тем следует отметить, что в ряде случаев «Устав» отдавал предпочтение хозяйственным связям. Разreshался уход обедневших родовичей внаем к русским крестьянам. В этом случае инородцы причислялись к разряду осед-

⁷⁰ Светличная Л. И. Устав об управлении инородцев М. М. Сперанского (1822 г.) // Учен. зап. ТГПИ. Тюмень, 1957. С. 65.

⁷¹ ПСЗ-1. Т. 38. № 29126, § 81, 86, 88, 90.

⁷² Цит. по: Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1975. С. 255.

⁷³ Там же.

лых. Впоследствии объективные потребности хозяйственного развития заставили правительство все-таки вступить на путь искусственного разрушения рода, когда в 1853 г. последовало разрешение о перечислении инородцев из одного рода в другой⁷⁴. Крестьянская же община еще долго сохраняла свое значение.

Административное устройство кочевых народов было разработано особенно подробно, ибо они составляли большую часть коренного населения. Реформаторы разделили управление кочевыми жителями на три ступени: а) родовое управление – низшая, для отдельных улусов и стойбищ рода; б) инородная управа – средняя, для нескольких стойбищ и улусов; в) степная дума – высшая, для всего племени⁷⁵.

Родовое управление состояло из старосты и одного или двух его помощников «из почетных и лучших родовичей». Дела управления решались словесно.

Несколько стойбищ или улусов подчинялись инородной управе в составе головы, двух выборных и письмоводителя⁷⁶. «Многие роды», соединенные в одну «общую зависимость» (племя, ведомство), подчинялись степной думе, состоящей из «главного родоначальника», избранных заседателей и голов. Степная дума была подотчетна и подчинялась «во всем» окружным управлениям, т. е. царской администрации. Несмотря на стремление Сперанского придать видимость самоуправления инородцев, Устав жестко регламентировал действия инородческой администрации. Предоставление слишком широких прав органам управления аборигенов внушало тревогу правительству. Поэтому третья часть анализируемого документа посвящена «Наказу управлениями инородцев».

Хозяйственная деятельность органов управления прежде всего касалась сбора ясака. На органы управления возлагались обязанности по раскладке на общество налогов и податей, исправлению натуральных повинностей, сбору недоимок. Кроме того, в обязанности родового управления вменялось «печься» о распространении хлебопашества, росте поголовья

⁷⁴ ПСЗ-1. Т. 33. Отд. 1. № 33244.

⁷⁵ ПСЗ-1. Т. 38. № 29126, § 193, 114.

⁷⁶ Там же. § 104.

скота, подавать сведения о «народоисчислении». Инородным управлениям предоставлялось право заключать торговые контракты. Иными словами, хозяйственная компетентность органов управления аборигенами была довольно широкой.

Более ограниченными были полицейские и судебные функции. На родовое управление возлагался надзор за «спокойствием... вверенных ему людей». В этом правительство видело «важнейшую обязанность родового управления»⁷⁷. Действия родового управления находились под контролем инородной управы. «Власть инородной управы состоит в надзоре за родовым управлением», – гласил «Устав». Таким образом, и среди инородческого управления царизм стремился насадить бюрократический принцип надзора одних органов над другими. Судебные функции органов управления состояли в разборе незначительных гражданских дел, разрешение которых не затрагивало интересов высшей власти. Суд и расправа должны были производиться на основе норм обычного права, кодификация которого предусматривалась «Уставом». Политические и «криминальные» дела подлежали разбору царскими чиновниками.

«Устав» сохранял почетные звания среди кочевников: «звания наследственные остаются наследственными, звание избирательное остается избирательным». Принцип наследственности допускался и при замещении должностных лиц на выборах. Допуская наследование должностей, правительство вместе с тем сохраняло за собой право окончательного утверждения в должности. Все должностные лица инородческого управления подлежали утверждению гражданским губернатором или областным начальником, а «главный родоначальник» – генерал-губернатором⁷⁸. В случае отсутствия прямого наследника допускалось избрание на должность ближайшего родственника⁷⁹. Сохраняя таким образом патриархально-феодальные отношения, «Устав» в ряде случаев отходил от них, давая определенную свободу выборному началу в инородческом управлении, родоначальники сосредоточивали

⁷⁷ ПСЗ-1. Т. 38. № 29126, § 173.

⁷⁸ ПСЗ-1. Т. 38. № 29126, § 147, 148.

⁷⁹ Там же. § 152.

в своих руках большие полномочия, и выборы на должность определенного лица могли оказать существенное влияние на последующее течение дел. Кроме того, выборы развивали общественную активность родовичей, способствовали росту их сознательности. Следует, правда, оговориться, что, сознательно идя на некоторое ущемление наследственного принципа, царизм и тут стремился обезопасить себя от возможных случайностей, допуская избрание только «людей достойных», т. е. состоятельных, и оставляя за собой право окончательного утверждения в должности выборного лица. Но и в узаконенном виде эта часть «Устава» была прогрессивна, прямо отменяя архаичное положение Трескина «О выборе иноверческих начальников и правах их»⁸⁰. Впоследствии Вторым сибирским комитетом было внесено дополнительное уточнение на этот счет: «...в должности, замещаемые по выборам, сибирских инородцев Западной и Восточной Сибири» разрешалось «избирать инородцев не моложе 21 года, имеющих собственное хозяйство и не только не порочных судом и не оглашенных в дурном поведении, но и не состоящих под судом и следствием»⁸¹. Причинами отстранения от исполнения должностных обязанностей считались: уголовное преступление, доказанное судом злоупотребление властью, ходатайство подведомственных родовичей, наем для отработки долгов⁸². Ревизия Сперанского вскрыла вопиющие злоупотребления родовой аристократии, нередко переходящие в уголовные преступления. Поэтому не случайно «Устав» предусматривал отстранение от исправления должностных обязанностей за злоупотребление властью. Однако благие намерения реформаторов не принесли ожидаемых результатов.

В 1837–1838 гг. Сибирский комитет рассматривал записку генерал-майора Альдегонда и Мусина-Пушкина «О состоянии Сибири» за 1835 г. Характеризуя состояние жителей, Мусин-Пушкин отмечал, что лихоимство инородческих старшин не прекращается. По его мнению, злоупотребления «старшин их (коренных жителей. – *Авт.*) не может быть иначе ограни-

⁸⁰ РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 45. Л. 282.

⁸¹ ПСЗ-2. Т. 28. Отд. 1. № 27320; ЦГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 63. Л. 40 об.

⁸² ПСЗ-1. Т. 38. № 29126, § 155; ПСЗ-2. Т. 20. Отд. 1. № 18908.

чено, как уничтожением наследственности старшинских должностей». Автор записки наивно полагает, что «тогда аристократия должна буде... преобразиться в крестьянскую демократию»⁸³. Сибирский комитет отметил, что подобные «сведения» уже рассматривались в свое время, а потому решил довести об этих замечаниях до сведения царя и этим ограничиться⁸⁴.

Чрезвычайно важным представляется анализ тех статей «Устава», которые относились к вопросам экономической политики. Как уже отмечалось, среди исследователей нет единой точки зрения по этому вопросу.

Прежде всего, думается, что в оценке одного из основных положений «Устава» – принципа свободной торговли – исследователи проявляют излишнюю категоричность. Л. И. Светличная, указывая на наличие в «Сибири первой четверти XIX в. тенденции к капиталистическому развитию», считает, что «буржуазные начала более определенно поощрялись Уставом в области торговли и налогового обложения кочевых народов»⁸⁵. Н. А. Миненко, наоборот, полагает, что «хотя объективно это положение (свободная частная торговля в ясачных волостях и селениях. – *Авт.*) Устава носит характер, предписываемый ему предшественниками, направлено оно было к консервации развития народов»⁸⁶. Единственное положительное значение этого принципа Н. А. Миненко видит в том, что разрешение свободной частной торговли в селениях ясачных уничтожало всевозможные злоупотребления в данной области уездных чиновников. Если безоговорочно согласиться с этой оценкой, то тогда будет трудно уяснить значение другой важной идеи «Устава» – переводение ясачного сбора на денежную основу. Между тем Н. А. Миненко признает, что «натуральный ясак в связи с растущей товаризацией хозяйства аборигенов постепенно уступал место денежному». Н. А. Миненко также констатирует, что процесс коммутации ясака на территории Северо-Западной Сибири получил зна-

⁸³ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 71. Л. 17.

⁸⁴ Там же. Л. 206 об.

⁸⁵ Светличная Л. И. Указ. соч. С. 5, 66.

⁸⁶ Миненко Н. А. Указ. соч. С. 254.

чительное развитие⁸⁷. Поэтому думается, что Н. А. Миненко недооценивает те робкие буржуазные тенденции, которые содержались в «Уставе» и выражались прежде всего в провозглашении идеи свободной торговли и переведении сбора ясака на денежную основу. В конечном итоге Н. А. Миненко сама признает, что «официальное признание свободной частной торговли с аборигенами в селениях последних и денежного взноса ясака по своему содержанию означали, в конечном счете, крах политики консервации»⁸⁸. Это утверждение, по нашему мнению, является вполне справедливым. «Устав» разрешал свободную торговлю не только на ярмарках и сугланах, но в русских городах и селениях. В целях пресечения злоупотреблений запрещалась торговля чиновников с коренным населением⁸⁹. В интересах расширения и укрепления торговых связей аборигенов с жителями близлежащих русских поселков разрешались отлучки коренных жителей в соседние города и селения.

В то же время отметим, что некоторые рецидивы запретительной торговли встречались и впоследствии.

В 1831 г. в положении «О свободной торговле...» Сибирский комитет отмечал, что хотя все «меры» по управлению аборигенами в «Уставе» 1822 г. «с ясностью определены», ныне опять свободная торговля с коренными жителями Сибири подвергается преследованию «под предлогами, ничем на деле не доказанными». Поэтому Комитет счел необходимым «строго предписать» начальникам Восточной Сибири, чтобы все меры к ограничению свободной торговли с инородцами были отменены. Местной администрации было сделано строгое внушение на предмет отступления от правил, высшей властью установленных.

Как видим, экономическая политика царизма прежде всего определялась финансовыми интересами самодержавия и связанного с ним общественного строя. Правительство сознавало, что в условиях упадка роли и значения пушного промысла бездоимочное взимание податей и повинностей с

⁸⁷ Миненко Н. А. Указ. соч. С. 261.

⁸⁸ Там же. С. 303.

⁸⁹ ПСЗ-1. Т. 38. № 29126, § 48.

коренного населения края без успешного развития торговли было невозможно. Поэтому в «Уставе» 1822. г. делалась попытка, не меняя патриархально-феодальной основы инородческого общества, учесть те буржуазные тенденции, которые уже обозначались в первой четверти XIX в.

Стремясь повысить платежеспособность аборигенов, в чем особенно было заинтересовано царское правительство, Сперанский пытался на основе поощрения буржуазных начал построить налоговое обложение народов Сибири. Четвертая часть «Устава» целиком посвящена «порядку сбора податей и повинностей с инородцев».

Учитывая тенденцию к развитию товарно-денежных отношений, упадок удельного веса пушного промысла в хозяйстве народов Сибири, с одной стороны, и стремясь обеспечить максимальное поступление в казну налоговых платежей – с другой, Сперанский ввел принципиальное новшество в систему ясачного сбора, который теперь переводился на денежную основу. Тем самым делалась попытка оградить инородцев от злоупотреблений чиновников, столь обычных при приеме ясака пушниной. В «Уставе» подчеркивалось, что отныне «сбор вещами обращается в денежную сумму вообще свободною распродажею на ярмарках. Цена вещей, завися, как обыкновенно, от пропорции между требованиями на покупку и предложениями на продажу, всякое влияние местного начальства делает излишним и бесполезным»⁹⁰. В другой статье отмечалось, что «казенные комиссары на ярмарках никакими льготами не пользуются»⁹¹.

Наряду с денежным взносом разрешалось сдавать ясак и пушниной, которая при оценке делилась на два сорта – обыкновенную и дорогую⁹². Ясачный сбор следовало сдавать деньгами или «рухлядью» в инородное управление или непосредственно в земский суд.

«Устав» регламентировал государственные, земские, уездные и местные сборы. Подчеркивая самобытность народов Сибири, авторы «Устава» оговаривались, что «никакой новый

⁹⁰ ПСЗ-1. Т. 38. № 29126, § 317.

⁹¹ Там же. § 319.

⁹² Там же. § 330.

по государству налог не распространяется на сибирских кочующих и бродячих инородцев, если о том именно не будет определено»⁹³.

Приравнивая кочевых жителей к крестьянскому сословию в гражданских правах, «Устав» сближал их и в налоговом обложении. «Кочующие инородцы участвуют в общих по губернии повинностях», – гласил «Устав». Кроме того, они должны были содержать за свой счет и родовое управление, что относилось авторами «Устава» к «внутренним повинностям кочующих»⁹⁴.

Подробное исчисление всех сборов составлялось гражданским губернатором или областным начальником и подлежало утверждению генерал-губернатором. Сборы на содержание родового управления производились на основе общественных приговоров, а на земские повинности – на основании особого положения, выработанного «местным главным управлением». Для точного учета всех сборов вводились специальные шнуровые книги, хранившиеся в земском суде.

В интересах фиска специальная глава «Устава» (11) была посвящена взысканию недоимок, но и тут авторы стремились по возможности ограничить вмешательство администрации. Недоимки надлежало взыскивать не иначе «как на ярмарках и сугланах»⁹⁵. Традиционное выколачивание недоимок заменялось такими мерами, как «настоятельное убеждение, задержание старосты, его сына или ближайшего родственника». Не исключался также и временный «арест» части пушнины, предназначенной к продаже⁹⁶.

Ряд статей «Устава» был посвящен вопросам культурно-бытовой жизни народов Сибири. В вопросах религии «Устав» стоял на позициях веротерпимости. «Устав» отрицал насильственное крещение как меру распространения христианства, земским властям запрещалось «преследовать инородцев за их языческую религию»⁹⁷. Некрещеные аборигены получали свободу «отправлять богослужение по их законам и обря-

⁹³ ПСЗ-1. Т. 38. № 29126, § 300.

⁹⁴ Там же. § 357.

⁹⁵ Там же. § 358.

⁹⁶ ПСЗ-1. Т. 38. № 29126, § 288.

⁹⁷ ПСЗ-1. Т. 38. № 29126, § 288.

дам»⁹⁸. Вместе с тем «Устав» подчинял «иноверческое духовенство... местной полиции наравне с прочими инородцами». Принятие христианства расценивалось как положительное явление, но вместе с тем «Устав» не наделял никакими преимуществами крестившихся инородцев. Уже позднее, в 1832 г. последовало предписание Сибирского комитета «О сложении ясака на три года с инородцев, вступивших в христианскую веру»⁹⁹. «Устав» предоставлял ясачным право отдавать своих детей в государственные учебные заведения и открывать свои училища.

Таковы основные положения «Устава об управлении инородцев» 1822 г. в областях хозяйственной, административной, судебной и культурно-бытовой.

1.4. Вопрос о кодификации норм обычного права инородцев в 30–40-х гг. XIX в.

Кодификация норм обычного права сибирских народов в два законодательных памятника – «Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» и «Сборник обычного права сибирских инородцев для Западной Сибири» явилась следствием введения «Устава об управлении инородцев» 1822 г.

До присоединения Сибири к русскому государству коренные жители края не знали письменных знаков. Общественная жизнь регулировалась на основе обычаев, передававшихся устно из поколения в поколение. Эти обычаи, явившиеся плодом развития общественных отношений, с течением времени приняли нормы права и могут быть, по мнению исследователей, охарактеризованы как обычное право¹⁰⁰.

Памятники обычного права народов Сибири тогдашняя терминология называет сборниками степных законов. У коренного населения Сибири существовало несколько таких сводов¹⁰¹, которые являются ценным источником для изучения общественно-политического и экономического развития.

⁹⁸ ПСЗ-1. Т. 38. № 29126, § 286.

⁹⁹ ПСЗ-2. Т. 7. № 5847.

¹⁰⁰ См.: Цибилов Б. Д. Обычное право селенгинских бурят. Улан-Удэ, 1970. С. 3.

¹⁰¹ Рабцевич В. В. Записи обычного права сибирских народов последней четверти XVIII – первой половины XIX в. как историографический источник // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1982. С. 31–34.

Как уже отмечалось, в 1728 г. инструкцией Рагузинского из ведения родовых властей были изъяты так называемые криминальные дела. Суд и расправа в «малых делах» – воровство, драки и т. д. – по-прежнему оставались в компетенции родоначальников. Аналогичные предложения содержались и в инструкции секунд-майору Щербачеву (1763 г.). Самодержавие не решалось подвергнуть полной регламентации внутриродовые отношения, а стремилось создать видимость самоуправления народами края. Такая позиция правительства объясняется тем, что жесткая регламентация всех сторон жизни народов Сибири могла оттолкнуть вновь присоединенные племена от русского государства. Из опасения ухода некоторых сопредельных с Монголией племен за границу правительственные указы предписывали «служилым людям напрасных обид и налогов отнюдь никому не чинить»¹⁰².

Правительство было вынуждено учитывать отсталость присоединенных племен. Власти сознавали невозможность на первых порах полного подчинения народов Сибири русскому законодательству. Известную роль в этом отношении играло стремление правящих кругов сохранить патриархально-феодалные отношения у народов края, базирующиеся на имущественном и социальном неравенстве.

С другой стороны, царизм прилагал усилия к скорейшей ассимиляции сибирских народов с русским населением, чему в немалой степени способствовало развитие земледелия, распространение христианства и введенная «Уставом» 1822 г. порозрядная система.

В отчете генерал-губернатора Восточной Сибири А. С. Лавинского за 1822–1823 гг. отмечается, что началом введения в действие «Устава об управлении инородцев» явилось распоряжение местной администрации о переводе документа на языки местных народов. Затем администрация приступила к сбору сведений об аборигенах, чтобы на основании собранных данных разделить их на разряды. Следовало собрать полные и подробные сведения о законах и обычаях всех категорий коренного населения, так как предполагалось санкционировать обычно-правовую систему и использовать ее в

¹⁰² Ядринцев Н. М. Сибирь как колония ... С. 106.

управлении. Для этой цели в Иркутске и Красноярске были учреждены особые временные комитеты, которые состояли из чиновников губернских правлений и возглавлялись гражданскими губернаторами И. Б. Цейдлером и А. П. Степановым. Сбор сведений следовало осуществлять в соответствии с программой, разработанной в Петербурге. В обязанности собирателей-чиновников – членов губернских комитетов «входила не простая фиксация данных по программе, а составление общих для всех описываемых народов справочников», т. е. задачи редактирования¹⁰³.

В роли информаторов о нормах права обычно выступали представители родовой знати. В Енисейской губернии это были «почетнейшие старейшины в виде депутатов четырех главных инородческих родоначалей». В Иркутской губернии информаторами являлись главные тайши родовых управлений, их помощники, шуленги, старшины и другие «почетные инородцы». В Хоринском и Селенгинском ведомствах Верхнеудинского округа в составлении проекта свода законов приняло участие 154 депутата. В Якутской области необходимые сведения предоставили князцы Мишалкин, Королев, Ракунов и др.¹⁰⁴

По полноте сведений о нормах обычного права в Восточной Сибири выделяется свод норм аборигенов, населяющих Иркутскую губернию. В первоначальной редакции он насчитывал 844 параграфа и подразделялся на 52 главы¹⁰⁵. Проект Якутского областного комитета состоял из 153 параграфов, Енисейского – из 74¹⁰⁶.

По указанию генерал-губернатора Лавинского проекты сводов были направлены в Иркутский губернский комитет для окончательного редактирования. При составлении проектов сводов члены губернских комитетов пришли к заключению, что обычаи коренного населения Енисейской губернии мало чем отличаются от законов иркутских аборигенов, поэтому было решено составить общий свод обычного права народов Восточной Сибири.

¹⁰³ Рабцевич В. В. Указ. соч. С. 32.

¹⁰⁴ РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. 1838 г. Д. 36 «г». Л. 60–64.

¹⁰⁵ Там же. Л. 66 об.

¹⁰⁶ Там же. 1838 г. Д. 36 «в». Л. 48.

При рассмотрении сводов степных законов Советом главного управления в августе 1824 г. был внесен ряд поправок и предложений, после чего генерал-губернатор А. С. Лавинский «не нашел никакого препятствия к утверждению их» и проект был направлен в Сибирский комитет¹⁰⁷.

К рассмотрению поступивших проектов Сибирский комитет приступил весной 1825 г. Однако работа продвигалась медленно. Тогда ввиду сложности было решено образовать специальную комиссию, которой поручалось изучить два проекта, состоящих из нескольких сот статей, сравнить их с подлинными показаниями аборигенов, определить, насколько они соответствуют «Уставу» 1822 г. В конечном итоге комиссии следовало представить в Сибирский комитет заключение о дальнейшей судьбе проектов. Объем работы, как видим, был достаточно велик. Поэтому комиссия смогла завершить ее только к концу 1827 г.

Из «Записки о степных законах народов Восточной Сибири» видно, что сразу же после начала работы комиссии возникли некоторые трудности, предопределившие дальнейший характер ее работы¹⁰⁸. При сравнении проектов с показаниями инородческих депутатов оказалось, что они значительно разнятся между собой. Проекты сводов представляли, по утверждению комиссии, «изложение, местными начальствами уже измененное»¹⁰⁹. Поэтому члены комиссии решили составить новый проект свода законов, «приняв в ближайшее соображение подлинные показания инородцев». В ходе работы выяснилось, что составление такого проекта займет много времени, поэтому было решено отказаться от составления нового проекта, а только исправить старый. Однако управляющий делами Сибирского комитета Величко не согласился с членами комиссии. Он настаивал не на исправлении старого, а на составлении нового проекта. Стремясь мотивировать свое решение, Величко утверждал, что в основу обсуждаемых проектов сибирская администрация положила свое собственное

¹⁰⁷ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 280. Л. 1–1 об.

¹⁰⁸ Там же. Л. 139–151.

¹⁰⁹ Там же. Л. 143.

мнение, а «показания инородцев или вовсе устранила, или приняла как вспомогательное в работе пособие»¹¹⁰.

В марте 1828 г. Сибирский комитет вынес решение по спорному вопросу. Величко поручалось составить новый проект свода степных законов «на началах более удовлетворительных». К 1831 г. были составлены шесть частей проекта и, по предложению Величко, отправлены в Иркутск на заключение известного «знатока быта инородцев губернского переводчика монголо-бурятского языка Игумнова».

К 1836 г. было завершено составление второго проекта свода законов, а в следующем году с «высочайшего разрешения» 50 экземпляров проекта было напечатано. В этой редакции проект включал 540 параграфов, которые состояли из самого текста, ссылок на источники и примечаний, объясняющих значение некоторых слов и терминов.

В июле 1837 г. 20 экземпляров проекта было направлено генерал-губернатору Восточной Сибири С. М. Броневскому для обсуждения в губернских и областных советах. Итоговое обсуждение проекта в Совете главного управления Восточной Сибири состоялось в ноябре 1837 г. Многочисленные замечания участников обсуждения касались главным образом семейно-бытовой стороны жизни аборигенов, а также вопроса о географии проектируемых преобразований. Знакомство с журналом заседания Совета главного управления позволяет заключить, что местная администрация предполагала распространить действие сводов степных законов на абсолютное большинство коренного населения края. Между тем пока в Сибири в течение полутора лет шло обсуждение проекта свода степных законов, 9 января 1838 г. последовал именной указ о закрытии Сибирского комитета¹¹¹. Считая, что основная его цель – «введение учреждения и Уставов 1822 г. в полное действие» – уже достигнута, Николай I предписал закрыть Комитет, а архив передать в канцелярию Комитета министров. Незавершенные проекты и различные предложения следовало передать в Государственный совет. Так закончил свое существование Первый сибирский комитет.

¹¹⁰ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 280. Л. 144–144 об.

¹¹¹ ПСЗ-2. Т. 13. Отд. 1. № 10867.

Проект свода степных законов с предложениями и поправками губернских и областных правлений попал во II отделение Императорской канцелярии к М. М. Сперанскому, который незадолго до своей смерти передал его бывшему управляющему делами Сибирского комитета Величко. Последний после закрытия Комитета был откомандирован ко II отделению Императорской канцелярии и назначен членом Совета Министерства внутренних дел. Величко вместе с вице-директором Второго департамента Министерства государственных имуществ Ильичевским проект свода был дополнен и исправлен.

Оба чиновника настаивали на внесении в проект свода положения, подтверждающего вотчинные права казны на земли, занимаемые аборигенами¹¹². Однако министр внутренних дел Д. Н. Блудов придерживался иного мнения. Он утверждал, что анализ аграрного законодательства непременно должен был привести к заключению, что «высшее правительство всегда старалось в отношении к сибирским инородцам, особенно в Восточной Сибири... кочующим, устранить всякий, даже и малейший повод к сомнению, насчет неприкосновенности их прав на землю, как древнюю их собственность»¹¹³. Мероприятия правительства своей важнейшей целью имели «предупредить неприязненные разглашения, которые легко могли особенно в столь отдаленном от центра управления крае произвести тревогу в умах и иметь неблагоприятные последствия прежде, нежели Высшее правительство успеет принять надлежащие достаточные к пресечению их меры»¹¹⁴. Руководствуясь этими соображениями, Д. Н. Блудов предлагал «ныне не вводить в Степное уложение никаких особенных положительных постановлений о вотчинном праве казны на земли, занимаемые инородцами», тем более «что и без всякого о том упоминания на основании общих законов империи самодержавная власть... всегда имеет полное право располагать не только землями сибирских инородцев, но всеми и всякими имуществами своих подданных» и ни «у кого нико-

¹¹² РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. 1838 г. Д. 36 «б». Л. 144.

¹¹³ Там же. Л. 112.

¹¹⁴ Там же. Л. 149.

гда не может быть сомнения в праве, на коем сибирские инородцы, по существующим узаконениям владеют землями»¹¹⁵.

Министр государственных имуществ П. Д. Киселев согласился с предложением Блудова. Он предлагал лишь «в предупреждение сомнений о правах казны» внести в проект некоторые редакционные изменения и примечания. В целом же проект свода Киселевым был одобрен.

В начале лета 1841 г. Д. Н. Блудов с «высочайшего» благословения направил проект свода государственному секретарю М. А. Корфу для обсуждения в Государственном совете. Департамент законов высоко оценил представленный проект. В резолюции из журнала департамента от 22 сентября 1841 г. отмечается, что «дело... совершено вообще с особым тщанием и в отношении как полноты свода, так и самой его системы представляет весьма удовлетворительные результаты»¹¹⁶. Однако ввиду «важности поставленного вопроса» департамент счел необходимым прежде вынесения окончательного заключения о проекте получить о нем отзыв министра юстиции¹¹⁷. Вопреки ожиданиям, отзыв В. Н. Панина, занимавшего тогда этот пост, был резко отрицательным. Указав, что проект не только не соответствует своему первоначальному назначению, но и содержит в себе «важные от первоначальных предначертаний правительства отступления», В. Н. Панин высказался против его окончательного утверждения¹¹⁸.

В проекте 1841 г. подстатейные ссылки на сборники обычаев народов Сибири были заменены статьями Общего свода законов, от чего число параграфов увеличилось до 802. Однако сами редакторы указывали, что «особого различия между обоими изданиями нет, различия касаются только формы»¹¹⁹. К проекту отдельным томом придавались пояснительные примечания.

¹¹⁵ РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. 1838 г. Д. 36 «б». Л. 149–150, 155.

¹¹⁶ Там же. Ф. 1149. Оп. 3. Д. 57. Л. 3.

¹¹⁷ Там же. Л. 3 об.

¹¹⁸ РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 63. Л. 39.

¹¹⁹ Нольде А. К истории составления проекта «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» // С. Ф. Платонову – ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911. С. 512.

Приступая к составлению проекта свода степных законов, правительство надеялось с его помощью упорядочить и регламентировать юридически обычаи и быт народов Сибири. Однако проект 1836 г., и тем более 1841 г., не отвечал этим требованиям. По характеристике А. Нольде, они являлись «справочной книгой для кочевых инородцев»¹²⁰. В проекте 1841 г. из 802 статей только 379 основывались на «истинных» показаниях «инородческих депутатов», 131 статья содержала «дополнительные и переходные правила», а 294 статьи были заимствованы из Общего свода законов. Естественно, что такой проект не мог быть утвержден, и его пришлось отправить на доработку.

В 1844 г. проект свода степных законов, по предложению II отделения Императорской канцелярии, вновь рассматривался в Государственном совете. При этом обнаружились две противоположные точки зрения. В. Н. Панин полагал, что «нет достаточного удостоверения в точности материалов, положенных в основу упомянутого свода»¹²¹. Совершенно иную позицию занял начальник II отделения Императорской канцелярии М. А. Балугьянский. Возражая Панину, он доказывал, что «по настоящему предмету изыскания были сделаны весьма тщательно и с крайнею осторожностью». При этом Балугьянский обращал внимание на то, что достоверность всех актов, положенных в основу проекта, подтверждается родоначальниками и губернской администрацией. Защищая проект, Балугьянский указывал, что новые изыскания по этому вопросу ничего не дадут.

При таком значительном разногласии между высокопоставленными чиновниками судьбу проекта решило побочное обстоятельство. В то время готовилось к изданию новое уголовное уложение. А так как значительную часть проекта свода степных законов (175 статей) составляли постановления о взысканиях и наказаниях, то департамент законов, опасаясь, что статьи эти придется переделывать в духе нового узаконения, не принял окончательного решения без отзыва министра юстиции. Подобная позиция департамента позволяет судить об истинном отношении самодержавия к составляемому про-

¹²⁰ Нольде А. К истории составления проекта ... С. 517.

¹²¹ РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. Д. 68. Л. 2об; Ф. 1261. Оп. 1. 1838 г. Д. 36 «б». Отд. 1. Л. 258–312.

екту свода степных законов. Введением такого свода царизм стремился создать видимость самоуправления, исходящего из норм обычного права народов Сибири, отфильтровывая из него все то, что, по мнению правительства, не только противоречило официальным узаконениям, но и могло помешать эксплуатации коренного населения.

В начале 1847 г. заместитель управляющего II отделением Императорской канцелярии М. А. Корф представил «Записку о своде степных законов инородцев Восточной Сибири»¹²². В ней автор не только довольно обстоятельно изложил историю попыток кодификации степных законов, но, что особенно ценно, высказал свое оригинальное суждение по рассматриваемой проблеме, нашедшее полную поддержку правительства. М. А. Корф, в отличие от своих предшественников, к составлению проекта свода степных законов попытался подойти с учетом хозяйственных и культурно-бытовых особенностей тех народов Сибири, для которых он предназначался. Подобный подход, надо полагать, не являлся случайным. Из биографии М. М. Сперанского, написанной М. А. Корфом, можно заключить, что уже в то время будущий придворный историкограф приступил к сбору сведений, необходимых для жизнеописания «русского реформатора»¹²³. Корф подробно ознакомился с сибирским периодом деятельности Сперанского и впоследствии посвятил этому сюжету в своей книге целую главу¹²⁴. Очевидно, именно это обстоятельство и предопределило попытку проблемной постановки вопроса при рассмотрении проекта свода степных законов.

Рассматривая проект, Корф наметил три вопроса, от решения которых зависела его судьба, а именно: соответствует ли проект «целям правительства», удовлетворителен ли он, а если нет, то можно ли составить лучший, и есть ли вообще необходимость в письменной фиксации обычаев коренного населения Сибири¹²⁵.

Ответы Корфа на первые два вопроса не отличаются оригинальностью суждений. По его мнению, «проект не соответ-

¹²² РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. Д. 68. Л. 3–3 об.

¹²³ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. С. 2.

¹²⁴ Там же. Т. 2. С. 164–260.

¹²⁵ РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. Д. 68. Л. 9–10.

ствуется целям своего назначения», и введение его может «только повредить успеху предпринимаемых правительством усилий к устройству Сибири»¹²⁶. Относительно второго вопроса замечает, что сведения, положенные в основу проекта, «не заключают в себе ничего довольно полного, положительного и достоверного», чтобы основывать на них свод законов¹²⁷.

Оригинальность суждений Корфа проявляется при ответе на третий вопрос. Выражая сомнение в целесообразности введения свода степных законов, Корф указывает на существенные различия в уровне хозяйственного и культурного развития различных кочевых племен. При механическом объединении в свод степных законов норм обычного права различных кочевых народов, по мнению Корфа, «все те неудобства, которые возникают от степных законов, вряд ли устранятся». В данном случае Корф был, несомненно, прав. Последние работы советских исследователей доказывают, что обычное право народов Сибири, в частности бурят, отличалось партикуляризмом, который обуславливался территориальной обособленностью племен, экономической и культурной разобщенностью народов¹²⁸. Издание свода степных законов, по мнению Корфа, могло быть полезно до введения Сибирского учреждения 1822 г. Теперь же, когда «самими учреждениями сделано уже весьма многое и в отношении к инородцам», необходимость такого рода отпала¹²⁹.

Действительно, законодательное оформление норм обычного права в том виде, как это предусматривалось правительством, могло послужить лишь консервации патриархально-феодальных отношений в то время, когда правительство своими указаниями вступило на путь их разрушения.

К концу первой половины XIX в. народы Сибири сделали заметный шаг вперед в социально-экономическом и культурном развитии. Наметившаяся еще в начале века тенденция к сближению русского и коренных народов значительно окрепла. Население региона все сильнее вовлекалось в орбиту общегосударственных связей и отношений. Род как админи-

¹²⁶ РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. Д. 68. Л. 9–10.

¹²⁷ Там же. Л. 10 об.

¹²⁸ Цибилов Б. Д. Указ. соч. С. 4.

¹²⁹ РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. Д. 68. Л. 16 об.

стративно-хозяйственная единица распадался. В этих условиях полное подчинение народов Сибири российскому законодательству могло иметь прогрессивное значение. В середине XIX в. обычное право народов Сибири уже не отражало действительного положения вещей, оно являлось пройденным этапом для большинства народов Сибири, поэтому и отпала необходимость превращать своды в действующие законы и включать в «Свод Российской империи»¹³⁰.

Министр юстиции не только полностью согласился с мнением Корфа, но и добавил от себя, что если издавать свод, то придется делать это для каждой из областей Восточной Сибири. При этом вследствие неграмотности большинства аборигенов усилилось бы влияние лам, чего царское правительство допустить не хотело. Поэтому Государственный совет решил через министра юстиции запросить мнение генерал-губернатора Восточной Сибири о целесообразности введения степных законов. Ответ Н. Н. Муравьева содержал следующее: «...введение степных законов ныне было бы не полезно, а вредно, ибо при действии общих русских законов, к которым инородцы более и более стали обращаться, прежние обычаи и предания инородцев слабеют, исчезают и обо многом они сами уже имеют лишь одни темные и сбивчивые сведения, что едва ли в скором времени не представится необходимым распространить на них действие законов общих»¹³¹. Так закончились попытки правительства законодательно оформить нормы обычного права народов Сибири.

В итоге отметим, что к концу второй четверти XIX в. отчетливо прослеживается стремление правительства подчинить народы Сибири действию общероссийского законодательства. Подобная тенденция в политике обуславливалась классовыми интересами царизма и являлась одним из проявлений колониальной политики самодержавия по отношению к коренным народам края. Однако объективно это направление политики царского правительства способствовало сближению русского и коренных народов Сибири, что имело прогрессивное значение.

¹³⁰ Светличная Л. И. Указ. соч. С. 71.

¹³¹ ЦГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 63. Л. 38 об.

Глава 2

УПРАВЛЕНИЯ НАРОДАМИ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

2.1. Предложения о реформе управления аборигенами 60–80-х гг. XIX в. Попытки пересмотра «Устава» 1822 г.

Вопрос о реформе управления сибирскими аборигенами в первые пореформенные десятилетия неоднократно обсуждался в правительственных кругах и среди местного чиновничества. Это было связано с предпринимаемыми самодержавием попытками распространить на Сибирь положения крестьянской реформы 1861 г. и полностью подчинить народы Сибири действию законодательства о крестьянах. Однако отсутствие у правительства четкой программы реализации намеченных целей порождало противоречивость поступающих предложений. Это обстоятельство своим следствием имело непоследовательность политики в отношении сибирских аборигенов, что было прямым порождением общего внутриправительственного курса царизма этого периода, который один из современников охарактеризовал как систему нерешительности и противоречий¹³².

В первой половине XIX в. управление народами Сибири основывалось на принципах «Устава об управлении инородцев» 1822 г. Коренное население делилось на три разряда: оседлых, кочевых и бродячих. Поразрядная система обуславливала гражданское состояние аборигенов. «Оседлые инородцы» приравнивались к сословию государственных крестьян во всех правах и обязанностях, кроме рекрутской повинности. «Кочевые» приравнивались к крестьянам в налоговом отношении, но сохраняли самостоятельность в управлении и суде. На «бродячих жителей» распространялись, за небольшим исключением, правила, «для кочующих постановленные». Орга-

¹³² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М., 1961. С. 145.

ны самоуправления кочевых народов разделялись на три степени: родовое управление – низшая (для отдельных улусов и стойбищ), инородная управа – средняя (для нескольких стойбищ и улусов), степная дума – высшая (для всего племени).

В общих чертах основные положения «Устава» были подтверждены Вторым сибирским комитетом в 1852 г. Национальная программа царизма предусматривала подчинение оседлых аборигенов общим крестьянским учреждениям и установлениям. В отношении кочевых и бродячих коренных жителей предлагалось изыскать средства для привлечения их к оседлости и «ограждению от разных притеснений». Определение конкретных мер в этом направлении следовало предоставить местной администрации, которая в основу своих действий обязывалась положить принцип незыблемости «главных оснований Сибирского учреждения 1822 г.». Отмечая пожелания незначительных улучшений быта аборигенов, правительство вместе с тем подчеркивало права Кабинета на ясачную ренту с народов Сибири. Составители программы признавали, что «ясачный сбор по многим его неудобствам требует особого соображения, но все предложения, какие имеются в виду по сему предмету, не согласны в главных между собой основаниях». Свою задачу члены вновь созданного Сибирского комитета видели в том, чтобы «сообразить в подробности: какими именно средствами можно было устроить ясачный сбор с сибирских инородцев... чтобы этот сбор, не стесняя инородцев, не препятствовал обращению их к оседлости и не уменьшал доходов Кабинета»¹³³. Национальная программа Второго сибирского комитета вопрос о судьбах народов Сибири решала с консервативно-охранительных позиций. Выражая традиционные пожелания улучшения быта аборигенов и привлечения их к оседлости, члены Комитета не предполагали возможности серьезных реформ в скором будущем.

Позиции сибирского чиновничества принципиально не отличались от вышеизложенной программы. Тобольский губернатор В. А. Арцимович признавал необходимость лучшего «образования... управления» аборигенами, но не предлагал

¹³³ ГАРФ. Ф. 109. I эксп. 1852 г. Д. 135. Л. 84, 85, 51.

ничего конкретного¹³⁴. Вывод о принципиальном единстве подходов центральной и местной администраций к решению «инородческого вопроса» подтверждается и при знакомстве с предложениями, исходящими от других представителей сибирской губернской администрации¹³⁵.

Дальнейшее развитие программы правительства в отношении коренного населения Сибири находилось в неразрывной связи с разработкой крестьянской реформы для Сибири в целом и стремлением к пересмотру основных положений «Устава об управлении инородцев» 1822 г. В частности, предполагалось, что ревизия инородческого устава должна преследовать русификаторские цели. Начиная с 40-х и особенно в 50-х гг. XIX столетия в высших правительственных сферах все чаще стали раздаваться голоса о необходимости полного подчинения сибирских аборигенов русскому законодательству. Еще в 1847 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев высказался о важности распространения «действия законов общих» на коренных жителей¹³⁶. Наиболее подробно этот вопрос изложил В. А. Арцимович в «Описании сибирского края» в 1857 г. Рассматривая Сибирь не только как место ссылки и наказания преступников, но прежде всего как неотъемлемую и одну из важнейших частей России, он предлагал провести ряд мероприятий «не только в видах устройства края... но и в видах извлечения из Сибири возможной для государства пользы и усиления политического значения русского населения в крае¹³⁷. Не случайно Арцимович ратовал за «коренную» реформу управления аборигенами на русификаторских началах¹³⁸.

С проблемой унификации управления русским крестьянством и коренным населением местная администрация вплотную столкнулась в середине 50-х гг. в связи с организацией в Западной Сибири образцовых волостей. К образцовым относились волости, в которых после окончания реформы

¹³⁴ ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 34. Л. 1 об.

¹³⁵ РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 141. Л. 1–14.

¹³⁶ Там же. Оп. 2. Д. 63. Л. 39 об.

¹³⁷ ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 50. Л. 2–3.

¹³⁸ Там же. Д. 34. Л. 1 об.

проводилось межевание земель¹³⁹. В октябре 1853 г. Совет Главного управления Западной Сибири признал необходимым ввести образцовое управление «для опыта в нескольких волостях оседлых инородцев». На эти волости следовало распространить «весь порядок волостного и сельского управления». Служебные обязанности должностных лиц в инородческих образцовых волостях практически не отличались от функций лиц крестьянского самоуправления. Это означало, что с введением нового порядка управления у оседлых аборигенов должно было произойти значительное сближение форм крестьянского и инородческого самоуправления. В Западной Сибири эта форма организации управления оседлыми аборигенами довольно скоро получила распространение. К концу 50-х гг. в Тобольской губернии было образовано 23 образцовых волости, в Томской губернии – 15¹⁴⁰.

После поражения царизма в Крымской войне в условиях неудовлетворительного состояния сельского хозяйства, массового разорения крестьян, когда бюджетный дефицит стал хроническим недугом, правительство было вынуждено выискивать дополнительные источники пополнения государственной казны. В этой ситуации самодержавие вновь обратилось к Сибири, к ее коренным народам как потенциальным поставщикам ценного «мягкого золота». В правительственных кругах возник проект о перечислении кочевых аборигенов в разряд оседлых и сравнении их по платежу податей с государственными крестьянами. Его автором был управляющий сбором ясака в Восточной Сибири Полонский¹⁴¹.

Подобная картина наблюдается и в Западной Сибири. Весной 1864 г. по предложению А. Дюгамеля Комитет министров причислил несколько волостей оседлых инородцев Тобольской губернии к русским волостям Тобольского и Тюменского округов. Ходатайство о разрешении приписки аборигенов к русским волостям местная администрация пыталась подкрепить ссылками на необходимость «упорядочивания

¹³⁹ Топчий А. Т. Крестьянские реформы в Сибири (1861–1899 гг.) / отв. ред. Л. И. Боженко. Томск, 1979. С. 132.

¹⁴⁰ ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 34. Л. 1 об.

¹⁴¹ См.: Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск, 1986. С. 75.

сбора подлежащих с них податей...». Однако первоначальный опыт оказался весьма неудачным. По признанию тобольского губернатора, податные сборы с аборигенов отнюдь не увеличились, а у «искусственно» соединенных в одни волостные управления крестьян и аборигенов происходили различные споры, нередко выливавшиеся во «взаимный антагонизм». В конечном итоге волостные сходы стали просить об отчислении от них аборигенов, а последние в свою очередь отказывались от причисления к русским волостям¹⁴². В условиях национально-колониальной политики самодержавия механическое объединение аборигенов и русских в рамках единых административных единиц не могло принести свободы коренному населению. Формы и методы этого процесса «не соответствовали его объективному прогрессивному содержанию, ибо они были обусловлены военно-феодальным характером господствующего в стране царского режима и эксплуататорской сущностью связанного с ним общественного строя»¹⁴³. Тем не менее в 1871 г. тобольский губернатор А. С. Сологубов вновь поднял вопрос о причислении оседлых инородцев губернии к русским волостям. На этот раз речь шла о всех оседлых аборигенах без исключения.

Помимо финансовых выгод, предполагаемые мероприятия должны были, по замыслу чиновничества, способствовать «успешному административному надзору, объявлению правительственных распоряжений, судебных приговоров» и т. д.¹⁴⁴ Как видим, в обоснование будущих преобразований в качестве основных выдвигались фискальные и административные мотивы. Вопрос о соответствии уровня податного обложения действительной платежеспособности аборигенов даже не ставился, сами преобразования прогнозировались без всякого участия аборигенов.

Спустя два года аналогичный вопрос был поднят администрацией соседней Томской губернии. Однако причины, породившие его, были иными. Губернатор отмечал, что проживающее оседло коренное население в настоящее время со-

¹⁴² ГАРФ. Ф. 1291. Оп. 84. 1896 г. Д. 14. Ч. 2. Л. 2, 16 об.

¹⁴³ История СССР с древних времен до наших дней. М., 1967. Т. 4. С. 360.

¹⁴⁴ ГАРФ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 6776. Л. 4–4 об.

вершенно обрусело, аборигены пользуются землей наравне с крестьянами, но размеры их податных платежей значительно ниже крестьянских. Кроме того, коренные жители были «совершенно избавлены от рекрутства». Такое привилегированное положение оседлых аборигенов по сравнению с русскими крестьянами представляло, по глубокому убеждению губернатора, «полную несправедливость». В силу указанных причин необходимость причисления оседлых аборигенов к русским волостям еще более усиливалась¹⁴⁵. В сущности, позиции тобольского и томского губернаторов совпадали. Они признавали за благо причислить оседло проживающих аборигенов к русским волостям, а расходились лишь в обоснованиях этих предложений. Советские историки давно доказали, что подобное попечение на практике являлось одной из форм реализации национально-колониальной политики царизма, проводимой «прежде всего в интересах русского дворянства»¹⁴⁶. Новые проекты сибирской администрации вливались в общий тон правительственной политики и являлись прелюдией того откровенно реакционного курса, который устанавливается в 80-х гг. XIX в. и связывается с именами К. П. Победоносцева, Д. А. Толстого и др.¹⁴⁷

В 1876 г. генерал-губернатор Западной Сибири Казнаков обратился в министерства внутренних дел и государственных имуществ с предложением, не дожидаясь итогов рассмотрения вопроса о поземельном устройстве сельского населения Сибири, незамедлительно причислить к русским волостям оседлых аборигенов Тобольской и Томской губерний. В отношении землепользования предлагалось оставить коренных жителей в прежних «границах и правах»¹⁴⁸. В ноябре 1877 г. П. А. Валуев внес на рассмотрение в Комитет министров предложение Казнакова¹⁴⁹. Обсуждая его, члены комитета министров отметили, что предлагаемые меры должны коснуться

¹⁴⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1896 г. Д. 15. Ч. 2. Л. 221.

¹⁴⁶ История СССР с древнейших времен до наших дней : в 2 сер. ; в 12 т. Сер. 1, С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции ; т. 4, Назревание кризиса крепостного строя в первой половине XIX в. М. : Наука, 1967. С. 361.

¹⁴⁷ См.: Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 35–81.

¹⁴⁸ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. 1877 г. Д. 3925. Л. 222об–223.

¹⁴⁹ РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Л. 79. Л. 14.

существенных сторон быта аборигенов. Особую настороженность участников обсуждения вызвало то обстоятельство, что проектируемые меры носили временный характер, в то время как, по их убеждению, всякое в этом смысле мероприятие должно было иметь «значение определенное». Рассматриваемый вопрос ввиду его важности требовал «особой осторожности», а в предложении Казнакова члены Комитета министров увидели элемент неуверенности. Этого было достаточно, чтобы вынести решение о необходимости дополнить представление генерал-губернатора новыми статистическими данными¹⁵⁰. Осуществление этого решения, связанное со значительными трудностями, должно было охладить реформаторский пыл генерал-губернатора. Однако в следующем, в 1878 г. он приказал собрать все необходимые сведения. Распоряжение было исполнено, но к рассмотрению собранных материалов местная администрация приступила лишь через 10 лет.

Весной 1889 г. в Тобольской губернии были образованы специальные окружные комиссии, которым поручалось всесторонне изучить вопрос о «возможности, полезности и необходимости присоединения инородческих, обществ к русским волостям с подчинением их местным по крестьянским делам учреждениям». Итогом работы явилась специальная записка, содержащая мнения пяти окружных комиссий и заключение губернского совета. Лишь одна комиссия – Туринская – признала причисление аборигенов к русским волостям возможным и желательным. Остальные высказались более осторожно.

Тюменская окружная комиссия «в виду разности вероисповедания, языка, обычаев, обоюдного нерасположения друг к другу русских и инородцев» причисление аборигенов к русским волостям признала «положительно невозможным».

Против проектируемых нововведений выступала и Тобольская комиссия, члены которой ссылались, с одной стороны, на нежелательность такого причисления, высказанную на инородческих сходках, и на различия в традициях общественной жизни русских крестьян и коренных жителей – с другой. Комиссия не считала возможным присоединение коренных жителей к русским волостям еще и потому, «что нравы и обы-

¹⁵⁰ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. 1879 г. Д. 4044. Ж. ст. 473.

чай инородцев» были отличны от русских, которые подчас пренебрежительно относились к коренным жителям, считая их по религии «недостойными соприкосновения».

Члены комиссии Ялуторовского округа полагали, что присоединение аборигенов к русским волостям повлечет много злоупотреблений и неудобств по части землепользования. Неизбежность последних они видели в том, что населенные аборигенами земли должны были остаться в их пользовании и после присоединения к русским волостям. Комиссия в то же время высказалась в пользу организации самоуправления народов Сибири на основаниях общего положения о крестьянах 19 февраля 1861 г. Распространение этих узаконений на коренных жителей должно было способствовать более обоснованной раскладке внутренних денежных сборов и развитию «поземельного дела» в хозяйстве аборигенов. Только в этом случае, отмечается в решении комиссии, «устранится возможность того, что один пользуется многим, а другой малым, в то время как тот и другой несут повинности одинаково». В журнале заседания комиссии Тарского округа отмечалось, что присоединение аборигенов к русским волостям могло только затруднить деятельность волостных старшин по исполнению своих обязанностей и «вероятный выигрыш по успешному взысканию с инородцев податей был бы проигрышем во взыскании податей с русского населения». Члены комиссии доказывали, что предлагаемые мероприятия неизбежно носили бы искусственный характер. Все это заставило комиссию высказаться «безусловно» против присоединения аборигенов к русским волостям и против распространения на коренных жителей положения 19 февраля 1861 г. «вследствие неразвитости инородцев в гражданском отношении... и низшей их культуры». Приведенные материалы, отмечала комиссия, являются основанием не для причисления аборигенов к русским волостям, а для пересмотра действующих о них законов¹⁵¹. Однако заключения комиссий не были приняты во внимание членами губернского совета, который постановил ходатайствовать перед министром внутренних дел о разрешении причисления оседло проживающих аборигенов к рус-

¹⁵¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Л. 15. Ч. 2, 1896. Л. 5–8 об.

ским волостям и о распространении на них действия закона 1 марта 1883 г., введившего в Тобольской и Томской губерниях институт чиновников по крестьянским делам.

Подобные же представления поступали и от чиновников Восточной Сибири. Иркутский губернатор К. Н. Шалашников в 1873 г. обращал внимание правительства на необходимость подчинения аборигенов действию общих законов. По его мнению, сохранение особых положений для управления аборигенами стало уже «не только бесполезным, но даже вредным»¹⁵². В 1876 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Фредерикс предложил подчинить аборигенов «общим действующим в России законам, сравнив права и обязанности их с крестьянами»¹⁵³. Преемник Фредерикса – А. Л. Анучин в отчете по управлению краем за 1880–1881 гг. резко выступил против сохранения «Сибирского учреждения» 1822 г., назвав его «анахронизмом, требующим окончательной отмены»¹⁵⁴. На необходимость изменения управления коренным населением региона указывал приамурский генерал-губернатор Корф¹⁵⁵.

Эти проекты и предложения готовили почву для будущих преобразований. Однако к числу реализованных программ этого времени относится лишь реформа местного управления аборигенами в Иркутской губернии, осуществленная в 80-х гг. XIX в. Согласно реформе степные думы у бурят были упразднены. Вместо них учреждались более мелкие, но зато, по признанию царских чиновников, более гибкие административные единицы – инородные управы¹⁵⁶, бывшие по «Уставу» 1822 г. промежуточным звеном между степными думами и родовыми управлениями. Вместе с ликвидацией степных дум были упразднены и должности тайшей – главных родоначальников, замещаемые преимущественно по наследству. Эта реформа была вызвана развитием капиталистических отношений в улусах, выдвижением на первый план нарождающе-

¹⁵² РГИА. Ф. 1264. Оп. 65. Д. 236. Л. 11об–12.

¹⁵³ Там же. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4044. 1879 г. Ж. ст. 473.

¹⁵⁴ Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью: Изд. по распоряжению генерал-губернатора Вост. Сибири Д. Г. Анучина. Т. 1–8. Иркутск: Тип. Штаба Вост.-Сиб. воен. окр., 1883–1885. 16 т. Вып. 1, т. 1. С. 122.

¹⁵⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 53. 1886 г. Д. 14. Л. 1–3.

¹⁵⁶ История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1956. Т. 1. С. 290.

гося кулачества. Анализ сведений о должностных лицах ино-родческого самоуправления позволяет заключить, что к этому времени выборы на должность новых людей постепенно вытесняют наследственное начало. Так, у хакасов Енисейской губернии ведомства Кизильской степной думы все 45 должностей родового управления занимали выборные лица православного исповедания. Аналогичная картина наблюдается в Иркутской губернии. Однако, несмотря на старания местной администрации обеспечить приоритет выборных должностных лиц из христиан, этого не удалось добиться. В Верхотенском округе, например, 58,7 % должностных лиц исповедовало шаманизм, 8,4 % – ламаизм. Иная картина наблюдается в густонаселенном русскими крестьянами Балаганском округе. Здесь из 218 должностных лиц лишь 13 человек, т. е. 6 %, были язычниками. В Нижнеудинском округе все 16 должностных лиц бурят и тофаларов занимали должности по выборам и исповедовали православие¹⁵⁷. В Якутской области во главе родов, наслегов и улусов стояли выборные лица¹⁵⁸. Аналогичное положение наблюдается в Западной Сибири¹⁵⁹.

Имущественное положение выборных должностных лиц не может быть проиллюстрировано за отсутствием точных массовых данных. Однако бесспорно, что многие из них были людьми состоятельными, о чем свидетельствует неутихающая борьба между бедняцким и зажиточным полюсами улусов, «рекомендации» царских законов отдавать предпочтение при выборах людям «крепкого достатка»¹⁶⁰. Однако наряду с этим родоначальниками подчас являлись лица и среднеимущие, размеры хозяйства которых не отличались от рядовых улусников¹⁶¹. Следует отметить, что в некоторых исследованиях высказывается мысль о складывании в XVIII – первой половине XIX в. процесса частной собственности родоначаль-

¹⁵⁷ Подсчитано по данным: ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 2690. Д. 176. Л. 5–44.

¹⁵⁸ Якутский род до и после прихода русских // Памятная книжка Якутской области на 1896 г. Якутск, 1895. Вып. 1. С. 48.

¹⁵⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 1257.

¹⁶⁰ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 2031. Д. 42. Л. 3–42 и др.

¹⁶¹ Залкин Е. М. Общественный строй бурят XVIII и первой половины XIX в. М., 1970. С. 292–299.

ников на землю, например у алтайцев и якутов¹⁶². Г. П. Башарин распространяет этот тезис и на начало XX в.¹⁶³ Однако никто из ученых, разделяющих эту точку зрения, не смог привести документальных материалов о существовании земельной ренты рядовых улусников в пользу родоначальников. Имеющиеся в литературе примеры «темных поборов» и т. д. следует рассматривать лишь как факты злоупотребления родоначальниками служебным положением, но отнюдь не как плату рядовых тружеников за пользование землей, якобы принадлежащей родоначальникам. Приводимые материалы о развитии царского законодательства по аграрному вопросу и землеустройству убедительно свидетельствуют о том, что самодержавие никогда не допускало мысли о принадлежности сибирских земель местным народам. Монопольное право владения и распоряжения этими землями всегда оставалось за государством. Не случайно закон 8 июля 1901 г. «Об отводе частным лицам казенных земель в Сибири» навсегда запрещал инородцам приобретение земель в собственность¹⁶⁴. Экономическим и юридическим собственником земли являлось государство, а народы Сибири, в том числе родоначальники, тойоны и т. д. были лишь пользователями.

Таким образом, в 70–80-е гг. XIX в. правительство и местная администрация признали необходимым изменить организацию управления народами региона. В правительственных кругах все отчетливее наблюдается тенденция к подчинению аборигенов русскому законодательству. Однако конкретных реализованных предложений было немного. Самодержавие считало, что аграрная реформа должна предшествовать административным преобразованиям.

Тенденция к сближению системы управления русским крестьянским и коренным населением объективно отражала процесс усиления взаимного влияния народов Сибири в ходе дальнейшей колонизации края и развития капитализма

¹⁶² Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953. С. 263–270; Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии (60-е гг. XVIII – середина XIX в.). М., 1956. С. 292–293; Он же. Социально-экономические отношения в Якутии второй половины XIX – начала XX в. Якутск, 1974. С. 84, 110 и др.

¹⁶³ Башарин Г. П. Социально-экономические отношения в Якутии второй половины XIX – начала XX века. Якутск: Наука, 1983. С. 84.

¹⁶⁴ ПСЗ-З. Т. 21. Отд. 1. № 20338.

вширь. Ее реализация могла привести к отмене системы управления аборигенами, основанной на родовых началах «Устава» 1822 г., что объективно имело бы прогрессивное значение. Однако на практике эта идея подменялась и извращалась реакционными (фискальными, русификаторскими и др.) целями внутренней политики царизма, что порождало разнообразные формы национального угнетения, распространявшиеся как на отсталые народы, так и на сравнительно развитое население.

2.2. Закон 1898 г. о крестьянских и инородческих начальниках

Национальная политика царизма эпохи контрреформ характеризуется современниками как «злостная травля всех народностей, которые обвинялись в стремлении к сепаратизму», причем всякое проявление независимости предавалось анафеме¹⁶⁵. Несмотря на отмену крепостного права, 80-е и 90-е гг. в России прошли под знаком усиления власти дворян над крестьянами. Важную роль в этом сыграл закон о земских начальниках 12 июля 1889 г. Однако это положение не распространялось на Сибирь. Между тем рост капиталистических отношений, усиление имущественной дифференциации и классовой борьбы в сибирской национальной деревне заставляло местную администрацию постоянно напоминать правительству о необходимости ускорить разработку реформы управления инородцами. Главным было требование ликвидации сословных привилегий аборигенов по сравнению с крестьянами и подчинение их законодательству о крестьянах.

Основные направления будущих преобразований были изложены иркутским генерал-губернатором А. П. Игнатьевым в специальной «Программе деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири и правительственных мероприятий в отношении этого края с 1887 г. и приблизительно на 10 лет»¹⁶⁶. Если представители губернской администрации только настаивали на реформе управления аборигенами, не выдвигая в то же время никаких конкретных предложений и отда-

¹⁶⁵ Чечерин Б. Н. Россия накануне двадцатого столетия. Берлин, 1901. С. 130.

¹⁶⁶ Библиотека РГИА. Печат. зап. № 131.

вая вопрос о разработке реформы на откуп самому правительству, то проект А. П. Игнатьева содержал конкретные рекомендации. Конечную цель проекта автор сформулировал коротко и ясно как «обрусение инородцев»¹⁶⁷. Достижению этих задач должно было способствовать подчинение аборигенов власти земских начальников. Игнатьев считал, что осуществление этой меры будет «самым практическим» шагом на пути полного подчинения аборигенов русскому законодательству, а в конечном итоге и обрусению. Это предложение высокопоставленного чиновника, прозвучавшее при слушании его отчета в Комитете министров, настолько понравилось Александру III, что на полях документа он с восторгом написал: «Да! Весьма пора»¹⁶⁸.

Необходимое направление реформы управления сельским населением Сибири было найдено. В 1892 г. министр внутренних дел И. Н. Дурново потребовал от иркутского генерал-губернатора и гражданских губернаторов Тобольской и Томской губерний представить заключения по рассматриваемому вопросу. Генерал-лейтенант А. Д. Горемыкин не заставил себя долго ждать. В мае того же года он направил в министерство свой проект¹⁶⁹, в котором предлагал не только распространить на Сибирь закон о земских начальниках, но и поручить «попечение над инородческим населением на тех же основаниях, как и в отношении крестьян». По мнению Горемыкина, обычаи, на которых должно было основываться управление коренными жителями, в настоящее время исчезли или заменились произволом родоначальников. Генерал-губернатора трудно заподозрить в намерении сгустить краски, однако и он вынужден был признать, что злоупотребления инородческих начальников столь велики, что они держат «подведомственное им население почти в рабстве». Горемыкин констатировал, что надзор за деятельностью органов самоуправления аборигенов со стороны полицейских управлений и земских заседателей существует только номинально и пользы не приносит. Выход из создавшегося положения, счи-

¹⁶⁷ РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 73. Л. 9.

¹⁶⁸ Там же. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 200. Л. 12 об.

¹⁶⁹ РГИА. Ф. 573. Оп. 3. Д. 5. Л. 162, 173 об.

тал Горемыкин, заключается в том, чтобы подчинить управление коренными жителями контролю земских начальников на тех же основаниях, как и крестьян. С аналогичных позиций смотрел на будущую реформу томский губернатор Г. А. Тобизен, по мнению которого, основания для «создания особых для сибирских инородцев учреждений» теперь были полностью утрачены¹⁷⁰. Такого же мнения придерживался тобольский губернатор¹⁷¹.

Важной составной частью разработки законопроекта чинами сибирской администрации явилось обсуждение вопроса о количестве будущих чиновников. Местные власти, заранее предполагая расширить компетенцию вновь вводимого института власти по сравнению с земскими начальниками, настаивали на учреждении возможно большего числа штатных единиц. При этом сибирская администрация, как и Министерство внутренних дел, руководствовалась убеждением, что «близость власти к населению... имеет... важное значение для правильной постановки надзора и попечения о делах сельских обывателей». В соответствии с этим количество вновь вводимых чинов по губерниям должно было распределиться следующим образом: в Тобольской – 68, Томской – 52, Енисейской и Иркутской – 32. Столь значительное увеличение численности чиновников должно было сопровождаться существенным ростом денежных затрат на их содержание. Поэтому даже Министерство внутренних дел, признавая утверждение предлагаемого сибирскими властями штатного расписания «весьма желательным», на деле понимало его неосуществимость. И. Н. Дурново рекомендовал в Тобольской губернии учредить 42 должности вновь вводимых чиновников, в Томской – 36, в Енисейской и Иркутской – 26 чиновников. Денежные оклады будущих чиновников предлагалось определить в губерниях Западной Сибири – по 1500 руб., в Енисейской – 1600 руб., в Иркутской – 1700 руб. в год. Однако и в таком урезанном объеме расходы на проведение реформы должны были составить 455 200 руб. Необходимые денежные средства инициаторы реформы надеялись получить из фон-

¹⁷⁰ РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 65. Л. 134а; Ф. 573. Оп. 3. Д. 5. Л. 173.

¹⁷¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 69. Л. 136.

дов государственного казначейства¹⁷². Но это предложение встретило противодействие в лице министра финансов С. Ю. Витте. В специальной записке в Министерство внутренних дел он указывал на бедственное положение с финансами внутри империи и на значительные в последнее время из государственного казначейства расходы на Сибирь. Выход из создавшегося положения С. Ю. Витте видел в переложении расходов на счет земских сборов по Сибири. Предложение это не являлось чем-то необычным. Скорее наоборот, оно отражало правительственную позицию в вопросе колонизации Сибири, когда царизм всю тяжесть по освоению Зауральского края стремился переложить на плечи трудового населения. Не случайно даже местные власти признавали, что «земское обложение в Сибири... достигло уже значительной степени напряжения»¹⁷³.

Возражения С. Ю. Витте вызвали негативную реакцию И. Н. Дурново. Министр внутренних дел вынужден был специально обратить внимание Витте на необходимость «безотлагательного введения» в Сибири положения о земских начальниках «в полном объеме». Такую настойчивость он считал вполне обоснованной, так как в условиях нарастающего революционно-демократического движения в стране и в Сибири, в частности увеличения потока переселенцев и числа ссыльных в крае, расширение полномочий и прав полицейского аппарата по отношению к сельскому населению должно было поставить его под постоянный надзор правительства и тем самым предотвратить возможность крестьянских волнений.

В создавшейся ситуации Витте был вынужден пойти на уступки. Он предложил Дурново в целях сокращения расходов на реформу «не устанавливать ныне же для органов правительственной власти новых прав по заведованию инородцами», а ограничиться реформой русского крестьянского населения. Эти доводы Дурново признал «едва ли правильными» и категорически заявил, что новые чиновники «будут с большим усердием и добросовестностью» относиться к своим обязанностям по заведованию аборигенами, чем это делалось

¹⁷² РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2790. Л. 45–47.

¹⁷³ РГИА. Ф. 573. Оп. 14. Д. 187. Л. 12–12 об.

доныне¹⁷⁴. Окончательный штат вводимых чиновников предлагалось распределить по губерниям следующим образом: в Тобольской – 36, Томской – 29, Енисейской и Иркутской – 21¹⁷⁵. Не подлежит сомнению, что инициатива преобразований находилась в руках Министерства внутренних дел, которое контролировало и направляло ход разработки реформы. Говоря о борьбе в верхах царской бюрократии в связи с введением института крестьянских начальников, не следует принимать ссылки Витте на тяжелое материальное положение в стране за чистую монету. Необходимо, несомненно, учитывать конфликт Витте в эти годы с министром внутренних дел и резко отрицательное его отношение к институту земских начальников, послуживших прообразом крестьянских начальников Сибири¹⁷⁶.

Отметим, что в принципе позиция центральной и местной администраций в вопросах о судьбах инородческого управления совпадали. Они признавали за благо распространение на аборигенов закона о земских начальниках 1889 г. Некоторые расхождения касались вопроса о том, как эту меру осуществить.

Рассматривая предложения сибирских губернских властей относительно реформы управления аборигенами, новый министр внутренних дел И. Л. Горемыкин отметил, что этот вопрос, связанный с пересмотром всего действующего законодательства об аборигенах, представляется слишком сложным для того, чтобы «законодательное разрешение его могло последовать попутно...». Министр не считал возможным приступить к его рассмотрению «без предварительной и весьма подробной разработки...». В то же время он признавал необходимость принятия «некоторых мер, способных значительно улучшить существующее инородческое управление»¹⁷⁷. Руководствуясь этим положением, Горемыкин, во-первых, высказывался в пользу значительного расширения функций земских начальников в отношении коренного населения Сибири. На земских начальников министр предлагал возложить «обя-

¹⁷⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2790. Л. 95об–96 об.

¹⁷⁵ Там же. Ф. 573. Оп. 14. Д. 18712. Л. 39–40.

¹⁷⁶ Кризис самодержавия в России 1895–1917. Л., 1984. С. 58–61; Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 514.

¹⁷⁷ РГИА. Ф. 573. Оп. 3. Д. 5. Л. 124, 173–174.

занность надзора за действием родовых управлений и инородческих управ». Планировалось поручить земским начальникам «попечение о нуждах инородцев в тех пределах, в каких обязанности эти доныне принадлежали чинам полиции». Во-вторых, программа Горемыкина предусматривала наделение земских начальников судебными функциями.

Проведение этих преобразований должно было устранить «наиболее вопиющие недостатки их (коренных жителей. – *Авт.*) управления» и хоть отчасти удовлетворить «хотатайства местных властей». Более широкие преобразования казались министру преждевременными. Проектируемая реформа не должна была распространяться на всю Сибирь. Не предполагалось введение реформы в тех районах, «в которых, благодаря их отдаленности и малочисленности населения, и преимущественно инородческого, до ныне не было введено общественное крестьянское управление»¹⁷⁸. В Тобольской губернии это были Березовский и Сургутский округа, в Томской – Нарымский край, в Енисейской – Туруханский край. Таким образом, предложения Горемыкина предусматривали полное подчинение местного управления аборигенами контролю царской администрации. Проект вполне соответствовал реакционному законодательству 80–90-х гг. и должен был способствовать усилению административно-полицейской опеки над сельским населением Сибири и органами его самоуправления. Предложения Горемыкина легли в основу закона 8 июня 1898 г., получившего название «Временное положение о крестьянских начальниках». Несколько позже крестьянским начальникам участков, в пределах которых проживало коренное население, было присвоено название крестьянских и инородческих начальников¹⁷⁹.

Крестьянскими начальниками, согласно ст. 8 закона, могли быть «только лица, окончившие курс в одном из высших или средних учебных заведений империи». Однако отсутствие образования не являлось препятствием к занятию должности. Закон предусматривал возможность назначения на эту должность лиц, хотя и не имеющих необходимого образования, но

¹⁷⁸ РГИА. Ф. 573. Оп. 3. Д. 5124. Л. 173–174.

¹⁷⁹ ПСЗ-3. Т. 18. Л. 1503; Т. 23. Отд. 1. № 23320.

выдержавших «соответствующее испытание». В законе также подчеркивалось, что «неимение чина, соответствующего классу должности крестьянского начальника, не служит для лиц, указанных в настоящей статье, препятствием к занятию настоящей должности». Кандидатуры крестьянских начальников должны были утверждаться в Tobольской и Томской губерниях министром внутренних дел, в губерниях Иркутской и Енисейской – генерал-губернатором.

Круг деятельности крестьянских начальников был очень широк, что в целом соответствовало проекту. Им поручался «надзор за всеми установлениями» крестьянского и инородческого управления. Важной обязанностью новых чиновников являлся контроль за «хозяйственным благоустройством и нравственным состоянием» сельских жителей. Статья 35 закона конкретизировала обязанности крестьянских начальников относительно коренного населения: «Крестьянским начальникам принадлежит: 1) исполнение лежащих на полиции, согласно положения об инородцах, обязанности по общему наблюдению за инородческим управлением и попечению о нуждах инородцев и 2) разрешение в качестве третьей ступени словесной расправы судебных дел инородцев, подведомственных их родовым управлениям». Таким образом, эта статья закона предоставляла крестьянским начальникам все те административно-полицейские права, которыми ранее обладали в отношении коренных жителей чины земской полиции. В то же время права крестьянских начальников относительно аборигенов по сравнению с чинами земской полиции были значительно расширены. Крестьянские начальники получили право утверждать повестку дня волостных и сельских сходов (ст. 16), любое решение схода должно было санкционироваться крестьянским начальником.

Особенно возрастала роль крестьянских начальников в судебных делах аборигенов (ст. 36). Неисполнение предписаний крестьянского начальника было чревато серьезными последствиями. В этом случае он имел право подвергнуть лиц, «подведомственных крестьянскому или инородческому управлению... без формального производства аресту не выше

трех дней или денежному взысканию не свыше пятнадцати рублей» (ст. 40).

Крестьянские начальники наделялись административными правами в отношении должностных лиц всех категорий сельского управления. В законе указывалось, что «крестьянский начальник, вследствие рассмотрения жалоб... принесенных на действия должностных лиц сельского, волостного и инородческого управления, а также непосредственно усмотренных им самим... проступков означенных лиц по должности, имеет право подвергнуть одному из следующих взысканий: замечанию, выговору, денежному взысканию не свыше пяти рублей или аресту на время не свыше семи дней». В случае более серьезных преступлений крестьянским начальникам предоставлялось право отстранять лиц крестьянского и инородческого управления от должности и даже входить в уездный съезд крестьянских начальников с представлением о «совершенном увольнении должностных лиц от службы или придании их суду» (ст. 42).

В каждом уезде учреждался уездный съезд крестьянских начальников, который являлся второй апелляционной инстанцией рассмотрения приговоров, вынесенных крестьянскими начальниками.

Таково основное содержание закона 8 июня 1898 г., вводившего в Сибири институт крестьянских и инородческих начальников. В целом он отразил определенные изменения в характере социально-экономического развития народов края, связанные прежде всего с развитием капиталистических и разложением патриархально-феодальных отношений. Не следует, однако, забывать, что административные преобразования были направлены в первую очередь на усиление полицейской опеки над народами Сибири и их скорейшую русификацию. Реформа, проводимая помещичье-бюрократическим государством в буржуазную эпоху, сохраняла в то же время ясно видимые феодальные черты.

2.3. Проведение в жизнь «Временного положения о крестьянских и инородческих начальниках»

Реализация «Временного положения...» началась с составления штатного расписания, подбора кандидатур крестьянских и инородческих начальников и разделения уездов на участки. Первые реальные действия в этом направлении были предприняты местной администрацией в конце 1898 – начале 1899 г., что соответствовало установкам Министерства внутренних дел, полагавшего, что реформу следует проводить в период сокращения потока переселенцев. Закон предусматривал введение в четырех сибирских губерниях 107 должностей крестьянских начальников и образование 25 уездных съездов. По красноречивому признанию И. Л. Горемыкина, это был лишь первичный вариант, составленный без учета «могущих потребоваться по сему предмету изменений»¹⁸⁰. Министерство не исключало возможности увеличения числа крестьянских начальников в Сибири. Об этом же свидетельствуют ходатайства губернской администрации. Иркутский генерал-губернатор Пантелеев уже в 1900 г. обращал внимание министра внутренних дел на то обстоятельство, что в связи с планируемым полным подчинением аборигенов ведению крестьянских учреждений необходимо увеличить число крестьянских начальников¹⁸¹. С этой же целью обращался к правительству томский губернатор, считавший, что число крестьянских начальников в губернии явно недостаточно¹⁸². В Сибири, в условиях отсутствия помещиков и дворянства, самодержавие стремилось поставить хозяйственно-бытовую и общественную жизнь сельского населения под жесткий контроль правительственного аппарата. Данный аспект политики полностью попадает под определение В. И. Ленина о том, что самодержавие есть «крепостная зависимость народа от чиновников»¹⁸³. Этим же целям отвечало стремление правительства и местной администрации распространить закон 1898 г. на те районы Сибири, где первоначально не предпола-

¹⁸⁰ РГИА. Ф. 573. Оп. 14. Д. 18712. Л. 20 об.

¹⁸¹ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 228. Л. 23 об.

¹⁸² РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1909 г. Д. 222. Л. 218.

¹⁸³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1967. С. 137.

галось введение «Временного положения». Не случайно в апреле 1901 г. институт крестьянских начальников был введен в Забайкальской области, в шести уездах которой учреждалось 19 должностей новых чиновников¹⁸⁴.

В представлении Министерства финансов в Государственный совет подчеркивалось, что мера эта необходима ввиду работ «по преобразованию административного устройства, управления и суда инородческого населения» Сибири¹⁸⁵.

Примерно тогда же рассматривался вопрос о введении института крестьянских начальников в Якутской области. Местная администрация предлагала учредить 15 должностей новых чиновников: 6 – в Якутском округе, 3 – в Вилюйском и по 2 – в Олекминском, Верхоянском и Колымском округах¹⁸⁶.

В 1903 г. Министерство внутренних дел предложило подчинить власти крестьянских начальников население Березовского и Сургутского уездов Тобольской губернии и Нарымского края Томской губернии¹⁸⁷. Однако эти проекты не были осуществлены. Утверждения отдельных исследователей¹⁸⁸ «о введении института крестьянских начальников для народов Северо-Восточной Сибири» являются ошибочными и фактическим материалом не подтверждаются. Применительно к аборигенам Туруханского края Енисейской губернии этот вопрос даже не ставился¹⁸⁹. Управление коренными народами в этих районах вплоть до 1917 г. основывалось на принципах «Устава» 1822 г., лишь несколько видоизмененного. В Якутской области, например, в начале XX в. коренное население в административном отношении подразделялось на 24 улуса, состоящих из 271 наслега и 64 родов, во главе которых находились выборные лица¹⁹⁰.

С определением числа крестьянских начальников и их съездов неразрывно связан вопрос о разделении уездов на

¹⁸⁴ РГИА. Ф. 1148. Оп. 30. 1901 г. Д. 62. Л. 1–3.

¹⁸⁵ РГИА. Ф. 573. Оп. 3. Д. 5270. Л. 2.

¹⁸⁶ ГАИО. Ф. 25. Оп. 8. Картон 842. Д. 927. Л. 2–14.

¹⁸⁷ РГИА. Ф. 573. Оп. 3. Д. 5125. Л. 23–30.

¹⁸⁸ Марченко В. Г. Управление и суд у малых народов Севера Сибири и Дальнего Востока в царской России : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1985. С. 13.

¹⁸⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1909 г. Д. 173. Л. 222–223.

¹⁹⁰ Гоголев З. В. Якутия на рубеже XIX–XX вв. Новосибирск, 1970. С. 150–151.

участки. Формально их количество должно было соответствовать числу крестьянских начальников уезда. Однако в силу того обстоятельства, что отдельные должности этих чиновников оставались вакантными длительное время, число крестьянских начальников было меньше числа участков. Неодинаковы были и размеры участков. В Забайкальской области на один участок приходилось немногим более 21 тыс. жителей, в Иркутской губернии – примерно 18 тыс., в Енисейской – около 20 тыс.¹⁹¹

Количество участков внутри уездов и губерний за редким исключением оставалось неизменным до 1917 г., но внутреннее изменение границ участков, образование в них новых волостей было делом обычным. В Иркутской губернии в 1917 г. только четыре участка из 21 включали в себя те же волости, что и при образовании участков в 1898 г. Изучение «Памятных книжек» сибирских губерний позволяет заключить, что наибольшее изменение границы крестьянских участков претерпели в 1901–1902 и 1907–1912 гг. Это было связано не только с притоком переселенцев, приведшим к значительному увеличению народонаселения, но и со стремлением царской бюрократии найти наиболее эффективные способы удержания населения под контролем чиновничества.

Одной из наиболее важных сторон деятельности сибирской администрации по реализации закона 1898 г. явился подбор кандидатов на должности крестьянских начальников. В интересах быстрой проведения реформы он начался еще до утверждения законопроекта. Однако поиск кандидатов на новые должности был связан с известными трудностями. В Сибири практически отсутствовало помещичье землевладение, а прослойка дворян-чиновников по сравнению с губерниями Европейской России была невелика. Немного насчитывалось и чиновников, имеющих высшее или специальное образование. Между тем закон отдавал предпочтение именно таким лицам. Это сужало круг возможных претендентов и сдерживало ход реформы. Не случайно местная администрация резко выступала против соблюдения требования об-

¹⁹¹ Егунов Н. П. К вопросу о введении института крестьянских начальников в Забайкалье // Ученые зап. Бурят. ин-та. Вып. 25. Ист-филол. сер. Улан-Удэ, 1962. С. 133.

разовательного ценза¹⁹². Если в Томской и Тобольской губерниях ко времени проведения реформы правительство все же смогло подобрать необходимые кандидатуры, то, например, в Енисейской губернии штат крестьянских начальников был укомплектован только на 90 %. По сведениям Министерства внутренних дел, в 1901 г. в Забайкальской области оставались незанятыми 11 % мест крестьянских начальников, в Иркутской губернии в 1909 г. – 5 %¹⁹³.

Стремление царизма при подборе вновь вводимых чиновников строго следовать сословному принципу и назначать крестьянских начальников исключительно из дворян оказалось неосуществимым. В 1904 г. в губерниях Западной Сибири 35,5 % чиновников было из разночинцев. Не удалось правительству обеспечить и приоритет при назначении на новые должности лицам, имеющим соответствующее образование: только 32 % крестьянских начальников имели высшее образование. Зато православными были почти все – около 91 %¹⁹⁴.

Еще в меньшей степени правительственным установкам отвечали крестьянские начальники Восточной Сибири. В начале XX в. в Енисейской губернии 68 % крестьянских начальников были выходцами из разночинцев, в Иркутской губернии – 65 %, в Забайкальской области – 96 %¹⁹⁵. В Иркутской губернии только четвертая часть чиновников имела высшее образование, в Енисейской губернии и Забайкальской области – немногим более половины. Удельный вес чиновников, исповедовавших православие, в этой части Сибири был выше, чем в Западной, – 97 %. Таким образом, неправы те исследователи, которые считают, что крестьянские начальники назначались исключительно из дворян¹⁹⁶.

Для большинства крестьянских начальников доходы от личного труда были единственным источником существова-

¹⁹² Библиотека РГИА. Печат. зап. Ф. 2825. Отчет Енисейского гражданского губернатора за 1907 г. С. 7.

¹⁹³ Подсчитано по: РГИА. Ф. 1291. Оп. 30. 1900 г. Д. 40. Л. 3; Оп. 30. 1901 г. Д. 62. Л. 17–20; Оп. 31. 1909 г. Д. 622. Л. 4–23.

¹⁹⁴ Там же. Ф. 1291. Оп. 30. 1904 г. Д. 2. Л. 213–216, 239–240.

¹⁹⁵ Подсчитано по: РГИА. Ф. 1291. Оп. 30. 1900 г. Д. 40. Л. 3, 23; Оп. 1. 1909 г. Д. 622. Л. 406–23; Оп. 30. 1901 г. Д. 62. Л. 17–18, 19–20.

¹⁹⁶ Дулов В. И. Крестьянство Восточной Сибири в годы первой русской революции. Иркутск, 1956. С. 76; Егунов Н. П. К вопросу о введении ... С. 129.

ния. Они не принадлежали к касте привилегированного и высокооплачиваемого чиновничества. Их жалование без учета канцелярских, квартирных, прогонных и прочих сумм колебалось в пределах от 1500 (Западная Сибирь) до 2 тыс. руб. в год (Забайкальская область). По данным начала XX в., в Восточной Сибири только один чиновник из 61 – крестьянский начальник 2-го участка Иркутского уезда – имел поместье в 235 десятин в Херсонской губернии. Еще три чиновника или их жены имели собственные дома.

Подобная же картина наблюдается и в Западной Сибири. В Тобольской губернии один чиновник имел земельный надел в 920 десятин в Уфимской губернии. В Томской губернии владельцев недвижимой наследственной или «благоприобретенной» собственности из числа крестьянских начальников вообще не было.

В царской России все чиновники гражданского или военного ведомства имели определенный чин, соответствующий классу по должности. Изучение этой стороны положения крестьянских начальников позволяет заключить, что статус их в бюрократической иерархии российского чиновничества был сравнительно невысоким. Примерно 50 % крестьянских начальников имели чины с 14-го по 8-й класс.

Не прошло и года со времени введения института крестьянских начальников, как они проявили себя массовыми и вопиющими злоупотреблениями. Уже в 1899 г. иркутский генерал-губернатор Горемыкин доносил в Министерство внутренних дел, что не все крестьянские начальники «правильно понимают свои обязанности и... отвечают по своим служебным и нравственным качествам... занимаемой должности». Через год после введения реформы ряд чиновников «пришлось заменить другими лицами»¹⁹⁷.

Наиболее подробные сведения о произволе крестьянских начальников содержатся в материалах ревизии их деятельности. «Чиновник министерства внутренних дел Маврин, обследовавший по поручению В. К. Плеве деятельность крестьянских начальников Тобольского, Тарского и Ишимского округов «не признавал возможным дальнейшее оставление... в за-

¹⁹⁷ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. 1900 г. Д. 367. Л. 5.

нимаемой должности пяти крестьянских начальников из 15 проверенных»¹⁹⁸. По признанию вице-губернатора А. Н. Тайницкого, одни чиновники совершенно не вникали в положение дел, другие же приобрели грустную славу беззакониями и хищениями¹⁹⁹. По приблизительным подсчетам, за 3–4 года крестьянские начальники растратили около 300 тыс. руб. общественных денег²⁰⁰. Современники отмечали, что новые чиновники с первых дней начали хозяйствовать «авторитетно, нисколько не смущаясь своего невежества и отсутствия необходимых знаний»²⁰¹.

Незаконные действия крестьянских начальников не ограничивались одним лихоимством. Поразительными были масштабы самоуправств. Крестьянский начальник 5-го участка Иркутского уезда Галисский «без соблюдения установленного порядка, по своему усмотрению допускал к исполнению обязанностей выборных должностных лиц». Он назначил казначеем Хоготовской управы бывшего родового старосту Абыдаевского рода Степанова, который совершил растрату в 1797 руб. Без решения суглана Галисский принял на должность писаря Ользоновской управы некоего Куртова, который до поступления на службу водил дружбу с местными кулаками Сухановым и Ербагаевым, рекомендовавшими его крестьянскому начальнику как лицо, заслуживающее доверия²⁰². Однако это «заслуживающее доверия лицо» присвоило около 1500 руб., а затем сбежало, захватив предварительно чужой паспорт. Подобные примеры не являются исключением.

Велика была роль крестьянского начальника при выборе должностных лиц инородческого управления. Еще до выборов он обязывался представлять свое мнение о возможности и целесообразности избрания на должность того или иного кандидата. Как правило, такое «мнение» было решающим. Крестьянские начальники стремились лишить сельское население прав самим выбирать должностных лиц.

¹⁹⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 30. 1903 г. Д. 183. Л. 1.

¹⁹⁹ Там же. Л. 54; Жерновков Г. Сибирь и правительство. Новониколаевск, 1907. С. 30.

²⁰⁰ История Сибири. Т. 3. С. 73.

²⁰¹ Жерновков Г. Указ. соч. С. 26.

²⁰² ГАИО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 2. Л. 13–13 об.

При поддержке уездных съездов и губернских правлений крестьянские начальники старались подобрать послушный их воле состав органов самоуправления сельским населением. Достигалось это по-разному: путем рекомендаций, игнорированием приговоров сходов и сугланов, прямым насилием и даже фальсификацией итогов выборов²⁰³. Крестьянские начальники активно влияли на ход землеустройства аборигенов, их участие в работе поземельно-устроительных комиссий было обязательным. Анализ позиций этих чиновников в ходе рассмотрения конфликтных ситуаций в процессе землеустройства позволяет заключить, что крестьянские начальники руководствовались не интересами аборигенов-скотоводов, а интересами переселенческой политики правительства, выступали в большинстве случаев за продолжение землеустройства и земельных отрезков у нерусских народностей²⁰⁴.

Многие крестьянские начальники являлись истинными ревнителями православия: не только на словах, но и на деле они активно способствовали насаждению среди аборигенов чуждого последним христианства, не гнушаясь при этом никакими методами – от посулов и угроз до прямого администрирования и насилия²⁰⁵.

Массовый произвол крестьянских начальников вызывал энергичные протесты сельского населения, о которых было хорошо известно в высших правительственных инстанциях. Однако разоблачение и устранение отдельных лиц не улучшало системы управления, ибо почва для возникновения новых злоупотреблений оставалась прежней²⁰⁶. В 1907 г. на совещании непременных членов по крестьянским делам товарищ министра внутренних дел А. И. Лыкошин вынужден был признать, что правительство не видит иного способа пресечения злоупотреблений, кроме установления постоянного надзора, который бы явился одним из существенных условий правильной постановки всякой исполнительской деятельности²⁰⁷.

²⁰³ ГАИО. Ф. 32. Оп. 5. Д. 11312. Л. 1.

²⁰⁴ Там же. Ф. 25. Оп. 9. Картон 194. Д. 3671. Л. 63.

²⁰⁵ Там же. Д. 2514. Л. 71.

²⁰⁶ История Сибири. Т. 3. Л., 1968. С. 73.

²⁰⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 13. 1908 г. Д. 91 «а». Л. 5.

С целью пресечения злоупотреблений крестьянских начальников местная администрация практиковала частые перемещения чиновников внутри уездов и губерний. В. А. Степынин, рассмотревший этот вопрос на материалах ряда уездов Енисейской губернии, пришел к выводу, что «трудно найти другое ведомство, где бы так часто менялись чиновники»²⁰⁸. То же самое можно сказать относительно других губерний Сибири. В Иркутской губернии с 1901 по 1912 г. крестьянскими начальниками перебивало 70 чиновников, из них 40 находились на этой должности от года до трех лет, 10 имели пятилетний стаж, 6 – шестилетний, два чиновника пробыли в этой должности 10 лет. Крайне редко чиновник исполнял должность крестьянского начальника на одном участке. Так, М. Н. Индрексон за пять лет пребывания в должности крестьянского начальника сменил три участка, Н. В. Запрудский в течение трех лет успел поменять три участка. В целом же по Иркутской губернии из 21 участка крестьянские начальники в четырех менялись шесть раз, в девяти – пять раз.

Формулярные списки позволяют проследить служебный путь чиновников к должности крестьянских начальников. По сведениям за 1916 г., в Тобольской губернии пять крестьянских начальников из 34 начинали службу в военном ведомстве. Однако, недослужившись до высоких чинов, вышли в отставку. Отсутствие достаточного надежного источника существования заставило их определиться на штатскую службу. В Томской губернии службу в военном ведомстве начинал каждый десятый крестьянский начальник.

Среди крестьянских начальников были лица различных профессий, в том числе и учителя. Крестьянскими начальниками служили и лица, не имеющие чина. В Восточной Сибири таких чиновников насчитывалось 10 %, в Западной – 35,5 % от общего числа крестьянских начальников. Абсолютное большинство их обязанности крестьянских начальников исполняли недолго. Типичным примером в этом отношении является чиновник Деймидович, заведовавший третьим участком Иркутского уезда. Образование он получил в Витебской

²⁰⁸ Степынин В. А. Крестьянские начальники Енисейской губернии // Уч. зап. Краснояр. пед. ин-та. 1957. Вып. 1 С. 127–155.

духовной семинарии, которую окончил в 1900 г. Затем служил по духовному ведомству, а в 1904 г. поступил на юридический факультет Юрьевского университета. На государственную службу определился в конце 1912 г. в качестве помощника делопроизводителя Иркутского губернского управления. С осени 1914 г. до весны 1915 г. был крестьянским начальником, а затем отстранен от должности как не справившийся со своими обязанностями²⁰⁹.

Таким образом, крестьянскими начальниками служили подчас случайные лица. Печать того времени отмечала, что среди крестьянских начальников «есть бывшие управляющие частными имениями, встречаются полицейские чины, много офицеров и заметную группу составляют чиновники всяких учреждений»²¹⁰.

Совершенствованию системы местного управления царское правительство придавало особое значение, ибо стабилизация внутривластного положения и упрочение власти господствующего класса традиционно связывались самодержавием с усилением репрессивного аппарата на местах и ужесточением функций администрации по надзору и контролю за трудовым населением. После поражения первой русской революции и с началом массового переселения крестьян за Урал функции местной администрации резко осложнились. Перед царским правительством остро стала проблема обеспечения «личного состава крестьянских учреждений лицами, могущими успешно справиться с возложенными на них по закону многообразными и сложными обязанностями»²¹¹. Отказавшись от коренной перестройки системы местного управления, путем усиления «ближайшего наблюдения» и улучшения качественного подбора чиновников правительство попыталось усилить местный исполнительный аппарат власти самодержавия. Особое значение в достижении этих целей придавалось крестьянским начальникам.

В 1912 г. сибирские губернаторы получили предписание министра внутренних дел А. А. Макарова о введении испыта-

²⁰⁹ ГАИО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 282. Л. 41–49 об.

²¹⁰ Степанин В. А. Крестьянские начальники ... С. 137.

²¹¹ ГАИО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 102. Л. 12.

ния на должность крестьянских начальников. Эта мера преследовала цель не только «качественного» отбора состава чиновников, но и удаления неугодных правительству или скомпрометировавших себя лиц. При определении на должности министерство рекомендовало губернской администрации проводить экзамены по программам испытаний на должность земских начальников, утвержденных в 1908 г. Экзамены для кандидатов на должность земского начальника были введены распоряжением министра внутренних дел в 1907 г. Вопрос об экзаменах на должности земских начальников обсуждался на общероссийской съезде неперенных членов губернских присутствий и землеустроительных комиссий в январе 1909 г. С целью успешной подготовки к экзаменам в марте 1908 г. при министерстве начали работать специальные курсы.

Из 38 человек, сдавших экзамен в 1907 г., комиссия «достойными к занятию должности» земского начальника нашла 29, остальные получили отрицательные оценки. Всего же за период с 1907 по 1910 г. экзамен на должность держали 219 претендентов²¹². Как видим, министерство прилагало немалые усилия к улучшению «качественного» состава земских начальников. Нечто подобное теперь предполагалось ввести и в Сибири. Местные власти обязывались разработать собственную программу, в которой особое внимание следовало уделить выявлению «осведомленности испытуемых в узаконениях и правилах, регулирующих общественное управление, суд и поземельное устройство крестьян и инородцев»²¹³.

Составление программы испытаний в Сибири было закончено к 1914 г. Программы явились попыткой конкретизировать основные положения закона 1898 г. с учетом более чем 10-летнего опыта применения его на практике. Программы испытаний в следующих чертах определили круг обязанностей крестьянского начальника: надзор за должностными лицами крестьянского и инородческого управления; решение вопросов землепользования сельского населения, участие в работе комиссий по созданию переселенческих участков; кон-

²¹² Отчет по земскому отделу. Краткий обзор его современной деятельности 1861–1911. СПб., 1911. С. 15–19.

²¹³ ГАИО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 102. Л. 12.

троль за сбором государственных податей и исполнением земских повинностей; выполнение определенных полицейских и судебных функций. Статьи 14, 16, 20–24 закона 1898 г. рассматривают вопросы осуществления крестьянским начальником прав контроля за общественным управлением крестьян и аборигенов. В губернских программах испытаний этому вопросу посвящены целые главы. Кроме того, в программу Иркутской губернии была добавлена глава, посвященная изложению прав и обязанностей крестьянского начальника по контролю за общественным управлением тех аборигенов, на которых не распространялось действие «Временного положения» 1898 г.

Пристальное внимание, отводимое в программах коренным народам Сибири, объясняется тем, что царская администрация стремилась поставить их под более жесткий контроль чиновничества. П. А. Столыпин в течение 1910 г. неоднократно напоминал иркутскому генерал-губернатору о необходимости составить предложения о «желательных изменениях ныне действующего положения об управлении инородцев, коих признано будет необходимым оставить в разряде кочевых или бродячих»²¹⁴.

В определении прав крестьянских начальников относительно органов общественного управления крестьян и аборигенов составители программы исходили из ст. 16 «Временного положения», которая предоставляла крестьянским начальникам право «рассматривать все приговоры волостных и сельских сходов»²¹⁵. В программах это положение конкретизировалось – перечислялись случаи, когда присутствие крестьянского начальника на сельском сходе было обязательным: при раскладе мирских и земских повинностей, выборе должностных лиц общественного управления и т. д. Программы представляли крестьянскому начальнику право не только утверждать, но и дополнять повестку дня сходов и сугланов новыми вопросами. Решения сельских сходов и сугланов подлежали обязательному утверждению крестьянским начальником.

²¹⁴ ГАИО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 46. Л. 195 об.

²¹⁵ ПСЗ-З. Т. 18. Отд. 1. № 15503.

В программах перечисляются «функции должностных лиц» управления аборигенами, характеризуется структура органов управления, и определяется круг их обязанностей по отношению к крестьянским начальникам.

Закон предоставлял крестьянским начальникам право административных взысканий с должностных лиц сельского управления. В соответствии с этим программы испытаний всех губерний предусматривали сохранение данного положения, предоставляя крестьянским начальникам право «возбуждения уголовного преследования». В программах испытания Енисейской и Иркутской губерний это положение конкретизировалось специальным изложением прав крестьянского начальника по административным делам.

Подробно излагались полицейские обязанности крестьянского начальника. Обстоятельство это было не случайным. В годы первой русской революции крестьянские начальники широко пользовались такими правами. У местной администрации еще свежи были в памяти примеры активного участия народов Сибири в общественном движении в 1905–1907 гг. Поэтому-то сибирское чиновничество столь внимательно отнеслось к разработке в программах испытаний именно этих положений. Программа Енисейской губернии даже ввела специальную главу – «Обязанности крестьянского начальника полицейского характера». В программах подробно рассматривались случаи, когда крестьянскому начальнику вменялось в обязанность привлекать для «наведения порядка» чинов уездной полиции, высылать в административном порядке «зачинщиков» и т. д.²¹⁶

Ряд статей в программах были посвящены изложению обязанностей крестьянского начальника по организации сборов податей и налогов. Программы Иркутской и Енисейской губерний содержали главу «Податное дело», в программе Тобольской губернии этот вопрос рассматривается в главе «О личных, имущественных правах крестьян и лежащих на них обязанностях».

Программы испытаний регламентировали отношения крестьянских начальников с вышестоящими учреждениями,

²¹⁶ ГАИО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 46. Л. 195.

различными должностными лицами царской администрации и полицией. Жесткая регламентация этих моментов была, по мнению составителей программы, совершенно необходима, так как крестьянские начальники по роду своей деятельности сталкивались с чиновниками различных ведомств, что на практике порождало неразбериху и волокиту.

Практическому внедрению программ испытаний на должность крестьянского начальника помешала начавшаяся летом 1914 г. Первая мировая война. Но и в этих условиях правительство предпринимало меры для улучшения состава крестьянских начальников, предоставляя им льготы от призыва в армию, и т. д.²¹⁷ Тем не менее все попытки правительства оказались тщетными. Прослойка дворян среди крестьянских начальников Сибири к 1917 г. не только не увеличилась, но даже сократилась, снизилось и количество православных чиновников. Число чиновников, имеющих высшее образование, по сравнению с 1914 г. осталось примерно на том же уровне.

Деятельность правительства и местной губернской администрации по улучшению качественного состава крестьянских начальников своим практическим следствием имела лишь рост злоупотреблений и лихоимства этих чиновников, с одной стороны, и усиление к ним ненависти сельского русского и коренного населения – с другой. Последнее обстоятельство особенно отчетливо проявилось после свержения самодержавия. Инородческие сходы стали активно требовать безоговорочного и немедленного упразднения этого института власти царизма, преследовавшего цель «держать инородческое население в бесправии и рабстве» и принесшего ему «глубочайший материальный вред и нравственную разруху»²¹⁸. Упорная борьба русского крестьянства, народов Сибири с остатками политических институтов царизма убедительно опровергает измышления современных буржуазных историков о том, что в Сибири не было никакой революции, а царские чиновники добровольно передали власть различным революционным комитетам²¹⁹. Отнюдь нет! Царские чиновни-

²¹⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 30. 1900 г. Д. 56. Л. 186–187, 190.

²¹⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 30. 1917 г. Д. 30. Л. 6–8.

²¹⁹ Snow R. E. The Bolsheviks in Siberia, 1917–1918. Granbury, 1977. P. 38.

ки, в том числе и крестьянские начальники, вовсе не передали власть добровольно, а были сметены восставшим народом²²⁰.

Как сам закон о крестьянских и инородческих начальниках, так и правительственные мероприятия по его реализации были направлены на усиление административно-полицейской опеки над народами Сибири. Эта тенденция особенно сильно проявилась после революции 1905–1907 гг., когда напуганное размахом народного движения самодержавие прилагало лихорадочные усилия по совершенствованию репрессивного аппарата власти на местах. На практике крестьянский начальник становился полным хозяином в инородческой волости, активно влияя на все вопросы – хозяйственные, управленческие, податные, религиозные и т. д. – ее жизни. Самоуправство и злоупотребления крестьянских начальников приняли вопиющий характер. Все это порождало не только ненависть трудового сельского населения к этим представителям царской администрации, но и способствовало росту социальной активности аборигенов, сопротивлению антинародной политике самодержавия.

2.4. Административные мероприятия правительства начала XX в. Волостная реформа

Рубеж XIX и XX столетий занимает особое место в социально-экономической и политической истории России. Новые явления в экономике, связанные с монополизацией промышленности, концентрацией рабочей силы на крупных предприятиях, железнодорожным строительством и т. д., повлекли за собой качественные изменения в социальной и общественной жизни страны. Это был период начала системного кризиса империи, завершившийся ее крушением в 1917 г.²²¹

Еще исследователи XIX в. отмечали, что задачи государственного управления не могут быть осуществлены деятельностью одних центральных органов. Подчеркивая значение местного аппарата власти, Н. М. Коркунов писал, что акты

²²⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 31. 1917 г. Д. 30; ЦГАОР. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 1; Оп. 3. Д. 12; Оп. 4. Д. 1. и др.

²²¹ Кризис самодержавия в России (1895–1917). Л., 1984. С. 11.

непосредственного управления «прежде всего, требуют деятельности на месте, в различных частях государственной территории»²²². П. Н. Зырянов справедливо отмечает, что местное управление «находится на той границе, где политическая структура непосредственно соприкасается с повседневным движением отношений, короче говоря, на стыке базиса и надстройки». Поэтому анализ деятельности местного аппарата управления имеет важное значение для изучения проблем складывания предпосылок буржуазно-демократической революции в нашей стране²²³.

С началом введения в жизнь «Временного положения о крестьянских начальниках» царское правительство окончательно пришло к мысли о необходимости реорганизации не только системы местного управления народами Сибири, но и их самоуправления. Эти преобразования, с точки зрения правительства, были взаимосвязанными.

Осуществление поставленных самодержавием задач полного обрусения сибирских аборигенов постоянно сталкивалось с необходимостью упразднения поразрядной системы и перечислением аборигенов в разряд оседлых. Согласно «Уставу» 1822 г. такое перечисление могло осуществляться во время переписи с согласия самих аборигенов. Поэтому правительство постоянно сталкивалось с противоположностью желаемых и реальных результатов этого процесса. Введение института крестьянских начальников означало полное подчинение органов самоуправления аборигенов этим чиновникам, но не отменяло деления аборигенов на разряды. Именно поэтому Государственный совет в 1896 г. охарактеризовал поразрядную систему как «выдающееся несовершенство» законодательства о народах Сибири, требующее немедленного упразднения²²⁴. Практическим результатом этого решения явилось возложение на Министерство внутренних дел обязанности по разработке проекта административной реформы. Составление законопроекта И. Л. Горемыкин поручил дело-

²²² Коркунов Н. М. Русское государственное право. СПб., 1903. Т. 2. С. 286.

²²³ Зырянов П. Н. Социальная структура местного управления капиталистической Россией (1861–1914). Ист. зап. М., 1982. Т. 107. С. 226.

²²⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1896 г. Д. 15. Ч. 1. Л. 134 об.

производителю земского отдела И. И. Крафту. Законопроект должен был касаться вопросов управления аборигенами только той части Сибири, на которой уже действовало «Временное положение о крестьянских начальниках».

Проект Крафта является документом, отразившим взгляды правительства на народы Сибири в конце XIX – начале XX столетия. К проекту прилагалась обширная «Записка о преобразовании управления оседлыми и кочевыми инородцами», в которой автор попытался дать исторический очерк организации управления народами Сибири, обосновать основные принципы реформы.

В начале записки Крафт указывает на усиление колонизации Сибири, в результате чего инородцы изменили прежний пастушеский образ жизни, стали больше заниматься земледелием и постепенно перешли к оседлости. Однако, несмотря на эти важные перемены, управление аборигенами в Сибири, отмечает Крафт, по-прежнему основывается на дореформенных порядках²²⁵. Между тем, по мнению чиновника, «законы об инородцах настолько устарели, что задерживают естественный процесс» их обрусения и не обеспечивают экономических интересов государства.

Необходимость новых преобразований Крафт видит и в потребности согласовать действующие узаконения с изданными в последнее время законами о крестьянских начальниках, поземельном устройстве и др.²²⁶ В противном случае, указывает автор, действие устаревших и не соответствующих современным условиям форм управления аборигенами «не будет способствовать проведению в жизнь благих начал, которые имелись в виду при издании означенных узаконений». Крафт далее переходит к рассмотрению предложений сибирской губернской администрации. Он отмечает, что они сводятся к «применению паллиативных (временных. – *Авт.*) мер, которые... не способны внести коренные улучшения в управление... организованное по закону 1822 г.».

Реформа Сперанского, по мысли Крафта, отличалась «неполнотой еще в момент издания, а теперь совершенно уста-

²²⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1896 г. Д. 15. Ч. 1. Л. 184–184 об.

²²⁶ Там же. Л. 186 об.

рела». О предложениях тобольского и томского губернаторов, касающихся причисления аборигенов к русским волостям, Крафт также высказался отрицательно. Осуществление этой идеи в широких масштабах могло, по его убеждению, только увеличить «сумму неудобств управления инородцами, без всякой пользы для населения». Автор записки категоричен в том мнении, что «опыт действия этих правил в течение нескольких десятков лет в Тобольской и Томской губерниях доказал совершенную их непригодность для управления оседлыми инородцами». Было бы поэтому ошибкой, указывает он, вводить в Восточной Сибири те правила управления оседлыми аборигенами, которые оказались непригодными в западной ее части. Предложение иркутского генерал-губернатора Горемыкина о перечислении кочевых жителей в категорию оседлых, по мнению Крафта, лишь полумера, так как будет сопровождаться «введением у сибирских народов лишь упрощенного сельского управления на дореформенных началах».

Таким образом, Крафт приходит к заключению, что управление инородцами в сибирских губерниях нуждается в радикальном изменении. Задачу будущей реформы он видит, во-первых, в «приближении» управления аборигенами к системе управления русскими крестьянам и подчинении тех и других ведению крестьянских начальников; во-вторых, в создании «благоприятных» условий «для ускорения естественного процесса перехода кочевых инородцев к оседлости»²²⁷.

Исходные посылки автора записки полностью совпадали с официальными установками на предмет и сущность будущей реформы. Крафт считал за благо усиление системы правительственного надзора за деятельностью органов управления аборигенами и усиление темпов их русификации. Исходя из отмеченных целей и задач реформы, Крафт составил «Правила об управлении инородцами в местностях, на которые распространяется действие временного положения о крестьянских начальниках». Эти правила были наиболее полным правительственным законопроектом со времени принятия «Устава об управлении инородцев».

²²⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1896 г. Д. 15. Ч. 1. Л. 187–188.

Документ открывается введением, в котором указывалось, что «инородцы, как кочевые, так и оседлые, пользуются правами сельских обывателей». В приложении к ст. 1 подчеркивалось, что «звание почетных инородцев... которые службою или пожалованием не приобрели действительных чинов или прав высшего состояния, не пользуются никакими особыми преимуществами». Таким образом, «Правила» Крафта окончательно сводили на нет привилегии неслужилой родовой знати, поколебленные еще в 1822 г. Спустя 75 лет после принятия устава М. М. Сперанского Министерство внутренних дел устами Крафта гораздо категоричнее заявило о необходимости опоры не на феодально-родовую знать, а на обуржуазившуюся верхушку инородческого общества. Подобная тенденция правительственной политики не явилась простой данью времени. Это был закономерный сдвиг, обусловленный отмиранием феодальных, зарождением и развитием буржуазных социально-экономических отношений.

В отличие от М. М. Сперанского, взявшегося прежде всего за реформирование хозяйственной жизни аборигенов, Крафт начал с административного устройства. Такой подход явился следствием убеждения как автора законопроекта, так и высших правительственных чиновников в том, что именно «неудобство управления» повлекло за собой «накопление... значительных податных недоимок»²²⁸ и других негативных явлений, побудивших правительство взяться за разработку реформы.

Свою позицию в отношении административного устройства коренных жителей Крафт формулирует, исходя из стремления подчинить аборигенов «ведению крестьянских установлений». Этому посвящена первая глава проекта. Аборигены должны были находиться в ведении «главного губернского начальника, уездных властей и крестьянских начальников на одинаковых с прочими сельскими обывателями основаниях». Особое внимание законопроект отводил крестьянским начальникам. В своих основных положениях эта часть документа полностью соответствовала духу и букве закона 1898 г. о крестьянских начальниках, лишь дополняя и конкретизируя его.

²²⁸ ЦГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1896 г. Д. 15. Ч. 1. Л. 186 об.

При разработке вопроса об общественном управлении народов Сибири Крафт попытался учесть различный уровень хозяйственного развития аборигенов, отделив общественное управление оседлых жителей от кочевых. Поселения оседлых жителей по аналогии с крестьянами предлагалось разделить на волости и сельские общества. Сельское общество должно было состоять из одного или нескольких селений, имеющих совместное землепользование. Из нескольких сельских обществ предлагалось образовать волость. Автор нового проекта, в отличие от М. М. Сперанского, отрицал родовую организацию аборигенов, предлагая узаконить перечисление отдельных членов и целых сельских обществ из одной волости в другую.

У оседлых аборигенов должностным лицам рекомендовалось присвоить те же «наименования», что и должностным лицам крестьянского самоуправления. Время пребывания на должности выборного лица ограничивалось тремя годами. На должность волостного старшины или сельского старосты можно было избрать каждого инородца, «не подвергавшегося по суду взысканиям, превышающим семидневный арест, не находящегося под следствием и судом и имеющего от роду не менее 25 лет».

В тех волостях, в которых наряду с православными аборигенами проживали и язычники, предлагалось, кроме волостного старшины, избирать еще и «помощника его, причем волостной старшина должен быть из числа православных инородцев». Таким образом, предлагалось хотя бы в косвенной форме закрепить законодательно преимущество православных аборигенов над язычниками.

Волостной старшина должен был выбираться на волостном сходе, который состоял из сельских старост и представителей от каждых 25 дворов аборигенов, избираемых на сельских сходах. Эти представители назывались выборными. Для их избрания на сельском сходе должно было присутствовать не менее половины домохозяев, решение принималось большинством голосов. Относительно волостного схода в проекте говорилось, что его решение может быть действительным только в тех случаях, если на нем, кроме сельских старост, присутствовало не менее двух третей всех выборных.

Однако предоставление слишком большой самостоятельности инородцам казалось Крафту опасным. Поэтому крестьянские начальники должны были полностью контролировать работу сельских и волостных сходов. Они определяли их место и время проведения, утверждали повестку дня, принимали решение о рекомендации к избранию на должности тех или иных лиц.

Сельские старосты подлежали избранию на сельских сходах простым большинством голосов с последующим обязательным утверждением в должности крестьянским начальником. Функции волостного старшины носили в основном административно-полицейский характер²²⁹. На сельского старосту возлагались созыв сельских сходов, сбор податей и повинностей и др. За «усердную службу» предусматривалось награждение должностных лиц инородческого управления традиционными почетными кафтанами и деньгами.

Следующий раздел проекта Крафта посвящался управлению кочевыми аборигенами. Оно во многих случаях строилось по аналогии с управлением оседлыми жителями. «Кочевое население разделяется на волости, а сии последние на улусы... состоящие из групп, связанных между собой общностью земельного пользования на зимниках, весенниках и летниках» (ст. 33). Народонаселение волостей кочевых жителей, как и у оседлых, определялось общим присутствием губернского управления (ст. 34). Группу улусов, имеющих совместное пользование землей, предлагалось назвать отдельным обществом. Во главе волости должен был находиться волостной старшина (голова), а во главе отдельного общества – улусный. У кочевых жителей, как и у оседлых, избрание волостного старшины должно было проходить на съезде. Однако система выборов, по сравнению с оседлыми аборигенами, была несколько проще. Проект ничего не говорит о выборных от улусных, т. е. сельских, обществ. Избрание волостного старшины у кочевников проводилось на волостном съезде при обязательном присутствии крестьянского начальника простым большинством голосов. Участниками съезда являлись только улусные (сельские) старосты. Подобное отличие со-

²²⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1896 г. Д. 15. Ч. 2. Л. 190–191.

става волостных съездов кочевых жителей от оседлых объясняется прежде всего хозяйственно-бытовыми особенностями жизни кочевников, улусы которых были нередко разбросаны на десятки, а то и сотни верст друг от друга. Поэтому участие выборных от улусных обществ в работе волостных съездов представлялось Крафту весьма сомнительным.

Как и у оседлых жителей, у кочевников волостной старшина утверждался в должности уездным съездом крестьянских начальников. Крафт подчеркивал, что уездный съезд мог не утвердить в должности избранное лицо и назначить новые выборы. Он даже предлагал представить съездам крестьянских начальников право назначать на выборные должности «известных администрации лиц» (ст. 40). В данном случае речь шла о прямом насилии волеизлияния аборигенов. Круг прав и обязанностей волостного старшины у кочевников в принципе не отличался от аналогичных обязанностей и прав оседлых жителей. Служба старост считалась почетной. Они не получали жалованья, но обществу «в уважение заслуг их» разрешалось предоставлять старостам «различные льготы по отбыванию податей и повинностей и давать преимущества при распределении земельных и сенных угодий».

Должностные лица кочевых жителей, как и оседлых, наделялись административными функциями. «За нарушение общественной тишины и порядка» они имели право арестовывать подведомственных им улусников на срок до семи дней либо их облагать штрафом до 10 руб. В проекте Крафта рассматривался вопрос и об организации судопроизводства у аборигенов. Задача реформы инородческого судопроизводства заключалась в том, чтобы привести его в соответствие с судебными уставами 1864 г. Судебная реформа Александра II была распределена на Сибирь со значительными ограничениями, инородческого судопроизводства она вообще не коснулась. Не случайно Крафт посвятил разработке этого вопроса специальный раздел проекта.

Свою позицию в отношении судебного устройства аборигенов Крафт формулирует, исходя из признания некоторых особенностей хозяйственного развития оседлых и кочевых жителей. Попытка дифференцированного подхода прояви-

лась даже во внешней форме. Если у оседлых аборигенов суд назывался волостным, то у кочевников – народным. К основному проекту прилагались специальные «Временные правила о народном суде...», подробно регламентирующие судопроизводство у кочевых жителей.

Волостной суд у оседлых аборигенов создавался «для разбора дел маловажных». Членов суда следовало избирать на волостном сходе, по одному судье от каждого сельского общества. На должность волостного судьи Крафт предлагал избирать любого инородца, пользующегося «уважением у населения» и имеющего не менее 40 лет от роду. В ряде же случаев проект отходил от этого решения. Статья 31 разрешала избрание на должность волостного судьи лиц и более молодых, начиная с 25-летнего возраста, но получивших образование в русских учебных заведениях. Разбор дел в волостных судах должен был проводиться гласно и публично при обязательном присутствии волостного старшины для «наблюдения за порядком», но без права вмешательства в ход судебного разбирательства.

У кочевых жителей предполагалось образовать так называемый народный суд. Из ведения народного суда изымались дела о преступлениях против русской церкви и податной системы, порядка управления, дела, связанные с «составлением злонамеренных шаек», укрывательством беглых и преступлением против собственности. Таким образом, за небольшим исключением народному суду могли быть подсудны только дела, связанные с рассмотрением внутриведомственных вопросов.

Народные суды должны были избираться на волостном съезде в присутствии крестьянского начальника из лиц, имеющих не менее 35 лет от роду. Народный суд имел право приговаривать к «личному задержанию», т. е. аресту на срок до 1,5 лет или денежному штрафу, не превышающему 60 руб. В случае несостоятельности подсудимого денежное взыскание следовало заменять арестом.

«Временные правила» Крафта предусматривали также организацию посреднического суда для рассмотрения дел между жителями различных волостей. В качестве посредника разрешалось выступать как должностным, так и неслужилым людям, за исключением башкир, татар, евреев и служителей

инородческих культов. Решение посреднического суда считалось окончательным и обжалования не подлежало.

Относительно поземельного устройства кочевников Крафт позволил себе более обстоятельные высказывания, не выходявшие, правда, за пределы официального правительственного курса. Прежде всего он отмечал, что кочевые аборигены, получившие поземельное устройство, «пользуются оставленными в их владении землями по существующей в каждой области обыкновениям». Земельные угодья кочевников автор проекта делил на традиционные зимники, весенники и летники. Они характеризовались как состоящие в бессрочном общественном владении. Земельные споры внутри общин должны были рассматриваться старостами, а споры между различными общинами – на волостном съезде. Крестьянским начальникам предполагалось поручить рассмотрение поземельных споров между волостями кочевников²³⁰. Проект Крафта предоставлял обществам кочевников право сдавать свободные земли в аренду русским крестьянам для устройства фабрик, заводов, горного промысла и т. д. Однако это предложение не явилось чем-то оригинальным. С его помощью Крафт пытался санкционировать лишь то, что давно сложилось на практике. Ряд статей проекта были направлены на то, чтобы поощрить переход кочевников к оседлости. Статья 69 предоставляла каждому кочевнику права на отведенном ему обществом участке возводить дома, мельницы и другие сельскохозяйственные постройки. Аборигенам разрешалось заниматься огородничеством и садоводством. Земельные наделы, на которых находились строения и насаждения, не должны были подлежать переделам «по усмотрению общества». Они переходили по наследству к потомкам, но без права продажи, и могли отчуждаться посторонним лицам лишь на снос. Оговорка эта весьма существенная. Она свидетельствует о том, что Крафт рассматривал аборигенов не как собственников или владельцев земли, а лишь как ее держателей.

Наиболее характерным видом податного обложения сибирских аборигенов в XIX столетии являлся ясачный сбор. Крафт воздержался от каких-либо высказываний на этот счет,

²³⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1896 г. Д. 15. Ч. 1. Л. 191–193 об.

имея, очевидно, в виду закон 19 января 1898 г., в соответствии с которым все податные сборы, уплачиваемые аборигенами, подлежали замене оброчной за землю податью²³¹. Единственным отличием проекта от законодательства 80-90-х гг. являлось предоставление податных льгот аборигенам, перешедшим к оседлости.

Рассмотренный проект об управлении аборигенами отразил общий взгляд правительства на народы Сибири, их место и роль в составе Российской империи конца XIX – начала XX в. Проект не выходил за рамки царского законодательства конца 90-х гг., он лишь конкретизировал и в некоторых случаях дополнял его. В перспективе автор проекта не возражал видеть народы Сибири совершенно обруселыми. Не случайно Крафт с такой яростью обрушился на «Устав об управлении инородцев» 1822 г., который, по его мнению, задерживал «естественный процесс обрусения инородцев»²³². Подобный взгляд на задачи будущей реформы находился в неразрывной связи с тем великодержавным шовинизмом, который был столь характерен для внутренней политики царизма конца XIX – начала XX в.

Проект реформы имел целью упрочить бюрократические порядки у коренного населения, передать власть из рук родоначальников в руки крестьянских начальников и обуржуазившейся части улусников. Введение волостного управления у народов Сибири способствовало бы ослаблению патриархально-родовых отношений, ограничивало политическую деятельность нойонов и объективно способствовало бы сближению русского и коренного народов.

Обсуждение проекта Крафта сибирской губернской администрацией проходило накануне первой русской революции – в 1899–1902 гг. В работе образованных для этой цели специальных совещаний принимали участие все высшие губернские чиновники, а также крестьянские начальники²³³. Обострение общественно-политической обстановки в стране

²³¹ ПСЗ-3. Т. 18. Отд. 1. № 14908.

²³² РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1896 г. Д. 15. Ч. 1. Л. 184 об.

²³³ Подробнее см.: Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск, 1986. 165 с.

в целом и активное сопротивление народов Сибири начавшемуся землеустройству в частности требовало от местной администрации скорейшего предоставления проектов²³⁴. Главным принципом разработки проектов реформы царским чиновничеством всех губерний и областей Сибири стало стремление к упразднению поразрядной системы и унификации местного управления русским крестьянством и коренным населением. В основе такого подхода лежали политические, фискальные и русификаторские мотивы. Наиболее откровенно на этот счет высказались участники обсуждения проекта в Енисейской губернии, отметившие, что «слияние сибирских инородцев с русскими крайне желательно в интересах государственных и культурных» (русификаторских. – *Авт.*). Даже предложение о необходимости введения телесных наказаний у аборигенов, перечисляемых в оседлые, мотивировалось требованием единообразия с русским крестьянским населением²³⁵. Аналогичные мотивы прослеживаются и в рассуждениях чиновников других губерний. Например, администрация Якутской области, где массовое перечисление аборигенов в оседлые не проводилось, высказалась за упразднение поразрядной системы и «принятие мер к приближению... управления...» аборигенами с русским крестьянством²³⁶.

В итоге работы совещаний в каждой губернии был составлен проект реформы. Сибирская администрация согласилась с предложениями Крафта, в ряде случаев лишь дополнив и конкретизировав их. Возражение местного чиновничества вызвала лишь попытка Крафта, хотя бы и в ограниченном виде, сохранить разряд кочевых инородцев. Местные власти считали целесообразным оставить один разряд бродячих инородцев, а остальных следовало перечислить в оседлые. Некоторые расхождения между губернскими проектами (различия в терминологии, отдельных второстепенных моментах) принципиального значения не имели. Идея унификации местного управления русским крестьянским и коренным

²³⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1896 г. Д. 15. Ч. 1. Л. 178.

²³⁵ Там же. Ч. 3. Л. 11, 13.

²³⁶ Там же. Д. 66. Л. 15. 1901 г. Д. 190. Ч. 1. Л. 18. 1910 г.; ГАИО. Ф. 25. Оп. 8. Картон 842. Д. 972. Л. 22–26.

населением была использована в практической деятельности самодержавия после подавления первой русской революции.

Национализм всегда играл известную роль во внутренней политике самодержавия. В особенно свирепой «зоологической форме» национализм выступил в третьеиюньский период²³⁷. Уже на предвыборных собраниях во II Государственную думу в 1907 г. из лагеря правых раздавались призывы в поддержку русского национализма, который, по мнению озвучивающих, отнюдь не является каким-то антигуманным явлением и не стремится обидеть и тем более «поглотить» другие народности и национальности». Нужно было избежать этой опасности впредь, защитить и оборонить интересы русской государственности²³⁸.

Для этой цели и привлекался русский национализм. С его помощью нужно было настолько обрусить нерусское население, чтобы оно утратило свои национальные особенности и слилось с русским. Обрусить – значит сделать инородцев по своим убеждениям русскими. Для достижения этой цели рекомендовалось поставить аборигенов в такую «обстановку, при которой они возможно меньше вспоминали бы о своей былой независимости». В. Строганов в следующих выражениях сформулировал задачи национальной политики самодержавия: «Итак, что-нибудь одно: либо мы должны отказаться от девиза «Россия для русских», либо от обрусительной политики, так как совместить то и другое так же нелепо, как тушить пожар керосином»²³⁹.

В период, когда существование самодержавия пришло в вопиющие противоречия с интересами абсолютного большинства русского общества, теоретики национализма пытались ссылками на исторический опыт других стран подсказать правительству рецепты выхода из кризиса. К. О. Балашов, ставя риторический вопрос о том, почему Франция «в своем могучем организме» смогла растворить «целый десяток раз-

²³⁷ История СССР с древнейших времен до наших дней : в 2 сер. ; в 12 т. Сер. 1, С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции ; т. 6. Россия в период империализма 1900–1917 гг. М., 1968. С. 353.

²³⁸ Любинский Л. И. Русский национализм как средство борьбы с революционно-инородческим движением. Киев, 1907. С. 47.

²³⁹ Строганов В. Русский национализм. Его сущность, история и задачи. СПб., 1912. С. 146–148.

личных народностей», приходил к выводу, что «там не давали им (инородцам. – *Авт.*) никаких особенных льгот... а главное налагали одинаковые обязательства». В России же «невежественная и бездарная бюрократия силилась напротив всячески огородить их (инородцев. – *Авт.*) от главенства русской народности, вместо того, чтобы думать о слиянии с ней»²⁴⁰.

От теоретиков великодержавного шовинизма не отставали и должностные лица царской администрации. Иркутский генерал-губернатор Селиванов в отчете о состоянии Забайкальской области за 1908 г. выражал серьезные опасения по поводу возможных последствий скопления большого количества коренных жителей в одной области. Подобные явления, по мнению Селиванова, не способствовали упрочению позиций самодержавия в крае. Имея в виду активное участие коренного населения области в общественном движении в годы первой русской революции, он подчеркивал, что «никому не известно, когда прочность нашего положения в этой области мажет подвергнуться тяжкому испытанию»²⁴¹.

Правительство начинает предпринимать ряд мер, направленных на усиление репрессивного аппарата и русификацию сибирских окраин империи. В этом плане известную роль, наряду с законом о крестьянских начальниках, сыграли другие законодательные акты и административные мероприятия. К ним следует отнести решение Государственного совета о распространении на сибирских аборигенов действия паспортной системы. Принятое в июне 1897 г., оно предусматривало создание специальной комиссии из представителей министерств внутренних дел, финансов, земледелия и государственных имуществ для предварительной разработки законопроекта. Работа комиссии, протекавшая в период, когда самодержавие все больше запутывалось в неразрешимых противоречиях, по существу была отголоском политики контрреформ 80-х гг. В работе комиссии наиболее активную роль играл В. К. Плеве, настоявший на том, чтобы подчинить всех без исключения аборигенов действию паспортного режима. Необходимость введения паспортов у народов Сибири

²⁴⁰ Балашов И. О. О национализме вообще и в частности о русском. СПб., 1912. С. 14.

²⁴¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1336. Л. 11–22 об.

обосновывалась требованием упразднения поразрядной системы, усилением опеки и надзора за действием органов самоуправления аборигенами.

Положение «О видах на жительство», утвержденное царским указом 8 июня 1898 г., определяло аборигенам места постоянного проживания, при отлучке из которых они обязывались иметь паспорт. У оседлых «местом постоянного жительства» считалось общество или волость, к которой они были приписаны, у кочевников – район перекочевков. Все аборигены обязывались иметь паспорт при устройстве на работу по найму. Длительное проживание в городе с торговыми и иными целями также разрешалось только по паспортам. Срок действия паспорта ограничивался одним годом, его продление оговаривалось согласием общества или инородческого начальника, ответственного за поступление податных сборов (ст. 3). Таким образом, под предлогом обеспечения налоговых поступлений отлучки аборигенов из мест постоянного проживания ставились под прямой контроль местной администрации²⁴².

Введение паспортной системы у аборигенов находилось в полном соответствии с общим направлением правительственного курса в отношении народов Сибири в этот период, основным содержанием которого явилось усиление полицейской опеки и русификации. В экономическом плане новая мера была связана с развитием капитализма, сопровождавшимся значительным ростом применения наемного труда. Этот процесс охватил и часть коренного населения Сибири, для которой работа по найму становилась основным источником существования. Вопрос о количестве выданных паспортов, безусловно, интересен во многих отношениях. В нашем случае выяснение его позволило бы не только получить дополнительные данные о количестве лиц, занятых вне сферы традиционных для народов Сибири видов хозяйственной деятельности, но и определить, насколько последовательно проводилось в жизнь данное положение. К сожалению, имеющиеся сведения на этот предмет далеко не полны. Мы располагаем лишь отрывочными данными, не позволяющими воссоздать общую картину.

²⁴² РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1896 г. Д. 15. Ч. 1. Л. 132.

Отходничество и связанное с ним увеличение количества выданных паспортов получили дальнейшее развитие в период строительства Транссибирской железной дороги. По сведениям В. Ф. Борзунова, только на строительстве одного Забайкальского участка дороги ежегодно работало около 3,5 тыс. бурят, карымов и казаков. В Западной Сибири на строительстве дороги трудились и представители местных кочевых народов²⁴³. Говоря о связи отходничества с развитием паспортной системы, следует в то же время учитывать условность этого взаимовлияния. Как справедливо подметил Р. М. Введенский, паспортная статистика показывает число только тех, кто «уходил из домов далеко и надолго, чья связь с хозяйством ослабевалась совсем». «Менее продолжительные отлучки на развитии паспортной статистики не отражались»²⁴⁴.

Что же касается административной реформы, то в этот период в ней прослеживается явно выраженное насильственное начало. Экономические соображения и ходатайства аборигенов во внимание не принимались. Обеспокоенное активным участием народов Сибири в революционных событиях 1905–1907 гг., самодержавие стремилось усилить бюрократический аппарат управления аборигенами, скорее русифицировать их и тем самым не допустить революционного рецидива в инородческой среде. Улучшению «этнографического состава населения» посредством «ассимиляции инородческих племен» должно было способствовать и усиление земледельческой колонизации сибирских пространств, переселения крестьян, принявшие в этот период внушительные размеры. Однако надежды правительства на ликвидацию поразрядной системы и введение волостного и сельского управления у народов Сибири связывались, прежде всего, с административными мерами.

С осени 1908 г. царское правительство стало требовать от местной администрации «скорейшего перевода кочевых ино-

²⁴³ Борзунов В. Ф. Рабочая сила на строительстве Сибирской магистрали // Ист. зап. 1961. № 70. С. 155; Его же. Пролетариат Сибири и Дальнего Востока накануне первой русской революции. М., 1965. С. 27.

²⁴⁴ Введенский Р. М. Паспортная политика русского царизма и ее влияние на крестьянский отход // Социально-политическое и правовое положение крестьян в дореволюционной России. Воронеж, 1983. С. 169.

родцев в разряд оседлых»²⁴⁵. В январе 1909 г. П. А. Столыпин предписал сибирским губернаторам незамедлительно переводить на положение оседлых крестьян всех аборигенов, получивших земельные наделы. Сроки выдачи отводных записей – основного документа на право пользования землей – теперь во внимание не принимались²⁴⁶. В мае 1909 г. Столыпин обращал внимание тобольского губернатора Д. В. Гагмана на то, что многие аборигены продолжают числиться в разряде кочевых и управляются по правилам 1822 г., в то время как они подлежат переводу в разряд оседлых с введением у них соответствующей системы управления и административного устройства. Отсутствие ревизий, по окончании которых закон разрешал перечисление кочевников в категорию оседлых, по мнению Столыпина, не освобождало местную администрацию от обязанностей соблюдать сроки перечисления и переводить аборигенов «в более высокий и культурный разряд». Столыпин особенно подчеркивал, что перечисление это «ныне возможно в любой момент». Рассуждения премьер-министра о необходимости соблюдения соответствующих условий для перечисления являлись пустой формальностью. Уже в следующем циркуляре Столыпин писал, что требование старого закона о перечислении кочевников в категорию оседлых только при окончании переписей «в настоящее время утратило свое значение и должно быть понимаемо как общее положение о необходимости перечисления во всякое время». Подобные же указания были посланы и иркутскому генерал-губернатору.

Вскоре министерство затребовало от губернских присутствий отчет о мерах по перечислению кочевников в категорию оседлых. На этом основании в ноябре 1909 г. Тобольское губернское присутствие предписало крестьянским начальникам представить соответствующие предложения к 1 февраля следующего, 1910 г. Таким образом, на подготовку реформы губернское присутствие отводило двухмесячный срок. Если к этому добавить, что предложения крестьянских начальников следовало первоначально обсудить на уездных съездах, затем дополнить и исправить, а уже после этого представлять в гу-

²⁴⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 980. Л. 198.

²⁴⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1908 г. Д. 154. Л. 11.

бернское правление, то нельзя не признать, что реформа проводилась в большой спешке. Однако и такие темпы работ уже не устраивали Столыпина. В циркулярном письме от 9 декабря 1909 г. он обратил внимание Гагмана на то, что предпринимаемые губернским присутствием меры «рассчитаны на весьма продолжительный срок, в чем едва ли представляется безусловная необходимость». Столыпин вновь подчеркнул, что желание аборигенов на перечисление «отнюдь не может иметь решающего значения», и потребовал принять «безотлагательные» меры к такому перечислению. Зная о недовольстве аборигенов административной реформой, Столыпин требовал от местной администрации разъяснять коренным жителям, что переводом на положение оседлых земледельцев они не будут обращены в сословие сельских обывателей и сохранят льготы по отбыванию воинской повинности²⁴⁷. Министр внутренних дел предусмотрительно промолчал о том, что на практике это освобождение оставалось единственным сословным отличием сибирского аборигена от русского крестьянина.

Получив прямое указание Столыпина, сибирская администрация перешла к решительным действиям по перечислению аборигенов в категорию оседлых. В Тобольской губернии в 1900 г. насчитывалось 92 827 душ коренного населения. Из них оседлые составляли 70 629, кочевые – 17 738, бродячие – 4461 душ обоего пола²⁴⁸. В 1912 г. в разряде оседлых было уже около 100 тыс. аборигенов. Лишь незначительная часть коренных жителей северных Березовского и Сургутского уездов продолжала числиться в разряде бродячих, категория кочевых инородцев перестала существовать²⁴⁹. Аналогичное положение наблюдается и в соседней Томской губернии, где в оседлые были перечислены даже кочевники Кузнецкого уезда, практически не занимавшиеся земледелием²⁵⁰. В Енисейском губернии в 1900 г. насчитывалось 3867 душ оседлых инородцев, 6448 бродячих и около 40 тыс. кочевых. Решением губернского правления все инородцы губернии, кроме жите-

²⁴⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1908 г. Д. 154. Л. 27–30, 60–61, 78об, 123, 124.

²⁴⁸ Там же. Л. 121 об.

²⁴⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1910 г. Д. 190. Ч. 1. Л. 327.

²⁵⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 990. Л. 227.

лей Туруханского края, с 1 января 1912 г. переводились в оседлые²⁵¹. В Иркутской губернии к началу реформы проживало свыше 116 тыс. аборигенов. Абсолютное большинство их – 100 176 душ – принадлежало к разряду кочевых инородцев. Оседлые насчитывали к 1914 г. лишь 5151 душу обоого пола²⁵². В результате административных мероприятий большая часть нерусских народностей губернии была переведена в разряд оседлых жителей.

В Якутской области указом Сената от 30 июня 1912 г. в оседлые было перечислено 8385 душ инородцев Олекминского округа. Отдельные случаи перечисления в высшие разряды отмечаются и по остальным районам области²⁵³. Перечисление в категорию оседлых кочевников Забайкальской области было отложено до окончания там землеустройства. В 1912 г. численность коренного населения области (уезды Баргузинский, Верхнеудинский, Селенгинский, Читинский) по разрядам выражалась в следующих показателях: оседлые – 3 630 275 , кочевые – 165 154, бродячие – 2042 души обоого пола²⁵⁴.

Таким образом, административные мероприятия царского правительства по перечислению кочевых инородцев в категорию оседлых жителей распространялись в основном на нерусские народности Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний. К 1914 г. из 350 тыс., кочевников, проживающих в пределах этих административных единиц, в оседлые было перечислено 233 тыс., в разряде кочевых и бродячих оставалось около 116 тыс., или 33 % коренного населения. В большинстве случаев темпы перечисления опережали ход землеустройства²⁵⁵.

Одновременно с перечислением в оседлые царское правительство вводило у коренного населения и волостную реформу. Старое административное деление на рода, ведомства и т. д., основанное на родовом принципе «Устава» 1822 г., в условиях развивающихся капиталистических отношений ста-

²⁵¹ Подсчитано по данным: РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1901 г. Д. 66. Л. 21; Там же. 1908 г. Л. 384.

²⁵² Подсчитано по данным: Там же. Л. 10–15.

²⁵³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1908 г. Д. 15. Л. 201, 203.

²⁵⁴ Подсчитано по данным: РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1910 г. Д. 190. Ч. 1. Л. 28, 261.

²⁵⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1908 г. Д. 154. Л. 453 об.

ло тормозом хозяйственной деятельности населения. Замена родового принципа территориальным отвечала изменяющимся условиям хозяйственной жизни аборигенов и в объективно-историческом смысле была явлением прогрессивным, так как подрывала остатки патриархально-родового строя. Формально необходимость этой реформы царская администрация обосновывала лозунгами борьбы с феодальными институтами, нойонами и стремлением к уравниванию податного обложения различных имущественных слоев коренного населения²⁵⁶. Однако на практике эти идеи подменялись и извращались реакционными целями внутренней политики самодержавия, направленными на усиление бюрократических порядков, полицейской опеки и русификацию аборигенов. Не последнюю роль в этом играли и фискальные интересы царизма, так как перечисление в категорию оседлых сопровождалось возведением в более высокие податные оклады русского крестьянства. Именно этими соображениями следует объяснить то упорство, с которым царизм насаждал новую систему управления нерусскими народностями Сибири.

Вместо родовых управлений, инородных управ и степных дум вводились сельские и волостные управления по крестьянскому образцу. Отпрыски родовой аристократии, нередко выступавшие против различных мероприятий правительства, отстранялись от исполнения служебных обязанностей. Вместо них на должности сельских старост и волостных старшин назначались преимущественно кулаки. Теперь низшей территориальной единицей у аборигенов, как и у русских крестьян, становилось сельское общество, объединяющее инородцев-односельчан, связанных между собой общностью хозяйственных интересов. Следующей, более крупной административной единицей являлась волость, образованная из нескольких сельских обществ. Во главе этих административных единиц находились соответственно сельский староста и волостной старшина, выбираемые на сходах по рекомендации крестьянских начальников. «Последним представлялось право утверждения в должности избранного лица». По сути дела, крестьянские начальники являлись полными, а зачастую бес-

²⁵⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 1910 г. Д. 190. Ч. 1. Л. 327.

контрольными хозяевами в сельских обществах и волостях, оказывая решающее влияние на выборы должностных лиц. На северные районы Сибири и территорию Якутской области, где не было крестьянских начальников, реформа не распространялась. Данное обстоятельство убедительно свидетельствует о том, что с самого начала царизм стремился поставить деятельность органов сельского и волостного инородческого управления под жесткий контроль правительственных чиновников. Впрочем, царское правительство и не скрывало заинтересованности в усилении бюрократической опеки и надзора за органами управления аборигенами, отмечая, что в связи с проводимой реформой «вопрос об органах надзора за общественным управлением инородцев» приобретает особое значение²⁵⁷.

Темпы и сроки проведения реформы в различных губерниях Сибири были неодинаковы. На большей части территории Забайкальской области волостное правление было введено в 1904 г. Территория, населенная бурятами, разделялась на 15 волостей. Каждая волость состояла из нескольких сельских (булучных) обществ, подчинявшихся крестьянскому начальнику участка²⁵⁸. На остальной части Сибири введение волостного управления было осуществлено в 1910–1916 гг. Главной фигурой в ходе проведения реформы являлись крестьянские начальники. По запросу губернского правления они собирали сведения о характере хозяйства и быта аборигенов, ходе землеустройства, возбуждали ходатайство о перечислении в оседлые и введении управления по крестьянскому образцу. Однако на практике крестьянские начальники не сами проводили такие обследования, а поручали его чинам землеустроительных отрядов. По признанию иркутского губернатора, такая практика не требовала «дополнительных затрат... и никто другой не справился бы с этим лучше и быстрее»²⁵⁹. Но обремененные своими обязанностями, чины землеустройства относились к таким поручениям формально, в массовом порядке внося «рекомендации» о перечислении ко-

²⁵⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1901 г. Д. 66. Л. 37.

²⁵⁸ История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1954. Т. 1. С. 386.

²⁵⁹ ГАИО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 46. Л. 14 об.

чевников в категорию оседлых жителей и введении у них волостного управления.

Первоначально предполагалось ввести волостную реформу одновременно с землеустройством аборигенов. Однако, поскольку темпы землеустроительных работ были крайне медленными, правительство отказалось от первоначального замысла и в большинстве случаев насаждало новую систему управления откровенно насильственными методами, вне связи с землеустройством. В Тобольской губернии волостная реформа была проведена в 1910–1911 гг. на территории всей губернии, кроме Березовского и Сургутского уездов. В эти же годы волостное правление было введено у аборигенов Томской губернии, за исключением бродячих инородцев²⁶⁰. У хакасов Енисейской губернии к 1912 г. было создано по две инородческих волости в Минусинском и Ачинском уездах. Аборигенов Канского уезда причислили к русским волостям²⁶¹. В Балаганском уезде Иркутской губернии к 1914 г. из 19 инородных управ волостное и сельское управление было введено в 16, в Верхотурском уезде – в 6 управах из 12, в Нижнеудинском уезде – в 2 управах из 3. В целом по губернии к 1914 г. реформой было охвачено 64 % бурятского населения²⁶². В остальных ведомствах введение волостного управления было завершено к 1916 г.²⁶³

Борьба нерусского крестьянства против реформы носила упорный, нередко ярко выраженный политический характер. От пассивных форм сопротивления – подачи жалоб и протестов – коренные жители переходили к активным способам борьбы с насилием царских чиновников. Разумеется, различные социальные категории нерусского населения вели эту борьбу по-своему. Если для представителей полуфеодальной верхушки «инородческого общества» борьба против реформы сводилась к отстаиванию своих привилегий, а в конечном итоге – материального благополучия и власти над бедняками-односельчанами, то для трудового крестьянства борьба против

²⁶⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1808 г. Д. 154. Л. 286, 179–181.

²⁶¹ Там же. 1910 г. Д. 190. Ч. 1. Л. 230.

²⁶² ГАИО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 303. Л. 57.

²⁶³ История Бурят-Монгольской АССР. С. 434.

реформы была неразрывно связана с борьбой против усиления эксплуатации и бесправия. Характерно, что в ходе борьбы трудящееся крестьянство выступило против не только реформы управления – это был всего лишь повод, но всего комплекса царских мероприятий в отношении нерусских народностей – землеустройства, податной реформы, христианизации и т. д.

В Забайкальской области волнения крестьян в бурятских ведомствах были подавлены лишь путем суровых репрессивных мер самодержавия²⁶⁴. На остальной части Сибири наибольший размах движение приобрело в 1913 г.²⁶⁵ Особенно острую форму приняло движение хакасов Кизильской волости Ачинского уезда Енисейской губернии, где на сельских сходах раздавались откровенные призывы к неповиновению царским властям, возвращению отрезанных земельных угодий и т. д. Из 40 сел, входящих в состав волости, население 23 отказалось признать законность реформы. Движение, длившееся несколько месяцев, получило общероссийскую известность. Неизбежное восстание крестьян было предотвращено лишь чрезвычайными мерами – посылкой специального казачьего отряда «во главе с губернатором, массовыми арестами и штрафами»²⁶⁶.

В Каинском уезде Томской губернии борьба аборигенов против административной реформы вылилась в кровавые столкновения с полицией. Лишь карательный казачий отряд заставил коренных жителей признать «законность» преобразований и подчиниться требованиям царской администрации. По свидетельству местной администрации, волнения в других инородческих волостях губернии носили активный характер²⁶⁷.

В Тобольской губернии насильственное перечисление в оседлые и введение волостной реформы вызвали резкое недовольство коренного населения. В связи с этим только в губернское правление поступила 31 жалоба, однако все они остались без последствий. Невозможность добиться желаемых результатов законными средствами привела к усилению

²⁶⁴ История Бурят-Монгольской АССР. С. 384–385.

²⁶⁵ Подробнее см.: Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск, 1983. С. 127–131.

²⁶⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1913 г. Д. 71; Ф. 391. Оп. 5. Д. 504; ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1358.

²⁶⁷ Там же. Д. 149; ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 990.

движения. Среди аборигенов появились «зловредные агитаторы», которые разъезжали по селам и убеждали крестьян в том, что ввиду массового недовольства правительство было вынуждено отказаться от проведения реформы, участились случаи избиения царских чиновников²⁶⁸.

Усилившееся недовольство народов Сибири проводимой реформой заставило правительство принять дополнительные юридические акты, регламентирующие действия местной губернской администрации по перечислению аборигенов в разряд оседлых жителей. Важнейшим из них явился указ Сената в апреле 1914 г. о перечислении аборигенов из одного разряда в другой, рассматривавший сам факт такого перечисления как обычную регистрацию уже изменившегося образа жизни. Статья 4 указа подчеркивала, что именно администрация выбирает время и осуществляет перечисление. Отмечая, что с 1859 г. ревизии и переписи аборигенов не проводятся, сенатский указ разрешал перечисление коренных жителей из одного разряда в другой проводить в любое время. На основании указа в мае 1914 г. последовал циркуляр Министерства внутренних дел на имя сибирских губернаторов, который предоставлял им право «перечислять инородцев из разряда в разряд помимо их на то согласия»²⁶⁹. Ответственность за проведение мероприятий возлагалась на крестьянских начальников и других представителей губернской администрации.

Одним из объектов критики сословных привилегий сибирских инородцев, раздававшейся из лагеря сторонников русификаторской политики, было освобождение аборигенов от воинской повинности. Сторонники привлечения их к воинской службе исходили из мысли, что предоставление аборигенам льгот по отбыванию воинской повинности подрывает принципиальные основы лозунга «Россия для русских». При таком положении русский человек, отбывающий воинскую повинность, никакого расового преимущества перед аборигенами не ощущает. В результате у инородцев утрачивается представление о мощи великой России. Надо было положить решительный конец подобным разговорам и действиям, а

²⁶⁸ ГАТО. Ф. 1291. Оп. 94. 1908 г. Д. 154. Л. 424–426 об.

²⁶⁹ ГАИО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 46. Л. 8, 6.

всем туземцам дать понять, что курс по отношению к ним «держится отныне твердый и что им не уйти в недалеком времени от службы в русских войсках»²⁷⁰.

Говоря о попытках привлечения аборигенов к отбыванию воинской повинности, следует отметить, что царское правительство, не возражавшее в перспективе видеть народы Сибири совершенно обрусевшими, в данном вопросе при обсуждении практических мероприятий проявляло сдержанность. Причины подобной нерешительности следует искать в факторах внутривластного порядка. На это откровенно указал в 1910 г. начальник генерального штаба А. Е. Генгрос в письме С. А. Куколь-Яснопольскому: «Исторический опыт показал, что создание туземных инородческих войск имело в конечном итоге один результат, именно необходимость их расформировать как только на данной окраине обострялось национальное самосознание»²⁷¹.

Разговоры о привлечении сибирских аборигенов к военной службе возникли в связи с введением «Устава о воинской повинности» 1 января 1874 г.²⁷² Уже в следующем году иркутский губернатор К. Н. Шалашников в отчете в Министерство внутренних дел писал, что внес этот вопрос на рассмотрение штаба Восточно-Сибирского военного округа²⁷³. Подобные же предложения спустя два года от имени генерал-губернатора Восточной Сибири Фридерикса были доставлены военному министру. В соответствии с указом Александра II военное ведомство в это время занималось разработкой особых положений об отбывании воинской повинности инородческим населением всей империи. Несогласие военного министра Д. А. Милютина с рекомендациями комиссии привело к тому, что вопрос о привлечении сибирских аборигенов к службе в армии был отложен на неопределенное время²⁷⁴.

Тем не менее правительство всегда подчеркивало «принципиальную важность участия инородцев в воинской службе, как одной из главных государственных повинностей, имею-

²⁷⁰ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1336. Л. 52об–53.

²⁷¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1336. Л. 15.

²⁷² РГВИА. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 88. Л. 2.

²⁷³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 69. Д. 310. Л. 6 об.

²⁷⁴ РГВИА. Ф. 1450. Оп. 7. Д. 1. Л. 203.

щей значение объединяющего в политическом смысле и цивилизирующего начала»²⁷⁵. Не случайно в 1887 г. на ходатайстве приамурского генерал-губернатора Л. Н. Корфа о привлечении аборигенов к воинской службе Александр III наложил резолюцию: «Это желательно».

В 1896 г. после рассмотрения этого вопроса в штабах Иркутского и Омского военных округов была образована специальная комиссия под председательством генерал-лейтенанта Н. Обручева, основной задачей которой была разработка положений о привлечении аборигенов Сибири к отбыванию воинской повинности. В состав комиссии вошли ответственные чиновники министерств: внутренних дел, императорского двора, военного, морского, финансов²⁷⁶. Думается, что совпадение во времени работы этой комиссии с изданием аграрных, административных и податных законов конца XIX в. является неслучайным.

Комиссия Обручева попыталась дифференцировать народы Сибири по уровню хозяйственной деятельности и степени оседлости. В соответствии с этим принципом признавалось возможным привлечь к отбыванию воинской повинности на общем основании только оседлых и кочевых аборигенов Тобольской и Томской губерний²⁷⁷. Коренных жителей Восточной Сибири к несению воинской службы предлагалось привлекать на основании специально изданных правил. Военный министр А. Н. Куропаткин, докладывая в январе 1902 г. Николаю II о результатах работы комиссии Обручева, высказался против реализации ее предложений. Он считал порочным сам принцип дифференцированного привлечения сибирских аборигенов к воинской службе. Куропаткин заявлял о необходимости привлечь к отбыванию воинской повинности всех оседлых и кочевых коренных жителей как Западной, так и Восточной Сибири и Забайкалья. Конкретную разработку соответствующих предложений, по мнению военного министра, следовало поручить Министерству внутренних дел как ведомству, наиболее осведомленному об истинном положе-

²⁷⁵ РГИА. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 68. Л. 5.

²⁷⁶ Там же. Д. 221. Л. 6.

²⁷⁷ Там же. Д. 215. Л. 5–6.

нии народов Сибири. Идея понравилась Николаю II, и предложения военного министра были утверждены.

Начавшаяся вскоре Русско-японская война и последовавшая за ней революция 1905–1907 гг. отодвинули разработку этого вопроса на задний план. Правительство вернулось к нему лишь осенью 1909 г. в связи с созданием специальной межведомственной комиссии по пересмотру «Устава о военной службе». К этому времени в правящих кругах России крепло мнение о нежелательности формирования из инородцев особых воинских подразделений, с одной стороны, и необходимости привлечения их к отбыванию воинской повинности – с другой. При обсуждении этого вопроса в Государственной думе депутаты высказались за введение натуральной воинской повинности для аборигенов.

Для вынесения окончательного суждения летом 1910 г. в Сибирь был направлен начальник управления по делам о воинской повинности С. А. Куколь-Яснопольский. В секретном циркуляре на имя сибирских губернаторов П. А. Столыпин потребовал от них представить этому чиновнику «все средства и возможности» для исполнения важного поручения. В распоряжениях по данному вопросу предписывалось соблюдать осторожность и строгую тайну. Необходимость такой предосторожности П. А. Столыпин объяснял опасением «вызвать... тревогу инородцев»²⁷⁸, и без того недовольных насаждением аграрных, административных и податных преобразований. Для правительства не являлось секретом негативное отношение коренного населения к этим реформам. Поэтому Столыпин не мог не волновать вопрос о том, как поведут себя аборигены края в случае привлечения их к отбыванию воинской повинности, насколько будут активны и серьезны проявления их протестов. Подобные опасения подтверждают «вопросы для беседы», разработанные Куколь-Яснопольским. Всего было составлено 20 вопросов, из них военным сюжетам посвящено 7, остальные носили политический характер. Автора программы обследования особенно беспокоило возможное «возбуждение и неудовольствие» аборигенов предлагаемыми ко введению мерами, формы и сроки его проявления. К числу

²⁷⁸ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1336. Л. 30.

важнейших Куколь-Яснопольский отнес вопрос о потенциальном поведении инородческого войска в период внутренних потрясений и кризиса²⁷⁹.

Поездка Куколь-Яснопольского по Сибири проходила по расписанному сценарию. В Омске, Красноярске, Иркутске и Чите были проведены конфиденциальные совещания, на которых обсуждались вопросы привлечения к отбыванию воинской повинности аборигенов данной губернии, области. Круг участников совещаний был стереотипным – это губернаторы, неперменные члены по крестьянским делам, крестьянские начальники, чиновники переселенческих управлений.

Отношение губернской администрации к привлечению аборигенов к воинской повинности было достаточно осторожным, что объясняется общим недовольством аборигенов проводимыми реформами. На наличие этой связи совершенно определенно указал томский вице-губернатор И. В. Штивен. Коренные жители губернии, по его мнению, были сильно возбуждены проводимыми у них преобразованиями. В целях спокойного завершения этих сложных реформ Штивен рекомендовал «не обострять еще более... возбуждение инородцев и отложить введение у них воинской повинности». Мнение вице-губернатора разделяли и участники конфиденциального совещания, которые опасались, что «это неизбежное при введении означенной повинности волнение среди инородцев перейдет в открытое сопротивление». Участники совещания констатировали, что административные преобразования у аборигенов проводятся принудительно. Поэтому в качестве выхода из создавшегося положения предлагалось вместо воинской повинности ввести воинский налог, который аборигены будут платить «весьма охотно»²⁸⁰.

Подобные же предложения были высказаны и в Енисейской губернии. Иное решение было принято на совещании в Иркутске. Участники обсуждения, проходившего под председательством генерал-губернатора Селиванова, правда, отметили, что отношение бурят к воинской повинности является по существу отрицательным. Тем не менее они полагали, что

²⁷⁹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1336. Л. 46–46 об.

²⁸⁰ Там же. Л. 129об–130, 135.

легче «взять человека, чем деньги, так как у большинства бурят денег нет», и введение воинского налога «поведет лишь к новой кабале инородческой массы богачами». Администрация Забайкальской области считала возможным привлечение коренных жителей края к отбыванию воинской повинности. В то же время в целях «сохранения лояльности бурят» предлагалось «не усиливать напряженность в действиях миссионеров и не стеснять религиозных воззрений инородцев»²⁸¹.

В Якутской области местное начальство еще в 1901 г. признало «весьма желательным в целях обрусения» аборигенов привлечь к отбыванию воинской службы кочевых инородцев Олекминского, Якутского и Вилуйского округов²⁸².

В целом администрация большинства сибирских губерний и областей выразила согласие на введение воинской повинности у аборигенов в той или иной форме. В основе этого решения лежали внутривластные интересы, связанные, прежде всего, с дальнейшей русификацией аборигенов.

Таковы были основные итоги поездки Куколь-Яснопольского по Сибири. Несмотря на стремление центральной администрации ускорить решение вопроса о возможности привлечения сибирских аборигенов к воинской повинности, сам Куколь-Яснопольский полагал, что даже при благоприятных условиях новый закон о воинской повинности не может быть принят ранее 1912 г.²⁸³ Однако он ошибся. В силу царившей в имперском делопроизводстве бюрократии рассмотрение этого вопроса затянулось. Материалы поездки Куколь-Яснопольского по Сибири поступили в военное министерство, а оттуда были переданы в созданную при Главном управлении Генерального штаба комиссию по переустройству «Устава о воинской повинности». В апреле 1913 г. при слушании этого вопроса в Комитете министров было решено, что привлечение аборигенов Кавказа, Туркестана и Сибири к отбыванию воинской повинности «по обстоятельствам, времени и условиям их быта представляется возможным»²⁸⁴.

²⁸¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1336. Л. 147, 148, 198, 211.

²⁸² Общее обозрение Якутской области 1892–1902 гг. Якутск, 1902. С. 67.

²⁸³ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1335. Л. 206.

²⁸⁴ Там же. Л. 434 об.

1 августа 1914 г. грянула Первая мировая война. Вслед за этим последовало положение Комитета министров о реквизиции, в соответствии с которым сибирские аборигены подлежали мобилизации на тыловые работы. В первую очередь это касалось лиц с 19 лет до 31 года. Положение о реквизиции предписывало всем должностным лицам инородческого управления и русской администрации «убедительно разъяснить, что инородцы, донныне не несущие тягостей настоящей войны, теперь государем императором призываются на остальное время войны для нужных армий тыловых работ за плату продовольствием от казны». Для лиц старших призывных возрастов предписывалось составить поименные списки. Обеспокоенное положением дел на фронтах, царское правительство подчеркивало «крайнюю необходимость скорейшего получения весьма значительного количества рабочих» в кратчайший срок.

В Чите, Верхнеудинске, Иркутске, Киренске, Красноярске, Ачинске организовывались специальные сборные пункты для аборигенов. К июлю 1916 г. на них скопились тысячи людей. Между тем сборные пункты были совершенно не подготовлены к приему такого количества призывников. Начальник Иркутской местной бригады генерал-майор Наперстков доносил в штаб Иркутского военного округа, что на сборных пунктах «ни помещений, ни котлов для кухонь не имеется и нет муки и других продуктов»²⁸⁵. Местная администрация даже не представляла, где взять необходимое количество обуви и одежды, чтобы одеть и обуть «являющихся босыми и неодетыми» аборигенов. Следует отметить, что царские чиновники и кулацкая верхушка инородческого общества попытались в первую очередь направить в армию детей бедняков²⁸⁶. Последние являлись на сборные пункты без всякого запаса продуктов. Понятно поэтому, что многие аборигены на сборных пунктах влачили буквально полуголодное существование.

В июле 1916 г. начальник Главного штаба извещал штабы сибирских военных округов о невозможности в настоящее

²⁸⁵ РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 303. Л. 30.

²⁸⁶ См.: Апаятов Ч. Путь батрака // Борьба трудящихся Горного Алтая за установление Советской власти. Горно-Алтайск, 1957. С. 61–62.

время привезти в район действующей армии «всю призываемую инородческую массу рабочих». Во избежание продолжительного «бездельного пребывания» аборигенов на сборных пунктах местным воинским начальникам предписывалось впредь согласовывать начало призыва с окружными штабами. К этому времени на сборных пунктах находилось около 10 тыс. аборигенов. Однако на фронт они так и не прибыли. Сознавая полную невозможность перевезти эту массу людей в район действующей армии и не имея возможности содержать их на сборных пунктах, Николай II в виде «особой милости» перенес мобилизацию аборигенов на середину сентября²⁸⁷. Скопившееся на сборных пунктах население предписывалось распустить по домам.

Мобилизация коренного населения Сибири на тыловые работы началась летом 1916 г. По одному Якутскому округу предполагалось мобилизовать около 10 тыс. чел., которые после медицинского освидетельствования должны были прибыть на сборный пункт в Якутск. Однако на тыловые работы якуты не попали. Правительство отложило их мобилизацию по ходатайству товарищества «Лензолото»²⁸⁸, но в остальных районах Сибири мобилизация аборигенов продолжалась. Поначалу аборигены направлялись для работы на предприятиях, расположенных в районе Сибирского заводского совещания. Это были Иркутский металлический завод, Черемховские каменноугольные копи, завод Томского товарищества кожевенного производства, фабрика Бородиных в Бийске, управление Томской железной дороги и др. Всего осенью 1916 г. на предприятия было направлено около 2 тыс. аборигенов. В 1917 г. география размещения мобилизованных коренных жителей расширилась. Особенно много аборигенов направлялось в Архангельск для работ на предприятиях Беломорского водного района²⁸⁹. Всего с июля 1916 по январь 1917 г. на тыловые работы было мобилизовано около 21 тыс. коренных жителей Сибири.

²⁸⁷ РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 303. Л. 145, 197–198.

²⁸⁸ История Якутской АССР. М., 1957. Т. 2. С. 402–403.

²⁸⁹ РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 320. Л. 9, 26, 36.

Однако практика отправки сибирских аборигенов в районы, удаленные от мест их постоянного проживания, мало оправдывала себя. В начале 1917 г. начальник штаба Иркутского военного округа доносил, что «инородцы, призванные на тыловые работы, массами перебегают из одних предприятий в предприятия, находящиеся вблизи их домов»²⁹⁰. Условия работы мобилизованных аборигенов были крайне тяжелыми. Антисанитарные условия расквартирования, полуголодное существование приводили к массовым заболеваниям. Все это порождало отрицательное отношение трудового крестьянства к войне и способствовало росту антиправительственных настроений среди нерусских народностей.

В итоге отметим, что в первые пореформенные десятилетия управление народами Сибири строилось на принципах «Устава об управлении инородцев» 1822 г. Однако уже в тот период были предприняты меры по распространению на народы Сибири действия «Общего положения о крестьянах» от 19 февраля 1861 г. Это выразилось в создании образцовых волостей, работе ряда комиссий, разрабатывающих основы будущей реформы.

Важнейшим мероприятием царизма в области организации управления сибирскими аборигенами явилось введение института крестьянских и инородческих начальников в 1898 г. Новый закон в своей основе имел положение от 12 июля 1880 г. о земских начальниках Европейской России. В то же время права крестьянских начальников относительно общественного управления аборигенов по сравнению с правами земских начальников относительно крестьян были существенно расширены. На практике крестьянский начальник становился полным хозяином в инородческой волости. Новый закон по-своему отражал определенные изменения в характере социально-экономического развития народов Сибири, связанные с разложением патриархально-феодалных и развитием капиталистических отношений. В то же время административная реформа была в конечном счете направлена на усиление полицейской опеки над народностями Сибири. По социальному происхождению крестьянскими начальниками

²⁹⁰ РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 320. Л. 382.

были по преимуществу лица недворянского происхождения. Мероприятия царизма по улучшению «качественного» состава этих чиновников не принесли желаемых правительству результатов, зато резко возросла ненависть трудового крестьянства всех национальностей к этим представителям царского режима в деревне, что привело в конечном итоге к упразднению этого института власти после Февральской революции 1917 г.

Основным направлением правительственной политики в области управления народами Сибири в начале XX в. и вплоть до 1917 г. стали мероприятия по упразднению поразрядной системы и введению волостного и сельского управления по крестьянскому образцу, паспортной системы аборигенов, попытки привлечения их к отбыванию воинской повинности. Правительственный подход к этим вопросам определялся факторами внутривластного и фискального порядка, ассимиляторскими тенденциями. Однако решающее влияние на политику царизма в вопросах управления аборигенами оказывал закономерный процесс развития капиталистических отношений и усиления освободительного движения в стране в целом и в Сибири в частности. Субъективно направленная на упрочение позиций самодержавия среди крестьянства национальных районов Сибири, политика самодержавия в области управления аборигенами своим объективным результатом имела сближение трудового русского и коренного населения как в сфере материального производства, так и в области политической и духовной жизни, что имело прогрессивное значение.

Глава 3

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НАРОДОВ СИБИРИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

3.1. Образование и развитие системы местного самоуправления народов Сибири в 1820–1890-х гг.²⁹¹

В начале XIX в. в российском правительстве шел интенсивный поиск приемлемых форм организации власти на окраинах Российской империи. В этот период система управления национальными окраинами России отличалась «особенным характером административно-территориального деления (наместничества в Царстве Польском с 1815 г. и на Кавказе с 1844–1845 гг., генерал-губернаторства в Прибалтике, Оренбургском крае, Западной и Восточной Сибири и т. д.) и наличием специфических, нередко для данной окраины, учреждений и должностных лиц. Своеобразие же управления отдельными национальными окраинами определялось местными задачами царизма: например, на Кавказе оно было вызвано частыми войнами с Турцией и Персией и почти постоянным состоянием войны с борющимися за свою независимость горскими народами, в Польше – необходимостью укрепления западных границ и угрозой восстания и т. п.»²⁹². Основной задачей Российского государства в Сибири было удержание под своей властью более 30 народностей, столь отличных по своему этническому, хозяйственному, культурному облику народов, а также создание механизмов их инте-

²⁹¹ Настоящая глава пособия написана на основе материалов монографии «История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.» (Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.: монография. Иркутск, 2013. 503 с.), удостоенной в 2014 г. Государственной премии Республики Бурятия.

²⁹² Ерошкин Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960. С. 239.

грации в систему общероссийских государственных связей, которые обеспечили бы целостность государства²⁹³.

Особую остроту вопросу об управлении в Сибири придавал непрекращающийся поток жалоб о злоупотреблениях сибирских чиновников. «Темные поборы», взяточничество, казнокрадство, административный произвол снижали податные возможности сибирского населения, что наносило ощутимый ущерб фискальным интересам царизма. В правительственных кругах шла борьба между сторонниками унификации управления окраинами и приверженцами идеи особого статуса окраинных территорий²⁹⁴.

Следующим фактором проведения реформы управления в Сибири становятся изменения в хозяйственном укладе бурятского населения, происходившие в конце XVIII и первой половине XIX в. Наряду со скотоводством развивается земледелие, увеличивается сенокосение, распространяется использование наемного труда в сельском хозяйстве, развиваются товарно-денежные отношения. Уменьшение доли охоты приводит к вытеснению натурального ясака денежным. Все эти факторы свидетельствовали о вхождении бурятского хозяйства в рыночные отношения и необходимости перестройки системы управления.

В целом рассматриваемое время было периодом преобладания регионалистских тенденций в политике царизма по управлению окраинами. Создание и деятельность органов местного самоуправления у некоторых сибирских народов в форме степных дум, инородных управ и родовых управлений было проявлением этих тенденций.

История органов местного самоуправления сибирских народов в XIX – начале XX в. как уникальный опыт самоуправления коренных сибирских народов представляет огромный интерес для исследователей. В ходе присоединения новых сибирских территорий русское государство встало на путь инкорпорирования существовавших ранее форм социальной са-

²⁹³ Мамышева Е. П. Хакасия: от Степных дум к автономии (1822–1930 гг.). Абакан, 2008. С. 21–22.

²⁹⁴ Дамешек И. Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX в.). Иркутск, 2005. С. 70.

моорганизации народов Сибири, в том числе и имеющих властные полномочия, в свой состав. Кроме того, царское правительство было вынуждено считаться с нормами обычного права и некоторыми другими обычаями, регулировавшими жизнь этих народов²⁹⁵.

Согласно «Уставу» 1822 г. устанавливалось трехступенчатое управление кочевыми народами: степная дума, инородная управа, родовое управление. Степные думы, как высшая ступень органов инородческого самоуправления, были образованы у бурят, хакасов, эвенков и якутов. У бурят было учреждено 12 степных дум, у хакасов – 4: Кизильская, Койбальская, Качинская, Аскызская, у эвенков – Урульгинская степная дума, у якутов – Якутская степная дума. Всего по «Уставу» 1822 г. было образовано 18 степных дум в Сибири.

Новая система органов местного самоуправления была достаточно эффективной: инородческие общества самостоятельно, в пределах своего ведомства, при четком следовании общероссийским законам решали все административные, хозяйственные, судебные, кроме уголовных, вопросы, занимались развитием народного образования, здравоохранения, социальным призрением и благотворительностью. Таким образом, на протяжении XIX в. у сибирских народов, в том числе и бурят, создавался уникальный опыт самоуправления.

Хакаские степные думы были учреждены по предписанию Енисейского губернского правления от 4 февраля 1825 г., согласно которому «инородцы, живущие в Ачинском и Минусинском уездах, причислены по образу их занятий ко 2-му разряду и разделены на южных скотоводцев и промышленников и на кочующих земледельцев, между ними учреждены и думы, и 39 родовых управ, и выбраны начальники и головы. Инородцы, занимающие Енисейский округ, по образу их занятий подходят все к 3-му разряду и наименованы бродячими; разделены на 42 родовых управления, каждое под ведомство своего князца». На момент реформы инородцев в Енисейской губернии, по данным губернского правления, насчитывалось

²⁹⁵ Борисов А. А., Дамешек Л. М. Степные думы Сибири: исторический опыт самоуправления в имперской системе власти // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. 2011. № 1(6). С. 123–135.

15 076 душ; по уездам они распределялись так: в Ачинском – 2855, в Минусинском – 8069, в Енисейском – 4152²⁹⁶.

Особенностью системы местного самоуправления хакасов является то, что трехступенчатая система была создана по настоянию енисейского гражданского губернатора А. П. Степанова в обход «Устава об управлении инородцев» 1822 г. По его инициативе от минусинских и ачинских инородцев были собраны «приговоры, утвержденные рукоприкладством и печатями князцов», с просьбой об учреждении у них степных дум «по образцу забайкальских». На основе этих приговоров в Енисейском губернском совете вынесли соответствующее решение, утвержденное восточносибирским генерал-губернатором²⁹⁷.

Качинская (Усть-Абаканская) степная дума была учреждена в Минусинском уезде Енисейской губернии и функционировала в 1823–1854 гг. В состав думы вошли административные роды Шалошина I и II половины, Тубинского, Кубанова, Татарова, Мунгатова, Абалтаева, Таташева, Абалакова, Тинского и Ярино-Остынского численностью в 3821 чел.²⁹⁸ Местонахождение думы было в с. Усть-Абаканское. После упразднения в 1854 г. образованы Абаканская и Июсская инородные управы²⁹⁹.

Койбальская степная дума была учреждена в 1823 г. в Минусинском округе Енисейской губернии и состояла из 7 административных родов, или улусов: Таражаковского, Больше-Байкотского, Мало-Байкотского, Абугачаевского, Кольского, Арши, Кандыковского³⁰⁰. Общее количество населения составляло в 1823 г. 1317 человек (861 – мужского пола и 456 – женского пола). Местонахождение думы сначала было на протоке р. Абакан, а позже в д. Уты. По инициативе минусинского окружного начальника в 1856 г. семь родов были объединены в два: Койбальский и Салбино-Койбальский. Койбальский род был причислен к степной думе соединенных

²⁹⁶ Чибизев И. Я. Инородцы Енисейской губернии в первые годы ее существования // Сибирский архив. 1914 г. № 9. С. 379–390.

²⁹⁷ Мамышева Е. П. Указ. соч. С. 29.

²⁹⁸ Чибизев И. Я. Указ. соч. С. 380.

²⁹⁹ Энциклопедия Республики Хакасия. В 2 т. Красноярск, 2007. Т. 1. С. 270–271.

³⁰⁰ Чибизев И. Я. Указ. соч. С. 381.

разных племен, а Салбино-Койбалский – к Абаканской инородной управе³⁰¹.

Аскызская (Сагайская) степная дума входила в состав Минусинского уезда и состояла из 10 административных родов: Бельтирского, Кизильско-Каргинского, Бийско-Ковинского, Ближне-Каргинского, Дальне-Каргинского, Кивинско-Кубинского, Казановского II половины, Сагайского I и II половины, Карачаровского. В ведомстве числилось 3654 души³⁰².

Кизильская степная дума была учреждена в Ачинском округе из 12 родовых управ во главе с родоначальником Григорием Ульчегачевым и состояла из инородцев Кизильского, Мелецкого I и II половины, Большеачинского, Малоачинского, Игинского, Шуйского, Малоаргунского, Басагарского, отделенного от II половины, Басагарского I и II половины, Камларского и Курчиковского административных родов. По статистике Енисейского губернского правления, по ведомству числилось 2855 душ «скотоводцев и промышленников», из них 374 «кочевых земледельца»³⁰³. Место пребывания думы – улус Печищенский, с 1868 г. – улус Божьеозерский. В 1835 г. из ведомства думы выделились в Мелецкую инородную управу Мелецкий I и II половины административные роды. В 1893 г. Кизильская степная дума преобразована в Кизильскую инородную управу³⁰⁴.

Кроме кочевых инородцев, в Енисейской губернии проживали бродячие инородцы: тунгусы – 1434 души, остяки – 1299, юраки – 249, самоеды – 429, якуты – 296, для которых были учреждены 42 родовых управления.

К 1872 г. в Минусинском округе Енисейской губернии население инородцев было представлено двумя ведомствами: Абаканской инородной управой и Сагайской степной думой, которые были разделены на родовые управления. Население вело кочевой образ жизни и, как отмечается, «занимаются скотоводством, отчасти зверопромышленностью, оседлых же инородцев, имеющих хлебопашество и живущих отдельными

³⁰¹ Энциклопедия Республики Хакасия. Т. 1. С. 286–287.

³⁰² Чибизев И. Я. Указ. соч. С. 381.

³⁰³ Там же. С. 379.

³⁰⁴ Энциклопедия Республики Хакасия. Т. 1. С. 335–336.

селениями из числа 5336 ревизских душ мужского пола, состоящих в ведомстве Абаканской инородной управы, считается только 135, проживающих в отдельных селениях Усть-ыркальском, Биджинском, Устьабаканском и Талчанском, земледелием занимаются 113 душ, которыми в 1869 г. употреблено под посевы до 106 десятин»³⁰⁵.

В Сагайской степной думе из 7443 душ, ведущих кочевую жизнь, земледелием занимается до 1070 душ, которыми было посеяно в 1869 г. озимого и ярового хлеба 1425 четвертей. Эти оседлые инородцы проживают в инородческих селениях Удах, Синявиной, Аскыз, Устьсее и др.³⁰⁶

Из общего населения инородцев Минусинского округа в христианской вере считается до 11 520 душ мужского пола и до 1250 душ язычников и шаманов, но из числа принявших крещение весьма многие придерживаются обычаев и шаманства и никогда не бывают у исповеди и святого причастия, как это видно из производства следственных дел. Причины недостаточного развития христианства между инородцами, по мнению современников, заключается в непонимании русского языка большей половиной всего инородческого населения, в малом количестве церквей, которых у инородцев во всем округе только три, и наличии влияния шаманствующих, пользующихся доверием и уважением среди населения³⁰⁷.

Главное благосостояние инородцев Минусинского округа заключается в скотоводстве; мало- и среднесостоятельные составляют более половины населения, имеют от 5 до 70 лошадей, от 10 до 50 голов рогатого скота и от 20 до 100 овец, более богатые инородцы имеют от 500 до 1000 лошадей, до 500 голов рогатого скота и до 2000 овец. Совершенно бедных инородцев, приобретающих необходимые потребности для жизни и для уплаты податей заработками у крестьян, при сплаве барок или на золотых приисках, по Абаканской инородной управе считается до 160 душ мужского пола и столько же женского, приблизительно в подобном же размере можно считать и совершенно бедных инородцев Сагайской степной думы.

³⁰⁵ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3771. Л. 5.

³⁰⁶ Там же. Д. 3671. Л. 5 об.

³⁰⁷ Там же. Л. 6–6 об.

По мнению минусинского окружного исправника, умственное развитие инородцев остается в самом грубом невежестве, и хотя при инородной управе и степной думе имеются приходские училища, но в каждом из них обучается не более 10 мальчиков. При обычаях кочевой жизни, занимаясь одним скотоводством, инородцы ведут жизнь более праздную и склонны к пьянству, для которого употребляется ими напиток собственного изделия – «айрак». Несмотря на это, случаи уголовных преступлений между ними бывают редки, и все население инородцев отличается преданностью русскому правительству и с покорностью исполняют все распоряжения местных властей.

В Ачинском округе Енисейской губернии к 1869 г. имелись два инородческих ведомства: Кизильская степная дума и Мелецкая отдельная инородная управа, население которых вели кочевую жизнь. Инородцы Кизильской степной думы в основном занимались скотоводством и звероловством, а Мелецкой управы – звероловством и рыболовством. Хлебопашеством занимались до 460 душ в Кизильской думе и до 130 душ в Мелецкой управе. По мнению ачинского окружного исправника, для успешного развития хлебопашества необходимо поселить русских, одобренных в поведении своими обществами и волостными начальниками, между инородцами думы с их согласия с воспрещением ввоза и продажи крепких напитков. В Мелецкой же управе инородцы, постоянно кочующие по северным лесам и тундрам, не имеют ни средства, ни возможности сделаться земледельцами. Все инородцы Ачинского округа приняли святое крещение, но большая часть из них прибегают к шаманству. Что же касается их взгляда на русское правительство, как считает окружной исправник, инородцы понимают, что правительство есть власть, которой они обязаны повиноваться и повинуются беспрекословно³⁰⁸.

К 1893 г. оставшиеся две степные думы были упразднены, и установилась двухступенчатая система органов местного самоуправления: инородная управа – родовое управление. В 1908–1914 гг. в Минусинском и Ачинском уездах Енисейской губернии в рамках активизировавшегося землеустрой-

³⁰⁸ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3671. Л. 7–8.

ства проводилась и административная реформа: традиционные органы самоуправления заменялись волостными учреждениями по крестьянскому образцу. Постановлением Енисейского губернского управления от 28 октября 1911 г. хакасы были перечислены из кочевых в оседлые, а инородные управы были преобразованы в волости³⁰⁹.

Особенность реформы управления в Якутской области заключалась в том, что к концу 1823 г. была создана система территориального административного управления, имеющая в своем составе 17 инородных управ и 195 родовых управлений, и только в 1827 г. была учреждена Якутская степная дума. По характеру и значению своей деятельности Якутская степная дума вскоре стала органом самоуправления областного уровня. Среди основных дел думы наиболее впечатляющими были организация хозяйственного освоения значительных площадей земельных угодий в Центральной Якутии, распределение населения по пяти земельно-ясачным разрядам и проведение в 1830 г. в г. Якутске съезда представителей инородческого населения³¹⁰.

Однако по распоряжению иркутского генерал-губернатора в 1838 г. через 11 лет после учреждения Якутская степная дума была распущена. В обоснование этого было сказано следующее: якуты никогда не были подчинены, подобно бурятам, одному главному родоначальнику; учреждение степной думы в многолюдном городе само по себе было незаконным; выбор главного родоначальника провоцировал вражду между родоначальниками; содержание думы стоило более 4000 руб. ежегодно. По мнению В. К. Иванова, действительной причиной роспуска думы явилось то, что власти опасались деятельности думы, которая проводила достаточно самостоятельную политику и противодействовала власти, защищая права и свободы якутского народа. Оценивая значение Якутской степной думы, автор отмечает, что ее деятельность привела: 1) к уменьшению писмоводительства в наслехах;

³⁰⁹ Мамышева Е. П. Указ. соч. С. 50–51.

³¹⁰ Пахомов Е. А. Административно-территориальное устройство и традиции местного самоуправления Якутии по «Уставу об управлении инородцев Сибири» // Якутская Степная дума – первый опыт областного самоуправления. Якутск, 2007. С. 44–45.

2) к сокращению разъездов чиновников, казаков и транспортных смотрителей по наслегам и улусам; 3) к уменьшению собраний старост и старшин; 4) к прекращению самоуправного жительства русских в якутских местностях; 5) к ограничению содержания скота русскими и т. д. В целом благодаря деятельности Якутской степной думы стало возможным добиваться большей экономической, финансовой, политической деятельности³¹¹.

Важное место в истории народов Сибири XIX в. занимают тунгусские органы местного самоуправления. Тунгусы, населявшие Западное Забайкалье, были объединены в несколько инородных управ и родовые управления. Так, в Баргузинском ведомстве были учреждены Баргузинская тунгусская инородная управа, Баунтовское, Верхнеангарское Чильчагирское, Нижнеангарское Киндигирское, Подлеморско-Шемагирское и Кучитское родовые управления. В Селенгинском ведомстве была учреждена Армакская инородная управа со смешанным тунгусским и бурятским населением. Малочисленные роды тунгусов также входили как административные единицы в состав степных дум, как, например, род Малобельских тунгусов входил в состав Аларской степной думы. В Восточном Забайкалье тунгусы были объединены в Урульгинскую степную думу, состоявшую из 6 инородных управ с родовым управлением.

Согласно «Уставу» 1822 г. тунгусы были отнесены к бродячим народам, приравненным в правах с кочующими инородцами, т. е. они составляли особенное сословие в равной степени с крестьянским, но отличное от него по управлению.

На тунгусов распространялся сбор ясака, освобождение от рекрутской повинности, они имели полную свободу заниматься земледелием, скотоводством и местными промыслами в своих землях, другим же сословиям запрещалось самовольно селиться на их землях. Так, в предписании крестьянского начальника 1-го участка Баргузинского уезда Нижнеангарскому Киндигирскому родовому управлению от 22 июня 1903 г. указывалось, что «на землях бродячих инородцев не

³¹¹ Иванов В. К. Якутская Степная дума и Якутское областное правление: правовой статус и полномочия // Якутская Степная дума – первый опыт областного самоуправления. С. 104–105.

имеет права селиться никто без согласия общества тунгусов, отразившегося в общественном приговоре. Ввиду сказанного предписываю родовому управлению не разрешать никому из лиц, не принадлежащих к обществу тунгусов, строить дома, занимать участки земли без общественных приговоров, утвержденных крестьянским начальником»³¹².

Все мирские расходы производились из доходов, получаемых за отдачу в аренду сенокосных угодий и рыболовных оброчных статей. Так, в 1908 г. общественным приговором тунгусов Подлеморско-Шемагирского родового управления реки Большая Черемшанка, Кудалды, Урбикан и Томпа были отданы в арендное содержание за 4117 руб. на срок с 1 сентября 1908 г. по 1 марта 1909 г. На деньги, вырученные от отдачи с торгов зверопромышленных речек, содержали родовое управление, уплачивали ясак в размере 41 руб. 40 коп., заготавливали для тунгусов с торгов по приговорам общества товары и припасы в необходимом количестве. Товары и припасы хранились в магазине при родовом управлении, на них велась товарно-учетная книга, и в случае необходимости они выдавались тунгусам на сугланах³¹³.

Отдача тунгусскими обществами рек в аренду находилась под строгим наблюдением вышестоящего начальства, с согласия которого производилась процедура аренды. Например, в 1911 г. крестьянский начальник Баргузинского уезда подал объявления об отдаче с торгов в Нижнеангарском Киндигирском родовом управлении с 1 октября для зверопромышленности нижеследующих речек, принадлежавших тунгусам Киндигирского рода: Горячая, Берно, Аея, Фромиха, Ироктакань, Акуликан, Аркуликан³¹⁴.

Урульгинская степная дума объединила роды степных, или так называемых конных, тунгусов и бродячих орочен Восточного Забайкалья. Тунгусы (хамниганы) ононские к началу XX в., по мнению Ц. Жамцарано, представляли собой «обурятившийся и омонголившийся» народ³¹⁵. Тунгусы Восточного

³¹² ГАРБ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 40. Л. 20–20 об.

³¹³ ГАРБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 15.

³¹⁴ ГАРБ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 57. Л. 49–49 об.

³¹⁵ Котвич В. Л. Из эпистолярного наследия. Улан-Батор, 2011. С. 87.

Забайкалья приняли русское подданство в 1667 г. Родоначальниками тунгусских родов являлись князья Гантимуровы по наследственному принципу с конца XVII в. Гантимур, «по происхождению манджур, родственник китайского богдыхана», был послан последним с войском в Сибирь для завоевания Аргунского острога, но, «увидя русских людей житие доброе, и поревновав тому житию», вывез из Китая своих жен, детей и родственников, всего более 500 человек, и поселился в Русской земле³¹⁶.

В Именном указе царей Иоанна и Петра Алексеевичей от 5 марта 1685 г. нерчинскому стольному воеводе Ивану Астафьевичу Власову отмечается, что даурских острогов тунгусские князья Гантимур с сыном своим Катанаем решили принять православную христианскую веру. Обряд крещения был проведен в г. Нерчинске: Гантимур был наречен Петром, Катанай – Павлом. После крещения Гантимур-Петр со своим сыном Катанаем-Павлом отправились на прием к царям в Москву, однако Гантимур не доехал до столицы, умер и был похоронен в Нарыме. Катанай-Павел был принят царями, и ему были даны «за восприятие православной христианской веры жалованье, платье и поденного платья и корма довольно и велели его Павла писать княжьим именем и написать его по Московскому списку и из Москвы его отпустить в Дауры в Нерчинск по-прежнему». Конечно, такие почести Павлу Гантимурову были оказаны не только за принятие христианской веры, но и за обещание защитить русские границы на востоке.

Князю Павлу Гантимурову было выдано жалованье в размере 30 руб., хлеба и соли он должен был получить в Енисейске, к тому указывалось «для его иноземства построить в Нерчинске двор добрый Нерчинскими служилыми людьми и пашенными крестьянами».

В донесении читинского окружного начальника военному губернатору от 11 июня 1894 г. отмечается, что с Гантимуром в Россию пришли 39 тунгусских родов, которые «заселились не самовольно, а по распоряжению правительства, так

³¹⁶ ГАЗК. Ф. 55. Оп. 2. Д. 48.

как были хранителями русской границы от набегов братских и китайских людей»³¹⁷.

С этого времени тунгусы под предводительством князей Гантимуровых твердо стояли на защите русской границы в Нерчинском уезде. По отзывам царских чиновников, нерчинские тунгусы были храбрейшими из всех сибирских инородцев, почему их и привлекли к несению пограничной службы. Согласно установленной графом С. Л. Владиславичем-Рагузинским системе наблюдений за границами в 1727–1752 гг. нерчинские тунгусы содержали пограничные караулы в Восточном Забайкалье. В 1756 г. для борьбы с монгольской угрозой тунгусы впервые выставили по примеру селенгинских бурят три сторожевые партии: две партии князя Павла Гантимурова – одна в 200, а другая в 150 чел.; третья партия находилась под началом Алексея Гантимурова и состояла из 50 чел.

Однако несение караульной службы было сопряжено с большими трудностями для тунгусов. Они были вынуждены жить в неудобных для скотоводства местах, вдали от кочевьев своих сородичей, при пограничных караулах; от тяжести службы и монгольских грабежей многие тунгусы оказались в совершенном разорении, особенно шилкинские тунгусы из Сардаульского, Цамцагирского и Почегатского родов. В 1758 г. появляется проект создания команды из 500 тунгусов для охраны Нерчинской границы, причем комплектование должно было происходить из всех тунгусских родов самыми зажиточными мужчинами, освобожденными от уплаты ясака.

17 октября 1760 г. был принят Указ Сената об учреждении тунгусского конного полка. Устройство Тунгусской пятисотенной команды и распределение ее на Нерчинской границе было поручено бригадиру В. Якоби. 15 января 1761 г. он командировал с этой целью в Нерчинск своего сына, секунд-майора Ивана Якоби. Зима была чрезвычайно снежная, и собрать в одно место тунгусов было затруднительно. Поэтому секунд-майор И. Якоби назначил несколько сборных пунктов, куда Нерчинская воеводская канцелярия и вытребовала тунгусов:

1) шилкинские тунгусы собирались на р. Мотакон около заимки Епифанцева;

³¹⁷ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13785. Л. 93.

2) аргунские – на р. Верхней Борзе при устье р. Бырки, а часть на Средней Борзе;

3) ононским тунгусам предоставлялось самим выбрать сборное место;

4) тунгусы, жившие по Нерче, вызваны были в Нерчинск;

5) все роды, кочевавшие в других местах, избирали места сборищ и сообщали в Нерчинск.

Переезжая с места на место, секунд-майор постепенно выбрал 500 тунгусов, не замеченных в пограничном воровстве. Выборы производились из охотников по состоянию и исправности. Выбранные таким образом тунгусы были приведены по их обычаю к присяге на верность службы (некрещенные целовали ружье, а принявшие православие – по христианскому обряду). В 1761 г. все команды были уже отправлены на караулы под начальством ефрейторов вместе с семействами, пожитками и скотом.

Каждый тунгус-казак имел по две лошади: одну собственную, другую от хоринских бурят. Вооружить тунгусских казаков предполагали саблями и луками. Тунгусы заявили желание купить сабли на собственные деньги.

Тунгусы, выделенные в пятисотенную команду, стали называться тунгусскими казаками. Звание казака было наследственным в этих родах. Однако они сохранили связь со своими сородичами, так как подчинялись одному начальнику – князю Павлу Гантимурову, объединявшему в своем лице командира команды и начальника родов, судились по одному и тому же обычному праву своими родовыми начальниками и были связаны материальной порукой³¹⁸.

Таким образом, в 1667 г. тунгусы приняли российское подданство, в 1760–1761 гг. был образован Тунгусский пятисотенный полк, который на протяжении долгого времени стоял на охране государственной границы России. Тунгусский пятисотенный полк со 162 нерчинскими казаками и 22 якутскими солдатами положил основание будущему пограничному Забайкальскому казачеству, сыгравшему огромную роль в

³¹⁸ Васильев А. П. Забайкальские казаки : ист. очерк : в 3 т. Т. 2. Репринтное воспроизведение издания 1916–1918 гг. 2007. С. 157–163.

освоении новых сибирских земель, укреплении и охране российской границы на востоке.

По «Уставу об управлении инородцев» 1822 г. тунгусы наряду с другими сибирскими народами получили систему местного самоуправления, действовавшую у них до 1901–1902 гг., до проведения волостной реформы.

Территория Урульгинской думы была обширной и включала в себя плодородные земли в верховьях р. Она, ниже по течению, а также земли по рекам Ингоде, Шилке и т. д. В ведение думы первоначально вошли шесть инородных управ: Урульгинская, Оловская, Шундуинская, Маньковская, Кужертаевская, Онгоцонская, каждая из которых в свою очередь состояла из нескольких родовых управлений. О местах кочевий, названии родов и количестве населения свидетельствуют данные за 1827 г.

Согласно статистическим отчетам, численность тунгусов ведомства составляла: в 1827 г. – 4834 чел., в 1852 г. – 13 779, в 1864 г. – 16 295, в 1874 г. – 15 845, в 1886 г. – 22 564, в 1894 г. – 26 209, т. е. на протяжении всего XIX в. шел непрерывный рост населения. Основное население ведомства было отнесено к разряду кочевых – 99,9 %, только 0,1 % составляли оседлые тунгусы. В составе населения числились около 400 бродячих ороchon.

В 1864 г. из 16 295 жителей ведомства 8333 были мужского пола, 7962 женского пола, т. е. мужское население преобладало над женским на 371 чел., что является обычным показателем среди инородческих ведомств³¹⁹. Например, в Агинском ведомстве на 15 696 мужчин приходилось 14 828 женщин³²⁰, в Хоринском ведомстве на 23 827 мужчин 22 407 женщин, в Селенгинском ведомстве на 16 135 мужчин 16 023 женщины³²¹.

В 1851 г. из 14 740 жителей Урульгинской думы 4270 (29 %) чел. исповедовали ламаизм, 7526 (51 %) – христианскую веру, а остальные 20 % относились к «идолопоклонникам». В 1886 г. православные тунгусы составляли 66 %, а буддисты и шаманисты – 34 %. Тунгусы Оловской, Шундуинской

³¹⁹ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 566. Л. 145.

³²⁰ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2672. Л. 87–88.

³²¹ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13785. Л. 70.

и Маньковской инородных управ почти все были православными, а в Урульгинской, Кужертаевской и Онгоцонской управах большая часть населения были «идолопоклонниками», т. е. буддистами и шаманистами.

Согласно «Уставу» 1822 г. тунгусы имели полную свободу заниматься земледелием, скотоводством и местными промыслами в своих землях, другим же сословиям запрещалось самовольно селиться на их землях. О хозяйственной деятельности тунгусов свидетельствуют ежегодные отчеты степной думы. Так, в отчете думы за 1864 г. отмечается, что «тунгусы Маньчжурского племени; православные живут в русских селениях, занимаются свойственными крестьянам работами, а идолопоклонники проводят жизнь кочевую, занимаясь скотоводством и зверопромышленностью»³²². Далее пишется: «При общем взгляде на народную нравственность, можно заметить патриархальную простоту и нравы инородцев довольно чисты, что можно заключить из того, что в течение последнего десятилетия случилось только одно уголовное преступление, воровство и конокрадство хотя и были, но, в посредственном количестве, и виновные подвергнуты законному наказанию. К 1864 г. подобных дел в производстве не состоит»³²³.

По данным отчета, на 16 295 жителей ведомства приходилось 14 447 голов лошадей, 9806 – крупного рогатого скота, 19 675 овец, 713 свиней, 3975 коз, 64 верблюда, 32 оленя, девять буйволов³²⁴, в среднем на одного жителя приходилось по три головы домашнего скота. Земледелие было ограничено. Рыболовством занимались для собственного пропитания, а охотой – для уплаты ясака. В Урульгинском ведомстве было учреждено 26 экономических хлебозапасных магазинов, имелось 1042 деревянных частных дома, 1574 войлочных и деревянных юрт, 26 кузниц, 73 мельницы.

В отличие от кочевых бурят, бродячим тунгусам отводились целые полосы земли и на них не распространялись земские и губернские повинности, не предусматривались

³²² ГАЗК. Ф. 55. Оп. 1. Д. 566. Л. 48.

³²³ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 566. Л. 119об–120.

³²⁴ ГАЗК. Ф. 55. Оп. 1. Д. 566. Л. 123.

расходы на содержание степного управления³²⁵. Забайкальские же тунгусы были приравнены к кочевым инородцам, поэтому на них распространялись земские, губернские и внутренние повинности. В 1894 г. Урульгинская степная дума внесла в казну 25 866 руб. 80 коп. из них подушная подать составляла 4208 руб. 56 коп., частные повинности – 36 руб., межевой капитал – 115 руб. 29 коп., ясак – 4336 руб. 84 коп., губернская земская повинность – 13 982 руб. 47 коп. В эту же сумму входили оброчная подать и пожарный капитал, уплачиваемые оседлыми инородцами³²⁶.

В 1886 г. содержание степного местного самоуправления обходилось Урульгинскому ведомству в 11 742 руб. 56 ½ коп., с каждой ревизской души по 1 руб. 39 ¼ коп. Эта цифра является также средней по сравнению с другими инородческими ведомствами. Так, в Селенгинской степной думе собирали по 1 руб. 5 ½ коп. с одной ревизской души, Баргузинской степной думе по 1 руб. 46 ¼ коп., Кударинской степной думе по 3 руб. 60 коп.³²⁷ и т. д.

Внутренние повинности включали в себя жалованья писарям 26 экономических магазинов, 6 письмоводителям инородных управ, письмоводителю думы, его двум помощникам, содержание семи мальчиков при Урульгинском приходском училище, жалованье учителя, содержание тюремных помещений, дорог, мостов, наем лошадей под воинские и арестантские партии с продовольствием и т. д.³²⁸

Тунгусы управлялись собственными родоначальниками и почетными людьми, из которых составлялось свое управление. Из всех сибирских народов только у тунгусов были потомственные дворяне Гантимуровы по Московскому списку, что свидетельствовало об их значимости для Российского государства. Они с самого начала носили титул начальника тунгусских родов, а позднее председателя Урульгинской степной думы, который передавался по наследству только прямым наследникам Петра Гантимурова. Должности заседателей думы, голов и выборных были выборными.

³²⁵ ПСЗ-1. Т. 38. Ст. 29126.

³²⁶ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13785. Л. 84.

³²⁷ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2172. Л. 19 об.

³²⁸ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2172. Л. 101–102.

Все важные административные и хозяйственные вопросы решались на общих собраниях-сугланах при степной думе, которые обычно созывались два раза в год, в марте и декабре. На сугланах производили раскладку казенных сборов, обсуждали различные хозяйственные вопросы. Все дела решались с общего согласия, принятием общественных приговоров (решений).

Урульгинская степная дума была ликвидирована после введения волостной реформы 1901 г. К моменту ликвидации Урульгинской степной думы в ее составе числилось 7 инородных управ, добавилась Ульдургинская инородная управа, образовавшаяся из бурят, выселившихся из Баргузинского ведомства на р. Улдургу. Согласно журналу Забайкальского областного по крестьянским делам присутствия от 30 сентября 1902 г., Урульгинская степная дума была упразднена, а инородные управы реорганизованы в инородческие волости:

1) Урульгинская инородная управа – в Урульгинскую волость, куда вошли Урульгинское, Верхне-Талачинское, Байцетувское, Берегинское, Бургенское сельские общества;

2) Оловская инородная управа – в Зюльзинскую волость с центром в с. Зюльзинское (Зюльзинское, Илимское, Кокуйское, Цакакшинское, Наринзорское сельские общества);

3) Маньковская инородная управа – в Маньковскую волость с центром в с. Маньковское (Маньковское, Кутугуйское, Акурайское, Барун-Кондуевское, Олдоиндинское, Нижне-Пергонинское отдельные общества);

4) Шундуинская инородная управа – в Шундуинскую волость с центром в с. Шундуинское (Шундуинское, Шивиинское, Усть-Караксарское, Хара-Быркинское, Больше-Соктуевское, Быркинское, Эдартуйское отдельные общества);

5) Ульдургинская инородная управа – в Ульдургинское сельское отдельное общество;

6) Кужертаевская инородная управа – в Кужертаевскую волость с центром в с. Кужертаевское (Тулутаевское и Кужертаевское отдельные общества);

7) Онгоцонская инородная управа – в Онгоцонскую волость с центром в с. Бырцинское (Тарбалджейское, Бырцинское)³²⁹.

³²⁹ ГАЗК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 38. Л. 32–33.

Тунгусы же, населявшие Западное Забайкалье, были объединены в несколько инородных управ и родовые управления. Так, в Баргузинском ведомстве были учреждены Баргузинская тунгусская инородная управа, Баунтовское, Верхнеангарское Чильчагирское, Нижнеангарское Киндигирское, Подлеморско-Шимагирское и Кучитское родовые управления. В Селенгинском ведомстве была учреждена Армакская инородная управа со смешанным тунгусским и бурятским населением. Малочисленные роды тунгусов также входили как административные единицы в состав степных дум, как, например, род Малобельских тунгусов входил в состав Аларской степной думы.

Баргузинская инородная управа была учреждена для тунгусов Лимагирского, Мунгальского, Баликагирского и Чильчагирского родов, проживавших оседло в селениях, расположенных по обеим сторонам р. Баргузин. В 1872 г. управа насчитывала 516 ревизских душ. Наиболее значительным селением баргузинских тунгусов было урочище Бодон, здесь же размещалась и управа³³⁰.

Во главе рода стоял шуленга, каждое родовое управление подчинялось Баргузинской тунгусской инородной управе. Основными занятиями местных жителей было рыболовство, охота, скотоводство. Предметами охоты у тунгусов были росомахи, рыси, волки, сохатые, медведи, белки, соболь и т. д. Например, в 1871 г. было добыто: «медведей – 1, коз – 20, кабарговой струи – 25, белок – 200»³³¹. Шкуры дикого и домашнего животного служили основным материалом для изготовления одежды и обуви. Из числа домашнего скота тунгусы имели: «рогатый скот лучшего качества для приплода и работ, а корова вообще для домашнего хозяйства»³³². Часть тунгусов занималась хлебопашеством.

Баунтовская тунгусская инородная управа объединяла тунгусов трех родов, живших в районе Баунтовских озер: 1-го и 2-го Чильчагирского, 3-го Киндигирского³³³. На 1 января

³³⁰ ГАРБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 7. Л. 2–7.

³³¹ ГАРБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.

³³² ГАРБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 6. Л. 5–8.

³³³ ГАРБ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 41. Л. 329 об.

1896 г. население управы составляло 453 мужчины и 372 женщины, всего 825 человек³³⁴. Они проживали в четырех районах: по Витимкану и Чипе; по Ципикану; по Аупику и Амалатам; по Муе³³⁵.

Баунтовские тунгусы относились к бродячим инородцам. Основными занятиями населения были охота, оленеводство, рыболовство. Охота являлась для тунгусов источником существования и средством для уплаты ясака. В среднем в год баунтовские тунгусы промышляли 20 кабанов, 600 кабарги, 50 лисиц, 20 волков, 5–10 медведей, 10–15 выдр, 50 сохатых, 100 изюбрей, 800 коз, 20–25 соболей, 20 000 белок³³⁶.

Оленеводство играло в хозяйственной жизни тунгусов, кроме охоты, решающую роль. Олени использовались как средство передвижения, всего в 1909 г. оленей насчитывалось 665 голов³³⁷. Из домашнего скота тунгусы содержали 60 лошадей, в незначительном количестве рогатый скот. Рыболовство служило средством пропитания и сбыта в обмен на другие продукты.

Инородная управа занималась развитием промыслов, сбором ясака и взиманием арендной платы за сенокосные угодья и рыбную ловлю с приискового населения. Должностными лицами управы служили голова управы и родовые старосты, получавшие жалованье в размере 25–50 руб. в год. Голова избирался на общем собрании родовичей и утверждался приказом военного губернатора Забайкальской области. Так, в 1913 г. головой служил тунгус И. И. Найканчин с жалованьем 25 руб. в год³³⁸.

Взыскание ясака с ороchon проводилось родовыми старостами во время ярмарок в декабре, а за свинец и порох плату вносили в управу по мере возможности.

Подлеморско-Шемагирское родовое управление объединяло тунгусов, проживавших между Баргузинским хребтом и оз. Байкал по рекам Шигнанда, Ширильда, Томпа и Чивыркуй. Тунгусы были представлены Шемагирским родом, во главе

³³⁴ ГАРБ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 26. Л. 16.

³³⁵ ГАРБ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 64.

³³⁶ ГАРБ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 28. Л. 24.

³³⁷ ГАРБ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 30. Л. 6.

³³⁸ ГАРБ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.

которого стоял избранный на общем собрании родовой староста – шуленга. Родовой староста избирался на летнем суглане сроком на три года, жалованья не получал, так как «исправлял должность как общественную службу»³³⁹.

В пользовании Шемагирского рода находились земли, прилегающие к восточному берегу оз. Байкал, северной гранью служил мыс Турем за р. Ширильдой, южной – нижнее изголовье Святого Носа. Зверопромысловые речки распределялись между тунгусами следующим образом: речки Малая Черемшанка, Верхняя Кабанья, Вершина Томпы, Согнендон состояли в пользовании тунгусов Власа и Бориса Семушевых, Михаила Колмакова и Афанасия Мисюркеева, живших оседло в Читканской волости и Бодонском отдельном тунгусском обществе; речка Сосновка – К. И. Черных, речка Таркулик – В. Черных, речки Керма и Яксакон – А. Газенвинкелю, речка Шигнанда – З. Цивилеву и А. Малыгину, речка Аминдакань – П. Черных.

Нижнеангарское Киндигирское родовое управление было учреждено для тунгусов Киндигирского рода.

Большой интерес представляет история бурятских степных дум, инородных управ и родовых управлений, которая охватывает в хронологическом отношении длительный период времени – с 1822 по 1904 г., в территориальном отношении – значительные площади в Иркутской губернии и Забайкальской области, в количественном отношении – учреждение 12 степных дум, 53 инородных управ.

Согласно «Уставу» 1822 г., в течение 1823–1825 гг. было учреждено 11 степных дум в Иркутской губернии – Аларская, Балаганская, Идинская, Кудинская, Верхоленская, Ольхонская, Тункинская, Кударинская, Баргузинская, Селенгинская, Хоринская. В 1839 г. из Хоринской степной думы выделилась Агинская степная дума. Таким образом, было учреждено 12 бурятских степных дум. С образованием Забайкальской области в 1851 г. Хоринская, Агинская, Селенгинская, Кударинская и Баргузинская степные думы вошли в ее состав, а остальные 7 степных дум остались в территориальном ведомстве Иркутской губернии.

³³⁹ ГАРБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 19. Л. 55.

В середине 1824 г. началось формирование новых бурятских органов местного самоуправления. Указом Иркутского губернского правления от июля 1824 г. «О новом образе устройства инородческого управления» объявлялось «инородцам об их разделении на родовые управления, инородные управы и степные думы и вместе с тем привести в действие согласно высочайшему Уставу новый образ инородческого управления»³⁴⁰.

Новая система органов местного самоуправления создавалась не на пустом месте. Надо отметить, что первыми органами местного самоуправления бурят стали «мирские сборные избы», затем переименованные в степные конторы, учрежденные в середине XVIII в. По сведениям Главного управления Восточной Сибири, буряты имели родовые конторы, составленные из шуленгов под председательством тайши, остяки – сборные или сугланные места, у якутов местное самоуправление делилось по родам и старшинами и князьями родовыми и наследными, а по улусам – головами улусными и т. д.³⁴¹.

Первая мирская изба была учреждена для хоринских бурят в 1749 г. в с. Онинское. Задачи степных контор заключались в раскладке, сборе и передаче в казну податей, распределении повинностей, исполнении предписаний губернского и уездного начальников. В состав конторы входили главный тайша и депутаты.

Впоследствии в разные годы были учреждены степные конторы в Балаганском, Верхоленском, Кудинском, Ольхонском, Селенгинском и других ведомствах. Как пишет М. Н. Хангалов, балаганские, идинские, аларские и китойские буряты имели одну общую контору, учрежденную около 1750 г. в с. Черемхово³⁴². В Селенгинском ведомстве степная контора была учреждена в 1808 г., в Баргузинском ведомстве – в 1811 г. Одной из последних, видимо, была образована Тункинская степная контора в 1823 г.³⁴³ Так, в фонде Баргузинской степной

³⁴⁰ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 2687. Д. 23. Л. 131–136 об.

³⁴¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 2687. Д. 23. Л. 180.

³⁴² Хангалов М. Н. Юридические обычаи бурят // Собр. соч. Улан-Удэ, 1958. Т. 1. С. 198.

³⁴³ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 2687. Д. 23. Л. 66 об.

думы сохранился документ об учреждении степной конторы: в 1810 г. баргузинские братские главные зайсаны Цанкир Андреев и Танхи Имышкеев обратились с прошением в Иркутский губернский суд об учреждении у них братской конторы для исправлений государственных дел и ярмарки³⁴⁴.

В связи с учреждением новой системы местного самоуправления по «Уставу» 1822 г. степные конторы переименовываются в степные думы, образуются инородные управы и родовые управления. Особенностью формирования новой системы инородческого управления бурят явилось учреждение в разных ведомствах полной трехступенчатой и неполной – двухступенчатой системы. В справке Иркутского губернского общего правления, представленной в ГУВС 26 июля 1882 г., отмечается, что само губернское правление оказалось в затруднительном положении по вопросу об истории учреждения инородческого местного самоуправления по «Уставу» 1822 г. из-за отсутствия архивных документов.

По всем бурятским ведомствам были направлены запросы о предоставлении сведений об образовании системы местного самоуправления по «Уставу» 1822 г. Благодаря представленному подлинному делу Балаганской степной думы за 1823–1824 гг. удалось установить, что степные думы, инородные управы и родовые управления у бурят были учреждены по указу Иркутского губернского правления от июля 1824 г. «О новом образе устройства инородческого управления». Из представленных донесений степных дум оказалось, что все степные думы были образованы в августе-декабре 1824 г. Так, в августе 1824 г. были образованы Идинская и Балаганская степные думы, в ноябре 1824 г. – Кудинская степная дума, в декабре 1824 г. – Верхоленская степная дума и т. д.³⁴⁵

Таким образом, в большинстве бурятских ведомств были учреждены степные думы и родовые управления, т. е. сложилась двухступенчатая система органов местного самоуправления, что явилось нарушением ст. 114 «Устава об управлении инородцев» 1822 г., согласно которой степные думы раз-

³⁴⁴ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–3.

³⁴⁵ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Каргон 2687. Д. 23. Л. 66 об, 114–116, 131–136 об.

решалось учредить только забайкальским бурятам³⁴⁶. Однако в нарушение этой статьи «Устава» у западных бурят были повсеместно учреждены степные думы, и, как отмечает П. Т. Хаптаев³⁴⁷, степные думы оттеснили инородные управы на задний план. В результате здесь к концу XIX в. существовали две системы управления: 1) родовое управление – степная дума; 2) родовое управление – инородная управа.

В связи с этим в 1889 г. более четко высказался иркутский генерал-губернатор А. П. Игнатъев в своем докладе: «Со времени моего вступления в управление высочайше вверенным мне краем, обращая особенное внимание на инородческое управление, я принужден был неоднократно убеждаться во многих неправильностях и отступлениях от основных начал, установленных для него положением 22 июля 1822 г. ... По силе этого закона в инородческом управлении должно быть всего две степени управления: первая – родовое управление, состоящее из старосты и одного или двух помощников, и вторая – инородная управа в лице одного головы и двух выборных. Только для исключительно хозяйственных дел многих родов, соединенных вместе, дозволялось иметь, и то лишь забайкальским бурятам, еще третью степень – степную думу».

Далее Игнатъев отмечает, что, несмотря на положения «Устава» 1822 г., «в ведомствах Тункинском, Балаганском, Верхоленском, Аларском, Кудинском, Ольхонском и Идинском были, как оказалось, еще с 1824 г. по указу Иркутского губернского правления учреждены степные думы, принявшие на себя, вопреки точному указанию закона, права и обязанности инородных управ; причем в тех ведомствах, где были образованы думы, инородные управы, установление которых также требовалось вышеупомянутым указом Губернского правления, по всему вероятно, или вовсе не были учреждены, или поглощенные захватом власти первыми и их председателями главными родоначальниками, совершенно прекратили свое существование»³⁴⁸.

³⁴⁶ ПСЗ-1. Т. 38. № 29126.

³⁴⁷ Хаптаев П. Т. Национальное движение в Бурятии в период первой русской революции. Улан-Удэ, 1938. С. 32.

³⁴⁸ ГАРБ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 156. Л. 87.

Трехступенчатая система в полном соответствии с «Уставом» 1822 г. была первоначально учреждена только в Хоринском ведомстве, самом многочисленном и крупном бурятском ведомстве. По 7-й ревизии в Хоринском ведомстве насчитывалось крещеных и некрещеных инородцев мужского пола 21 116 душ, которые состояли в ведении Верхнеудинского земского суда под управлением главной Анинской канторы, состоявшей из «4-х тайшей и некоторого числа депутатов», избираемых из всех родов. Их кочевья простирались по Верхнеудинскому и Нерчинскому уездам, а также по Нерчинско-Заводскому ведомству, которых насчитывалось 7007 душ в 2770 семьях. Отдаленность от главной канторы, огромные расстояния между родами от 150 до 600 верст привели к разделению 3 хоринских родов из 11 на две части: Харганатский, Кубдутский и Хуацайский стали делиться на восточные (*зүүн*) и западные (*баруун*) роды. Удаленность хоринских родов от Верхнеудинского уезда затрудняла следственные и другие дела, вела к их затягиванию и увеличению переписки между Верхнеудинским и Нерчинским земскими судами.

По этому поводу нерчинский окружной начальник в 1823 г. обратился к гражданскому губернатору Иркутской губернии с предложением учредить для хоринских бурят, кочующих по Нерчинскому уезду и Нерчинско-Заводскому ведомству, отдельную Агинскую степную думу. Однако хоринское общество выступило против такого предложения, обосновывая свой протест тем, что отделение части хоринских бурят вызовет затруднения в платежах государственных и общественных повинностей. С другой стороны, создание и содержание новой степной думы приведет к новым материальным издержкам³⁴⁹.

Учитывая мнения двух сторон, с целью сохранения целостности хоринского общества Иркутское губернское правление приняло решение об учреждении Агинской бурятской инородной управы в Нерчинском уезде с непосредственным подчинением Анинской (Хоринской) степной думе, в судебной и полицейской части – под ведение Нерчинского земского суда. Агинским бурятам было предоставлено право избирать

³⁴⁹ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–8.

в звание головы одного из тайшей или родоначальника, двух выборных из старшин или почетных родовичей.

По сведениям Иркутского губернского правления, изначально предполагалось учреждение в бурятских ведомствах двухступенчатой системы «инородные управы – родовые управления»: например, в Балаганском ведомстве 16 инородных управ и 23 родовых управлений для бурятского населения численностью 6206 душ мужского пола и 6084 души женского пола, в Идинском – 12 инородных управ и 39 родовых управлений для 6562 душ мужского пола и 6120 душ женского пола³⁵⁰. Однако во всех бурятских ведомствах, кроме Хоринского, была учреждена двухступенчатая система «родовое управление – степная дума»: в Аларском, Балаганском, Идинском, Кудинском, Верхоленском, Ольхонском, Тункинском, Кударинском, Баргузинском, Селенгинском ведомствах. Двухступенчатая система «родовое управление – инородная управа» была учреждена у закаменских бурят, цонголов, ленских, китойских, капсальских бурят.

Учреждение двухступенчатой системы органов местного самоуправления «степная дума – родовое управление» у западных бурят и бурят Селенгинского, Баргузинского, Кударинского ведомств, возможно, оправдывалось необходимостью экономии средств на их содержание, ведь введение еще одной ступени предполагало увеличение суммы внутренних повинностей и значительное увеличение числа должностных лиц, пользовавшихся различными льготами, в том числе и налоговыми, а также увеличение междудворной гоньбы.

Однако подтвердить этот довод не представляется возможным, так как не сохранились архивные документы из-за случившегося пожара в Иркутске в 1879 г., когда огнем были уничтожены фонды Иркутского губернского архива. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1880-х гг., при рассмотрении инородческого вопроса, и Иркутское губернное правление, и Главное управление Восточной Сибири, и сами бурятские ведомства оказались в неведении, каким образом происходило формирование системы инородческого местного самоуправления по «Уставу» 1822 г.

³⁵⁰ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 2687. Д. 23. Л. 200–202.

1. Селенгинская степная дума. Селенгинская степная дума была учреждена в 1825 г. на месте Селенгинской инородческой конторы и первоначально объединяла 18 родовых управлений: Атагановское, Сартоловское, 1-е Табангутское, 2-е Табангутское, 3-е Табангутское, Чернорудское, Селенгинско-Харанутское, Бабай-Хуромшинское, Ользоновское, Хатагинское, Подгородное, Узеновское, Бумал-Готольское, Цонгольское, Ашебагатское, Чикойско-Харанутское, Иройско-Харанутское, Алагуевское³⁵¹.

В 1832 г. Иркутское общее губернское правление рассматривало вопрос об отделении бурят Ашабагатского рода от Селенгинской степной думы и учреждении отдельного родового управления с выборным головой. Буряты Ашабагатского рода обратились в Комиссию для составления окладных книг с просьбой об их отделении от степной думы по причине взимания с них излишних поборов и разных притеснений со стороны должностных лиц думы и родовых старшин: во-первых, они вынуждены платить подати за шуленгу, его помощников – шести зайсанов, освобожденных от уплаты налогов; во-вторых, они оплачивают их командировки в степную думу; в-третьих, большие суммы поборов на содержание думы, например, при думе числятся шесть монгольских писарей, один толмач (переводчик), шесть денщиков, двое караульных, которые получают жалованье за счет общества и т. д. После рассмотрения вопроса Совет губернского управления решил оставить просьбу ясачных Ашабагатского родового управления без внимания³⁵².

В ноябре 1863 г. поступило донесение главного тайши Д. Минеева верхнеудинскому земскому исправнику с просьбой от бурят Селенгинско-Харанутского и Атаганова родов о разделе первого на два родовых управления и второго – на два десятка по причине разбросанности территории. Прошение было направлено в Главное управление Восточной Сибири, и 11 февраля 1864 г. вышло предписание генерал-губернатора Восточной Сибири М. Корсакова: «Раздел Атаганова рода на два десятка под управлением одного головы и двух

³⁵¹ ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 203. Л. 185.

³⁵² Там же. Д. 200. Л. 2–5 об.

старост не соответствует никаким пунктам законов, поэтому разрешено не может быть»³⁵³, и следующее – 11 марта 1864 г.: «Раздел Селенгинско-Харанутского рода на два родовых управления разрешить из-за дальности расстояний»³⁵⁴.

В 1888 г. в состав Селенгинской степной думы входили 22 родовых управления. Дума располагалась в с. Иннокентьевское, в 45 верстах от г. Селенгинска. В своей деятельности дума подчинялась до 1851 г. Верхнеудинскому общему окружному управлению, с 1851 г., с образованием Забайкальской области, – селенгинскому окружному исправнику.

В 1833 г. во главе думы стоял главный родоначальник (тайша), который имел двух помощников, также в думе служило 8 заседателей. Канцелярия думы состояла из письмоводителя и его помощника – переводчика³⁵⁵. Выборы родовых начальников производились общественным собранием, на которых присутствовали родоначальники, старшины, почетные родовичи и доверенные от инородцев. Все начальники утверждались в своих должностях военным губернатором области, а тайши – генерал-губернатором.

Главными тайшами в разные годы были: Юмдэлэг Ломбоцыренов (Дамби-Жалсан) (1825–1836), Ниндак Вампилов (1837–1853), Жамбал-Доржи Буянтуев (1853–1860), Дмитрий Минеев (1860–1875), Эрдэни Дансорунов (1875–1882), Дарма Михайлов (1882–1885), Сайнцак Юмов (1885–1895), Вандан Жамбалтаров (1895–1903).

2. Хоринская степная дума. Была образована в 1824 г. на месте Хоринской братской степной конторы и первоначально объединяла 11 родов.

С 1745 г. центр Хоринского ведомства располагался в небольшом зимовье на южном склоне горки Худаг вверх от низовьев р. Ана. В 1797 г. здание конторы было перенесено в местность Улан-Бургасан, что на северной стороне р. Ане, выше Анинского селения, а в 1806 г. было перенесено в Анинское селение. Здание Хоринской думы было построено в 1848 г. Здание деревянное, длиной 10 четвертей, шириной

³⁵³ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 54.

³⁵⁴ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 576. Л. 66.

³⁵⁵ ГАРБ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 174. Л. 91

4 четверти, высотой 3 четверти, состояло из нескольких частей: 1) монгольской канцелярии; 2) русской канцелярии; 3) монгольского архива; 4) русского архива; 5) комнаты казначейская; 6) комнаты присутствия³⁵⁶.

Жители ведомства жили в 297 деревянных домах, 7533 войлочных и 2412 деревянных юртах, имели 11 общественных деревянных зданий: здание степной думы, 1 часовню, 7 дацанов, 1 училище³⁵⁷.

В Хоринской степной думе было учреждено 14 инородных управ: Галзотская, Барун-Харганатская, Зун-Харганатская, Барун-Хоацайская, Зун-Хоацайская, Барун-Кубдутская, Зун-Кубдутская, Батанайская, Шарайтская, Ботонгутская, Ходайская, Гучитская, Цаганская, Хальбинская и Курбинское отдельное общество³⁵⁸.

Галзотская инородная управа занимала территории по р. Кичинге, впадающей в Кудун, и состояла из 10 родовых управлений: Зыргулейского, Субинского, Ангинского, Табан-Нарасунского, Моксохонского, Кичингинского, Коркинского, Хасуртаевского, Сакирского, Кудунского.

Барун-Харганатская управа размещалась по р. Тугнуй, впадающей в Хилок, и состояла из 10 родовых управлений: Усть-Тугнуйского, Сулхарнинского, Ехэ-Суминского, Бага-Суминского, Улан-Гангинского, Ула-Гантуевского, Харсаевского, Хабширатинского, Кудунского, Удинского.

Зун-Харганатская инородная управа размещалась по р. Конда, на расстоянии 50 верст от Кондинской почтовой станции и состояла из 5 родовых управлений: Кондинского, Эгитуевского, Зугалтуевского, Сакирского, Чисанского.

Барун-Хоацайская инородная управа размещалась по р. Кичинге, впадающей в р. Кудун, и состояла из 7 родовых управлений: Цаган-Хасунского, Ониборского, Бадинского, Жибкесунского, Дабагатуевского, Шибартуевского, Готайского.

Зун-Хоацайская инородная управа размещалась на оз. Карга и р. Курбе и состояла из родовых управлений: Яровинского, Шакшинского, Солбонтуевского, Моготойского.

³⁵⁶ ГАРБ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 132. Л. 23–24.

³⁵⁷ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 145. Л. 182–184.

³⁵⁸ Там же. Д. 580. Л. 21–24.

Барун-Кубдутская инородная управа находилась на р. Тугнуй и состояла из 7 родовых управлений: Брянского, Галтайского, Сутайского, Хагширинского, Хатунь-Хатунского, Булакинского, Кахирского.

Зун-Кубдутская инородная управа находилась на р. Ульдурге, впадающей в р. Уду, и состояла из 7 родовых управлений: Эгитуевского, Нарин-Горхонского, Салкингуевского, Ашингинского, Яровинского, Ехэ-Кундуевского, Куренгуевского.

Батанайская инородная управа размещалась по р. Еравне и состояла из 6 родовых управлений: Хилокского, Еравнинского, Шубугутуевского, Чисанского, Тугну-Галтайского, Шолутаевского.

Шарайтская инородная управа находилась между станциями Тарбагатайской и Кульской и состояла из 3 родовых управлений: Курбинского, Кудунского, Еравнинского.

Ботонгутская инородная управа размещалась возле ст. Поперечная и состояла из 3 родовых управлений: Хонхолойского, Хару-Шогуйского, Куретуевского.

Ходайская инородная управа размещалась по р. Грязнухе и состояла из 9 родовых управлений: Оротаевского, Кичингинского, Сулхаринского, Хоргинского, Ара-Хонхолойского, Ацагатского, Нарин-Шибирского, Шолотаевского, Могойтуевского.

Гучитская инородная управа находилась на р. Хилок и состояла из 6 родовых управлений: Хайцагарского, Алтачевского, Барун Нарин-Гутайского, Харангуевского, Оборского, Нарын-Ацаганского.

Цаганская инородная управа размещалась по р. Чисан, впадающей в р. Кудун, и состояла из 2 родовых управлений: Чисанского, Хотор-Булатского.

Хальбинская инородная управа размещалась по р. Кичинге, впадающей в р. Кудун, и состояла из 5 родовых управлений: Шинаевского, Аца-Шибирского, Оляборского, Исчисутуевского, Голбайского.

Всего по Хоринскому ведомству в 14 инородных управах и отдельном Курбинском обществе числилось 38 303 чел., однако их распределение по управам было неравномерным. К примеру, самой малочисленной управой была Цаганская – всего 546 жителей. Они имели 22 деревянных дома, 107 дере-

вянных и 190 войлочных юрт. Самой многочисленной была Галзотская управа, в которой проживало 4589 жителей, имевших 51 деревянный дом, 573 деревянных и 795 войлочных юрт. Неравномерность распределения населения по управам объясняется приоритетом родового принципа организации органов самоуправления хоринских бурят.

3. Агинская степная дума. По причине уступки земель по долинам рек Ингода, Тура, Оленгуй и их притокам переселенцам из центральных областей России и перекочевки бурят этих местностей в долины рек Онон-Борзя, Урулунга, Онон и их притоков возникла территориальная оторванность и отдаленность агинских бурят от основной массы хоринских бурят. Жители Аги стали испытывать большие, часто непреодолимые трудности в решении личных и общественных дел и нужд. Они обратились к генерал-губернатору Восточной Сибири с «жалобой на значительные неудобства», которая была поддержана Иркутским губернским советом. После утверждения решения Губернского совета постановлением восточно-сибирского генерал-губернатора от 27 июля 1837 г. было образовано ведомство Агинской инородной управы в составе Нерчинского округа.

Однако это преобразование оказалось недостаточным и не решало всех проблем жителей, которые «при посредстве господина Нерчинского окружного начальника представили иркутскому гражданскому губернатору народный приговор о том, чтобы заново утвердить одну степную думу и шесть инородных управ». Это ходатайство агинских бурят было поддержано восточносибирским генерал-губернатором, и постановлением от 2 марта 1839 г. была учреждена Агинская степная дума в составе 6 инородных управ (Цугольской, Бырке-Цугольской, Могойтуевской, Шолотуевской, Кялинской, Тутхалтуевской)³⁵⁹.

Позднее постановлением Иркутского губернского совета от 7 ноября 1846 г. была учреждена Тургинская инородная управа из бурят Галзотского рода Могойтуевской управы³⁶⁰. В 1893 г. была образована Барун-Хоацайская инородная упра-

³⁵⁹ Хроника Тугулдура Тобоева // Летописи хоринских бурят. М.; Л., 1940. С. 32.

³⁶⁰ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 387. Л. 2–2 об.

ва³⁶¹. Таким образом, в Агинской степной думе стало 8 инородных управ, включавших в себя в общей сложности 40 родовых управлений.

Тургинская инородная управа находилась в урочище Догой Агинского ведомства Читинского округа. В своей хозяйственной и распорядительной деятельности Тургинская инородная управа подчинялась Агинской степной думе, а в полицейском отношении подчинялась приставу 4-го участка Читинского округа³⁶².

Тургинская инородная управа включала в себя 2 родовых управления: Могойтуевское и Жаргаламаевское. В 1893 г. Жаргаламаевское родовое управление было упразднено, и на его месте было образовано Усть-Тургинское³⁶³. В 1893 г. по управе насчитывалось 22 990 голов скота: коней – 3910, крупного рогатого скота – 5950, баранов – 11 700, верблюдов – 330, яманов – 1100³⁶⁴. Земледелия практически не было. Часть населения занималась охотой. В 1902 г. на территории управы проживало 2894 чел. всех возрастов в 627 юртах, из них 1435 – мужского и 1459 – женского пола³⁶⁵.

В 1903 г. в ходе волостной реформы Тургинская инородная управа была упразднена, и ее территории вошли в состав Цугольской волости³⁶⁶.

Бырке-Цугольская инородная управа была образована в 1839 г.³⁶⁷ и объединяла 6 родовых управлений: Шибинское, Хара-Шибирское, Бырке-Цугольское, Тургинское, Жаран-Сункурское, Хара-Шибирское – Адакское³⁶⁸. Население управы в основном состояло из бурят Хоацайского рода. Резиденция управы находилась в урочище Бырка, примерно в 100 верстах от г. Нерчинска.

В 1849 г. на территории управы проживало 2185 чел. всех возрастов в 861 юрте, из них 1082 – мужского и 1103 – жен-

³⁶¹ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2967. Л. 13–15.

³⁶² ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 158. Л. 1.

³⁶³ Там же. Д. 73.

³⁶⁴ Там же. Д. 50. Л. 18, 18 об.

³⁶⁵ Там же. Д. 461. Л. 4 об, 7, 7 об.

³⁶⁶ Там же. Д. 199. Л. 5.

³⁶⁷ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 127. Л. 6 об, 7.

³⁶⁸ ГАРБ. Ф. 369. Оп. 2. Д. 3. Л. 5.

ского пола³⁶⁹. Большая часть населения управы занималась скотоводством и вела кочевой образ жизни.

В 1854 г. по управе насчитывалось 24 963 головы скота: коней – 4360, крупного рогатого скота – 2948, овец – 16 680, коз – 741, верблюдов – 234³⁷⁰. Земледелие было развито слабо. В 1839 г. по управе было занято под посевами 557 десятин, покосами – 1239 десятин, пастбищами – 20 510 десятин, лесными угодьями – 2886 десятин, всего 25 200 десятин земли, и неиспользованных земель было 23 818 десятин³⁷¹. Часть населения занималась охотой.

Головами управы в разные годы были Сулхаев Ирдыни, Сулхаев Абида, Юмцунов Юмдылык, Тапхаев Доржи.

Кялинская инородная управа состояла из бурят Бодонгутского, Кубдутского, Шарайтского, Харганинского родов, входивших в 7 родовых управлений: Ножиевское, Кункурское, Хилинское, Хойто-Агинское, Харганашинское, Илейское, Аргалейское. Управа занимала земли по рекам Верхний Зуткулей, Онон, Кужуртай, Иля, местности Кункур, Харганаша, Ангабай, Сарансаг, между горами Табтанай, Улзыто, Улястуй и Зуткулей.

В 1893 г. по управе насчитывалось 5225 чел., в том числе 51 православный; имелись 1272 двора, 82 деревянных зимних дома, 1937 юрт, из скота было: 1465 верблюдов, 20 775 лошадей, 32 657 овец, 7352 козы, 17 свиней. Головой управы в разные годы избирались Хилэб Тэмдэгинов, Сандан Зодбоев, Юндун Сандаков, Дондуб Самданов, Намдак Одонов. Основным занятием населения было скотоводство, под посевы ярицы выделялось всего 118 десятин земли.

Тутхалтуевская инородная управа состояла из бурят Бодонгутского рода и 6 родовых управлений: Табтанаевского, Кусочинского, Зутколеевского, Чиндалеевского, Гашуновского, Тутхалтуйского. Управа размещалась в 60 верстах к востоку от Агинской степной думы в местности Убэр-Тутхалта, с запада в 30 верстах от селения Дульдурга³⁷².

³⁶⁹ ГАРБ. Ф. 369. Оп. 2. Д. 12. Л. 8.

³⁷⁰ Там же. Л. 44.

³⁷¹ ГАРБ. Ф. 369. Оп. 2. Д. 3. Л. 59.

³⁷² ГАРБ. Ф. 294. Оп. 1. Д. 256. Л. 3.

В 1890 г. в управе проживало 2772 души мужского пола, 2528 – женского пола, всего – 5300 жителей. У них было 265 деревянных домов, 1245 юрт, 11 085 лошадей, 17 696 голов рогатого скота, 34 450 овец, 5225 коз, 219 верблюдов, 24 сарлаков³⁷³. Головой управы в разные годы были Галсан Дашиев (1856–1877), Дылгыр Аюшиев (1878–1892), Гомбо Ирдынеев, Жигжид Галсанов (1902 г.)

Цугольская инородная управа состояла из бурят Харганатского рода, входивших в 9 родовых управлений: Цугольское, Тургинское, Сункурукское, Уртуевское, Уксахаевское, Боржигантаевское, Жабхаринское, Судунтуйское и Зугалаевское.

В 1901 г. по управе насчитывалось 6928 жителей, которые имели 153 деревянных и 1611 войлочных юрт, 420 домов, 21 276 лошадей, 6851 голову рогатого скота, 36 245 овец, 6254 козы, 921 верблюда. Головой управы в разные годы были Батир Кулуков, Дылгыр Галсанов, Цырен Жамбуев.

Шолотуевская (Челутайская, Шелутаевская, Саган-Шелутаевская) инородная управа состояла из бурят Кубдутского рода, входивших в 6 родовых управлений: Судунтуевское, Аршантуевское, Нортуевское, Ага-Шелотуевское, Кяло-Шолотуевское, Убжигинское.

В 1901 г. по управе насчитывалось 6010 жителей, на которых приходилось 111 деревянных и 1265 войлочных юрт, 500 деревянных домов, 10 125 лошадей, 10 036 голов рогатого скота, 20 434 овцы, 2496 коз, 532 верблюда. Головой управы в разные годы были Юмсун Семенов, Юндун-Доржи Юмсунов, Батомунко Риткиев.

Могойтуевская инородная управа состояла из бурят Цаганского рода, входивших в 3 родовых управления: Уленто-Догоевское, Турго-Могойтуевское, Ульдургинское. Местонахождение управы: зимой – улус Могойто на р. Хилгэндэ, в 15 верстах от Агинского селения, летом – в 35 верстах от Агинского селения³⁷⁴. Население проживало в местностях, улусах Хонин хушун, Хилгэндэ, Ульдурга, Эчигэтэ, Нарин,

³⁷³ ГАРБ. Ф. 294. Оп. 1. Д. 469. Л. 43, 43 об.

³⁷⁴ ГАРБ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 12. Л. 19.

Онон, Булаг, Хулиндын адаг, Догой, Табтанай, Уленто, Жибхэсэнтэ, Хара-Шибирь, Шулута, Аргали³⁷⁵.

В 1901 г. по управе насчитывался 3871 житель, на которого приходилось 50 деревянных и 910 войлочных юрт, 150 деревянных домов, 8376 лошадей, 4786 голов рогатого скота, 23 027 овец, 3394 козы, 363 верблюда. Головой управы в разные годы были Дылгыр Зурбанов, Дансаран Можанов, Очиржаб Сынгеев, Рабдан Аюшиев, Базар Цыбиков.

Барун-Хоацайская инородная управа была учреждена в 1893 г. по ходатайству бурят Шарайтского и Барун-Хоацайского родов в урочище Онон-Борзя из родовых управлений: Харганашиевского, Илинского, Жаргалмаевского Кялинской инородной управы. Численность бурят этих родов увеличилась с 5278 чел. в 1858 г. до 7976 чел. в 1893 г. Управа была учреждена в связи с увеличением численности населения, его разбросанности из-за кочевого образа жизни, что вызывало большие затруднения как в административном, полицейском, так и в хозяйственном отношении. В 1894 г. было учреждено родовое управление – Борзинско-Шенусутуевское³⁷⁶. Головой управы был Сымпил Дамдинов.

4. Кударинская степная дума. Население на период образования Кударинской степной думы в 1826 г. составляло 4103 чел.³⁷⁷, в 1895 г. – 4868 чел.³⁷⁸

В начале XIX в. кударинские буряты в основной массе были шаманистами. Так, в 1826 г. было 16 крещеных бурят, что составляло 0,4 % населения. На территории Кударинского ведомства к 1841 г. были две миссионерские церкви – во имя святых апостолов Петра и Павла и в честь вознесения Господня. Крещеные буряты были причислены к Кударинской Благовещенской церкви, состоящей в Кударинском селении Ильинской волости³⁷⁹. К 1902 г. количество крещеных составило уже 56 %.

Основными занятиями населения были скотоводство, рыболовство, земледелие, извоз; охота не имела особого значения.

³⁷⁵ ГАРБ. Д. 40. Л. 67.

³⁷⁶ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2967.

³⁷⁷ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 32. Л. 21–22.

³⁷⁸ Там же. Оп. 1. Д. 1158. Л. 18.

³⁷⁹ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 38. Л. 1–2.

Скотоводство являлось важным промыслом кударинских бурят, которые разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз и свиней. За рассматриваемый период количество скота у кударинцев не увеличилось: если в 1840 г. была 13 181 голова скота, то в 1895 г. – 12 343. Причины этому разные: недостаточная площадь пастбищ, сенокосных угодий, поскольку самые плодородные земли отдавались русским крестьянам, селившимся поблизости; падежи скота; землетрясение 1861 г. Так, в 1870 г. от сибирской язвы пало 1164 животных.

Земледелие не приносило особого дохода, так как собранного урожая не хватало даже на пропитание. Недостаток хлеба кударинцы восполняли его покупкой посредством заработков, обменом рыбы. Нехватка хлеба объяснялась следующей причиной: постоянные наводнения приводили к осадке почвы, что делало невозможным посев зерновых.

Важным источником благополучия кударинских бурят было рыболовство. Так, в 1870 г. было продано рыбы на 5127 руб. Для рыболовства использовали невод, промысел начинался на оз. Байкал с 15 мая и продолжался до 8 июня, на р. Селенге – с 1 августа до 20 сентября. Для рыболовного промысла объявлялись торги по отдаче в оброчное содержание рыболовных статей, местностей, где занимались рыбным промыслом, – Обойха, Собачья Дыра, Пospelовская. Рыболовные статьи могли выкупать только люди состоятельные. Так, в разные годы оброчную статью выкупали Помпо Дарнушкин, Заяхан Хамаганов, Николай Хамаганов и др. Промышляли омуля, хариуса, осетра, сига, щуку. В 1828 г. было добыто осетрины 300 пудов, 30 тыс. штук хариуса, 60 тыс. штук омуля, сига 25 пудов, щуки 250 пудов³⁸⁰. В 1895 г. было добыто 150 бочек омуля, 2 тыс. штук хариуса. Осетровых и других рыб в этом году уже не промышляли.

О значении рыболовства говорит тот факт, что кударинский бурят клялся самым значимым в его благосостоянии: если он совершит какое-либо противоправное действие, то пусть бурхан лишит его промыслов на воде³⁸¹.

³⁸⁰ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 32. Л. 162.

³⁸¹ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1071. Л. 54.

Важной статьей дохода кударинцев был извозный промысел, который заключался в доставке грузов на одноколучных подводах в летнее время из г. Троицкосавска до Чертовкинской пристани и в зимнее время на санях из г. Троицкосавска до г. Иркутска. Везли китайский чай и другие товары в Иркутск, а обратно российские товары. В 1856 г. кударинские буряты заработали на извозе 2755 руб., которые употребили на оплату податей и на свои домашние нужды, в 1865 г – 1600 руб.

До 1875 г. степная дума размещалась в улусе Хараузском, однако в связи с угрозой наводнения была перенесена в селение Корсаковское.

Степная дума состояла из главного тайши, помощника тайши, четырех заседателей, четырех родовых голов, улусных старшин. Тайшами, шуленгами, родовыми старостами и старшинами всенародно выбирались уважаемые, авторитетные представители бурятского народа, имевшие крепкое собственное хозяйство, хорошее поведение.

Тайшами Кударинского ведомства в разные годы были: Карп Додоев (1825–1827), Хамаган Дамбуев (1827–1852), Заяхан Хамаганов (1852–1864), Яков Березовский (1864–1868), Сувор Соктоев (1868–1870), Андрей Бушин (1874–1875), Владимир Хамаганов (1879–1880), Иван Заяханов (1880–1883), Тимофей Новолодский (1884–1887), Митрофан Гашов (1887–1894), Семен Хамагнов (1894–1895), Илья Заяханов (1896–1898), Прокопий Махатов (1899–1902).

5. Баргузинская степная дума. Баргузинская степная дума образована в 1824 г.³⁸² Дума размещалась в селении Улюн, которое находилось в 31 версте от г. Баргузина, в 351 ½ версты от г. Верхнеудинска³⁸³. Первоначально Баргузинское ведомство состояло из 5 родов: Сборного, Ченоевского, Баяндаевского, Бурского, Чендылдурского³⁸⁴. К 1835 г., судя по документам, Баргузинское ведомство стало включать из 12 родов, которые кочевали по местностям: Бурский – по степи Топук, рекам Улюн и Аргада; Чендылдурский – по степям Куйтун, Ахули, р. Аргада; Баяндаевский – по степям Дырен,

³⁸² ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1. Л. 16–20.

³⁸³ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 406. Л. 40.

³⁸⁴ Там же. Д. 22. Л. 120.

Туракин, Ярикта, р. Улюн; Сборный – по рекам Курумкан, Бодон, Улнекчикан, оз. Нура; 1-й Ченоевский – по степям Нура и Ина, урочище Заргада; Олевский – по урочищу Кармадон, степи Дырен, рекам Курумкан, Карга; 1-й Чендылдурский – по р. Аланбург, вместе с тунгусами по Кучутскому острогу; Абазевский – по степи Дырен, по р. Ахули; Галзутский – по степям Кармадон, Алла, Дырен, р. Карга; 2-й Ченоевский – по степям Дырен и Туракин; Номоловский – по степи Ярикта, рекам Арус и Аласун; Оторшинский – по степям Огноли, Бархан, р. Галдат³⁸⁵.

В 1889 г. по желанию самих бурят из Бурского рода выделился Сборный род, из Ченоевского рода – Оторчинский³⁸⁶. Разделение родов буряты объясняли тем, что «произошло умножение народонаселения, управление одним родовым головой крайне отягощено... нашли нужным разделиться для успешного разрешения разных общественных и частных дел...»³⁸⁷.

С 1889 г. ведомство состояло из 8 родов: Бурского, Сборного, Баяндаевского, 1-го Чендылдурского, 2-го Чендылдурского, Ченоевского, Оторчинского, Галзутского³⁸⁸.

В 1899 г. дума состояла из главного тайши, пяти заседателей, восьми родовых голов, одного письмоводителя, восьми помощников родовых голов, 23 улусных (участковых) старшин, выборного от крещеных бурят³⁸⁹.

Главными тайшами Баргузинской степной думы в разные годы были: Мархун Байдуев из рода галзут (1820–1826), Хамнай Цанкиров из рода бура (1827–1846), Норбо Галсанов из рода сэнгэлдэр (1846–1850), Базар Танганов из рода сэнгэлдэр (1850–1854), Сахар Хамнаев из рода бура (1854–1875), Цэрэнжаб (Константин) Сахаров из рода бура (1875–1882), Цэдэбжаб (Александр) Сахаров из рода бура (1883–1892), Ринчин Сотиев из рода сэнгэлдэр (1892–1902).

По статистическому отчету за 1887 г. количество населения составляло 11 061 чел., родилось 172 младенца, умерло 82 чел., заключено 59 браков³⁹⁰. Население вело кочевой образ

³⁸⁵ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 63. Л. 41–41 об.

³⁸⁶ Там же. Д. 2232. Л. 29–29 об.

³⁸⁷ Там же. Д. 2232. Л. 159.

³⁸⁸ Там же. Д. 2370. Л. 133–134.

³⁸⁹ Там же. Д. 2528. Л. 3–23.

³⁹⁰ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2178.

жизни. Крещенные буряты, за исключением 10 семей, проживающих оседло в улусе Улюн, тоже кочевали по ведомству³⁹¹.

Главной отраслью хозяйства баргузинских бурят было скотоводство. В 1869 г. на семью из четырех человек приходилось лошадей до 5 голов, рогатого скота до 12 голов, мелкого скота до 10 голов³⁹². Из года в год, судя по ежегодным отчетам, поголовье скота увеличивалось: 1850 г. – 52 367 единиц³⁹³, 1865 г. – 76 928 единиц³⁹⁴, 1887 г. – 142 900 единиц³⁹⁵. Скот преимущественно продавался на золотые промысловые артели в количестве от 400 до 800 голов ежегодно по цене от 18 до 45 руб. за голову, шерсть – купцам г. Баргузина в количестве от 150 до 350 пудов по цене от 2 р. 50 к. до 3 р. 35 к. за пуд³⁹⁶.

В 1887 г. выручили денег от продажи: лошадей – 2025 руб., рогатого скота – 30 075 руб., коровьего масла – 8200 руб., скотского масла – 3500 руб., скотских сырых кож – 10 тыс. руб., овечьей шерсти – 1200 руб.³⁹⁷

Земледелие являлось одним из видов хозяйственной деятельности баргузинских бурят. Хлебопашество в ведомстве производилось в ограниченном количестве из-за отсутствия плодородных земель. Хлеб продавали в г. Баргузине, часть – на золотые промыслы. Цена провоза 1 пуда хлеба сухопутным путем составляла 50 коп. на 100 верст³⁹⁸.

6. Тункинская степная дума. Тункинское инородческое ведомство было расположено от южной оконечности Байкала по долине р. Иркут, с севера граничило с Аларским ведомством Балаганского округа, отделяясь от него Саянским хребтом, с юга – с Монголией³⁹⁹.

По сведениям священника И. Чистохина, первоначально край заселили инородцы Хойготского и Челдарского родов, которые управлялись своими тайшами и шуленгами. В 1790 г.

³⁹¹ Там же. Д. 2858. Л. 56.

³⁹² Там же. Д. 1422. Л. 8.

³⁹³ Там же. Д. 221. Л. 26.

³⁹⁴ Там же. Д. 1214. Л. 41 об.

³⁹⁵ Там же. Д. 2178. Л. 70 об.

³⁹⁶ Там же. Д. 1568. Л. 34об–35.

³⁹⁷ Там же. Д. 2178. Л. 40 об.

³⁹⁸ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1568. Л. 34 об.

³⁹⁹ ГАРБ. Ф. 171. Оп. 1. Д. 157. Л. 1.

в Торской степи была учреждена Торская степная контора, председателем которой был избран главный тайша Хангай Васильев. У него был брат Хамак, у которого впоследствии родился сын Зангей, ставший позже главным тайшой. В 1857 г. он вместе с женой, сыном, невесткой и другими родоначальниками принял крещение в Иркутском кафедральном соборе, за что был пожалован орденом Владимира 4-й степени и кафтаном, расшитым золотом по воротнику и рукавам⁴⁰⁰.

Тункинская степная дума располагалась в Торском улусе, состояла «из главного тайши, помощника главного тайши, двух заседателей, письмоводителя»⁴⁰¹. В состав думы входили 14 родов: Тыртыевский, 1-й и 2-й Куркутский, 1, 2, 3, 4-й Хонгдорговский, 1-й, 2-й Хойготский, 1-й, 2-й Челдарский, Шемоловский, Бодорхонский и Иркутский⁴⁰², всего насчитывалось 11 373 жителя.

В Тункинском ведомстве было учреждено 5 экономических магазинов: Торский, Бухэгорохонский, Койморский, Кыренский, Хорликовский. Буряты, проживавшие по долине р. Иркуты до Кондинского караула, занимались земледелием и огородничеством. Далее «в западном направлении по караулам Кондинскому, Окинскому и Нарин-Хоройскому по скудности почвы и неблагоприятным климатическим условиям» земледелием не занимались⁴⁰³.

7. *Верхоленская степная дума.* Верхоленская степная дума была образована в конце 1824 г. на месте Верхоленской степной конторы и размещалась в улусе Тотском. На момент образования думы в нее входило 10 родов: 2 Абызаевских, Баяндаевский, Ользоновский, 3 Буровских, Хенхедурский, 2 Чернорудских рода⁴⁰⁴ с населением более 16 тыс. чел. В 1830 г. буряты пяти родов выступили с прошением об отделении от Верхоленской степной думы на основании отдаленности от думы и об образовании отдельной Ленской думы⁴⁰⁵. По данным архивных документов, в 1836 г. буряты Хенхедурского,

⁴⁰⁰ ИЕВ. 1 дек. 1898. № 23. С. 645–648.

⁴⁰¹ ГАРБ. Ф. 171. Оп. 1. Д. 48. Л. 106, 2 об.

⁴⁰² Там же. Д. 29. Л. 1106–14.

⁴⁰³ ГАРБ. Ф. 171. Оп. 1. Д. 157. Л. 2.

⁴⁰⁴ ГАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2. Л. 31.

⁴⁰⁵ Там же. Д. 74. Л. 47–48 об.

2-го, 4-го, 5-го Чернорудских, 2-го, 3-го Буровских родов с населением около 9 тыс. чел. отделились от Верхоленской думы и образовали отдельную Ленскую инородную управу. Таким образом, Верхоленское ведомство было разделено на Верхоленскую степную думу и Ленскую инородную управу.

Основными занятиями населения были скотоводство и земледелие, подсобными – охота, рыболовство и другие промыслы. Количество скота постоянно увеличивалось, несмотря на различные эпидемии. Если в 1849 г. насчитывалось около 40 тыс. голов скота, то в 1880 г. – более 60 тыс. голов. Увеличению скота способствовали благоприятные условия: успешное развитие земледелия, благоприятные климатические и географические факторы.

Земледелие получает определенное развитие в течение XIX в. Здесь засевали рожь, ярицу, пшеницу, ячмень, овес и получали достаточно хороший урожай. Так, в 1839 г. было засеяно 3603 десятины и уродилось озимого хлеба 56 210 пудов, ярового – 24 120 пудов, всего – 80 331 пуд⁴⁰⁶. Хлеб преимущественно использовался для собственного потребления, также сдавался в экономические магазины, продавался на Елизаветинский винокуренный завод.

Во главе думы стояли главный тайша, помощник тайши, два заседателя. Тайшами ведомства были: Александр Ертогаров (1824–1830), Бутухан Кунгеев (1830–1840), Матвей Бутуханов (1840–1862), Александр Номогоев (1862–1863), Бабай Архоков (1864–1878), Степан Александров (1878–1881).

8. Ольхонская степная дума. Ольхонская степная дума была образована в конце 1824 г. на месте Ольхонской братской степной конторы и объединяла первоначально 5 родов: 1-й, 2-й, 3-й Чернорудский, 1-й, 2-й Абызаевский роды⁴⁰⁷. В 1837 г. был учрежден 5-й Чернорудский род из 1-го Чернорудского рода, в 1839 г. 4-й и 6-й Чернорудский род из 1-го Чернорудского рода, в 1847 г. Хенхедурский род из 2-го Абызаевского рода⁴⁰⁸. Таким образом, к 1847 г. было 9 родов: 1-й и 2-й Абзаевский, 1, 2, 3, 4, 5, 6-й Чернорудский и Хенхедурский.

⁴⁰⁶ ГАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 311. Л. 153–153 об.

⁴⁰⁷ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

⁴⁰⁸ Там же. Д. 738. Л. 62–63.

Алагуевская инородная управа в улусе Бугульдейка до 1917 г. относилась к Капсальскому уезду Иркутской губернии. Косостепский участок с селениями Косая Степь, Куреть относился к Манзурской волости Верхоленинского округа Иркутской губернии.

В 1836 г. дума размещалась в Кутульском стойбище⁴⁰⁹. В 1858 г. – в улусе Тутаевском⁴¹⁰, в 1885 г. – снова в улусе Кутульском.

В 1872 г. было образовано 4 родовых управления⁴¹¹: Сарминское родовое управление из 1-го Чернорудского и Хенхедурского родов; Еланцинское родовое управление из 2, 3, 3, 4, 5-го Чернорудских родов, Тыргинской деревни и выселка Унгуринский; Семисосенское родовое управление из 1-го, 2-го Абызаевских родов; 6-е Чернорудское родовое управление из 6-го Чернорудского рода.

Скотоводство было основным занятием населения ведомства. Разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз, свиней. Шерсть ольхонские буряты продавали Иркутской суконной фабрике. Так, в 1833 г. продали 700 пудов шерсти на 6370 руб.⁴¹² Был заключен контракт степной думой с Тельминской казенной фабрикой на поставку овечьей шерсти до 450 пудов и более; 1 пуд продавался по цене 2 руб. 20 коп. серебром⁴¹³.

Земледелие было развито очень слабо из-за отсутствия удобных земель. В 1829 г. в рапорте Ольхонской степной думы отмечается, что хлебопашество производится в незначительных размерах из-за песчаной и гористой местности⁴¹⁴.

Промышленное производство также было развито слабо. В 1863 г. был построен стеклоплавильный завод «Николаевский» вблизи Тыргинской деревни, в 1864 г. открылся мыловаренный завод в Тыргинском селении. Оба завода принадлежали оседлому буряту М. Х. Рыкову, при этом мыловаренный размещался в доме самого хозяина. 2 июля 1882 г. произошел пожар в Тыргинской деревне, во время которого сгорел дегтярно-смоляной завод Н. М. Рыкова (бывший стекло-

⁴⁰⁹ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 26. Л. 26–26 об.

⁴¹⁰ Там же. Д. 400. Л. 51.

⁴¹¹ Там же. Д. 602.

⁴¹² Там же. Д. 19. Л. 7.

⁴¹³ Там же. Д. 336. Л. 2–2 об.

⁴¹⁴ Там же. Д. 5. Л. 164–167.

плавильный завод). В 1884 г. в отчете отмечается, что заводов и фабрик в ведомстве нет.

Рыболовство являлось одним из важных занятий ольхонских бурят, хотя оно и не приносило больших доходов. В донесении Ольхонской степной думы Иркутскому земскому суду отмечается: «Рыба ловится в Байкале – омули, окуни, сиги, хариусы, щуки, налимы, осетры». Для рыбной ловли организовывались артели по 8–15 чел., в том числе обязательно подростки, под руководством башлыка – старосты. Все члены артели при разделе рыбы получали одинаковый пай.

Дума состояла из главного родоначальника – тайши, помощника, двух заседателей, письмоводителя. В 1858–1862 гг. существовала должность второго тайши, в 1872 г. была введена должность 3-го заседателя⁴¹⁵. В состав думы также входил один представитель от крещеных бурят.

Тайши Ольхонской степной думы в разные годы: Баин Банаев (1821–1835), Суван Баинов (1836–1849), Иннокентий Муравьев (1850–1859), Хонгор Якшеев (1860–1872), и. д. Башин Имеев (1872–1873), Дырхей Хахин (1873–1874), и. д. Александр Баронов (1876–1878) (до крещения Халюев Аллюбаты, умер 14.03.1878), Дырхун Тахаев (Тахоев, Тохоев) (1880–1882), Григорий Муравьев (1882–1885), Болхон Борькин (1885–1887), Григорий Муравьев (1888–1890).

9. Аларская степная дума. Аларская дума была образована в 1824 г.⁴¹⁶ и состояла из 10 родовых управлений, представлявших 8 Хонходоровских родов, 9-й Шаранутский род и род Малобельских тунгусов⁴¹⁷. В 1853 г. из Идинского ведомства в Аларское был перечислен 3-й Халтубаевский (Халтубаев) род, таким образом в Аларском ведомстве стало 11 родовых управлений⁴¹⁸. Число душ в Аларском инородческом ведомстве по 9-й народной переписи мужского пола составляли: потомственных почетных граждан – 37, оседлых инородцев – 217, кочующих – 5072 и тунгусов – 30, всего – 5356 душ⁴¹⁹.

⁴¹⁵ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 840. Л. 95.

⁴¹⁶ ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3391. Л. 53.

⁴¹⁷ ГАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 85. Л. 15.

⁴¹⁸ Там же. Д. 155. Л. 1 об.

⁴¹⁹ Там же. Д. 182. Л. 42–47.

Административный центр Аларской степной думы находился в с. Кутулик Иркутского округа, на расстоянии 168 верст от г. Иркутска, от Московского тракта, т.е. от с. Черемховского, – в 40 верстах.

Население ведомства занималось скотоводством, земледелием, охотой. Всего в ведомстве на 1854 г. имелось 45 430 голов домашнего скота. Средняя стоимость скота составляла: лошади – от 10 до 50 руб., коровы – от 5 до 15 руб., быка – от 5 до 20 руб., овцы – от 1 до 2 руб., козы – от 0,40 до 1,5 руб. Аларские буряты занимались земледелием на открытых и распаханных прежде полях, также промышляли рыболовством. Охотились с ружьями на гусей, уток, глухарей, тетеревов, рябчиков, а также на зверя – медведей, лисиц, белок, соболей. Меха и шкуры шли на продажу. Так, медвежья шкура стоила от 2 до 5 руб., соболя – от 3 до 10 руб., лисицы – от 1 до 3 руб., волка – от 1 до 2 руб., белки – от 5 до 10 коп.

Продукты питания и товары, произведенные инородцами Аларского ведомства, чаще всего реализовывались в г. Иркутске, на Иркутском солеваренном и Александровском винокуренном заводах и Тельминской фабрике. Закупочные цены: кожи сырые конские – от 0,70 до 1,5 руб., скотские – от 0,60 до 1,5 руб., овечьи – от 0,30 до 1 руб.; сало – от 2 до 3 руб.; масло – от 4 до 6 руб.; хлеб – от 0,40 до 0,48 руб.

Местное управление в Аларском ведомстве состояло из степной думы, которой заведовали тайша, его помощник и три его заседателя. Первые два наследственно, а последние ежегодно избирались из числа почетных родоначальников или родовичей на сугланах по мирским приговорам. Местное управление по улусам представляли родовые старосты, их помощники и старшины, которые «письменных дел не имеют, а все больше исполняют словесно»⁴²⁰.

10. Балаганская степная дума. Балаганская степная дума объединяла бурят 19 родов (табл. 14 прил.). По ведомству числилось 25 экономических магазинов⁴²¹.

11. Кудинская степная дума. Кудинская степная дума была учреждена в 1824 г. В состав думы первоначально вхо-

⁴²⁰ ГАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 189. Л. 16 об.

⁴²¹ ГАРБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 276. Л. 149.

дило 17 родовых управлений: 1, 2, 3, 4-й Абаганатские, 1, 2, 3, 4-й Харанутские, 1, 2, 3, 4-й Бабаевские, 1-й, 2-й Шаралдаевские, Курумчинское и 1-й, 2-й Ашехабатские, 1-й, 2-й, 3-й Буяновские и Алагуевское. После отделения 2 Буяновских и Алагуевского родов в Капсальскую инородную управу в 1839 г. в ведомстве стало 14 родовых управлений.

В 1852 г. Кудинское ведомство населяли 12 509 «природных бурят», 157 оседлых бурят, 143 бродячих тунгусов, всего – 12 809 жителей. Из них православную веру исповедовали 424 чел., к иноверцам относились остальные 12 385⁴²².

В 1886 г. в ведомстве проживало 11 736 жителей, из них 1047 православного вероисповедания⁴²³. Население занималось земледелием, полностью обеспечивая себя хлебом, а излишки продавались в г. Иркутск; скотоводством, в незначительной степени рыболовством и охотой. Тайшами думы были в разные годы: Абахан Шеноев, Алтай Абаханеев, Хантай Ханхаев, Михайло Бунаев и др.

12. Идинская степная дума. В связи с пожаром, случившимся в середине XIX в. в здании степной думы, весь архив думы был уничтожен, поэтому имеются незначительные косвенные данные о деятельности думы. В сведениях Иркутского отделения духовной миссии за 1867 г. отмечается, что Идинское инородческое ведомство является самым многочисленным, в нем числится около 25 тыс. душ, в том числе 4630 крещеных⁴²⁴. Согласно отчетам Иркутской духовной миссии за 1874 г., численность населения Боханского ведомства составляла 24 643 души обоего пола, из них православных было более 4 тыс. чел.⁴²⁵ В 1882 г. в Боханской степной думе числилось 10 родовых управлений, в которые входили 29 родов.

Самым известным родоначальником Идинского ведомства был Илья Пирожков, главный тайша в 1857–1877 гг. В 1867 г. за активную работу по крещению бурят своего ведомства он был награжден орденом св. Владимира 4-й степени⁴²⁶.

⁴²² ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 543. Л. 22, 35 об.

⁴²³ ГАРБ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 15. Л. 13–14.

⁴²⁴ ИЕВ. Прибавления. 1867. 3 июня (№ 22). С. 273–274.

⁴²⁵ ИЕВ. Прибавления. 1875. 10 мая (№ 19). С. 274.

⁴²⁶ ИЕВ. 1867. 8 июля (№ 27). С. 163.

По свидетельству миссионера Боханского стана Н. Попова, в 1884–1886 гг. в Идинском ведомстве происходили беспорядки в инородческом управлении, которые разделили инородцев на враждебные партии. В 1887 г. Идинское ведомство было разделено на 5 инородных управ.

Закаменская инородная управа состояла из бурят 12 родов, и, по данным переписи 1897 г., в ней проживали 8831 житель (4366 мужчин и 4465 женщин), а также 1225 бурятских казаков, причислявшихся к Троицкосавскому округу. Из 8831 хонгодора было 830 мужчин и 944 женщины, тэртэ – соответственно 705 и 774, хойхо – 1649 мужчин и 1644 женщин. Нойхо разделялись на территориально-административные роды – 1-й и 2-й Бульбуев род, хурхут, хонгодор и тэртэ также имели роды – 1-й и 2-й.

Согласно запискам цакирского миссионера Н. Шастина, в долине р. Джиды «разбросано несколько тысяч юрт закаменских бурят и армакских тунгусов 7753 душ обоего пола. Закаменские буряты ютятся в падах собственно Джиды и ее мелких притоков». По его мнению, закаменский бурят – это «скотовод-зверопромышленник, чуждый чужих обычаев, не знающий ни слова по-русски, притом крайне бедный и неряшливый»⁴²⁷.

К концу XIX в. большинство улусов представляло собой территориальную общину – булук. У закаменских и селенгинских бурят булуком называется часть населения, проживающего в определенной местности (пади, долине), причем жители этой местности нередко входили в состав особой покосной или вообще земельной общины (называемой здесь десятком – арбан) совместно с жителями других подобных булуков. Деление по населенным пунктам – хотонам и улусам – было невозможно из-за их большой подвижности, поэтому в основу деления населения и был положен булук – участок территории⁴²⁸. По сведениям, опубликованным в 1898 г., расселение родов по булукам было следующим:

⁴²⁷ Шастин Н. Миссионерский отчет по Цакирскому стану за 1885–1889 гг. // ИЕВ. Прибавления. 26 янв. 1891. С. 3–4.

⁴²⁸ Галданова Г. Р. Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки (вторая половина XIX – первая половина XX в.). Новосибирск, 1992. С. 25–26.

Булуки: Улекчин – хойһо 1-й и 2-й, бульбэ; Бургалтай – хойһо 1-й и 2-й, хонгодор 2-й; Хуртага – хойһо 1-й и 2-й; Бургуй – хойһо 1-й и 2-й; Улентуй – хурхут 1-й, тэртэ 1-й и 2-й; Модон-хул – хурхут 1-й, тэртэ 1-й и 2-й; Шара-азарга – хонгодор 1-й и 2-й; Цакир – хурхут 1-й; Санага – хонгодор 1-й, шошолок, Ключевской; Бортой – хурхут 1-й, тэртэ 1-й; Хамней – хойһо 1-й и 2-й, бульбэ, тэртэ 1-й⁴²⁹. Последними головами управы были Д. Бальжитов из Тамчи, Морин Базаров из Ехэ-Цакира⁴³⁰.

Армакская инородная управа. Кочевое население управы было распределено по булукам: булук Саган-нуга – 11 хозяйств, Дархинтуй – 5, Сангинтуй – 12, Хара-хужир – 23, Хамней – 18, Мэлэйский – 44, Баинхорский – 24, Снежинский – 13, Илькейский – 11, Сагаагшанский – 13, Сагаагшанский 2 – 15, Дархинтуевский – 43 хозяйства. В 1886 г. в состав управы входили 4 рода с жителями: Заектаевский – 278 душ, Цингиндинский – 364, 1-й Тыртеевский – 594, 2-й Тыртеевский – 124. Всего 1260 душ⁴³¹. В Армакское ведомство входили также тунгусы, которые были переселены из Тунки в конце XVII в. для охраны Джидинского караула по р. Армак⁴³².

Кудинско-Капсальская инородная управа была образована в 1839 г., когда буряты 2 Буяновских и Алагуевского родов отчислились из Кудинской степной думы и выделились в отдельную управу. В ноябре 1837 г. 15 улусных старшин и почетные родовичи трех Буяновских и Алагуевского родов приняли общественный приговор по ходатайству об учреждении у них инородной управы перед вышестоящим начальством. Причиной отделения они называли отдаленность их Капсальского улуса от Усть-Ординской станции, где размещалась степная дума, что приводило к трудностям при судопроизводстве, дополнительным расходам на поездки за увольнительными билетами, за регистрацией заявлений и т. д.⁴³³

Указом Иркутского губернского правления от 27 января 1839 г. № 296 бурятам трех Буяновских и Алагуевского родов

⁴²⁹ Материалы Комиссии Куломзина для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. СПб., 1898. Вып. 6. С. 104.

⁴³⁰ Доржиев Б. Ш. Закамна : ист. очерк. Улан-Удэ, 1993. С. 28.

⁴³¹ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2172. Л. 175–180.

⁴³² Галданова Г. Р. Указ. соч. С. 25–26.

⁴³³ ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 180. Л. 19–26.

было разрешено учредить Капсальскую инородную управу с «зависимостью от Кудинской степной думы» по причине дальности расстояния между центром думы и Капсальским селением. Головой управы стал Шистуй Маханов, выборным – Мойгу Малахаев⁴³⁴.

Китойская инородная управа состояла из бурят Чечеловского и Куркутского родов. Здание управы находилось в с. Архиерейске. В ведомстве числилось 438 платежных душ, 218 домохозяев⁴³⁵.

Ленская инородная управа образована в 1836 г. из Верхоленского ведомства из бурят Хенхедурского, 2-го, 4-го, 5-го Чернорудских, 2-го, 3-го Буровских родов. В 1828 г. из состава Верхоленского ведомства отделилась Ленская инородная управа в составе 5 родов: 2-го и 3-го Буровских, 2-го и 4-го Чернорудских и Хэнгэлдэровского рода с населением в 8235 чел. Это примерно 50 % бурятского населения всего ведомства⁴³⁶. В разное время должности головы занимали Куреган Убугунов (1840–1848), Банай Куреганов (1860–1868), Махос Илькин (1875–1878) и др.⁴³⁷

Тункинская инородная управа была образована в 1844 г. из ясачно-крещеных бурят Тыртеевского, 2 Куркутских, 4 Хонгодорских родов, 2 Хойгодских, 2 Чечелдарских, Шешеловского, Иркутского и Бодорхонского родов. В 1847 г. насчитывалось 1952 жителя, в том числе 1057 мужского пола, 895 – женского пола. В управе было 8 селений, 245 частных деревянных домов, 349 деревянных юрт, 5 экономических магазинов, 6 мельниц, 8 кузниц, 1 общественное здание, 1 деревянная часовня⁴³⁸. Головой управы в разные годы избирались Павел Пороушенов (Пятницкий), Андреев, Федор Кобелев.

В середине XIX в. происходит изменение политики Российского государства в отношении Сибири и сибирских народов, на которую в значительной мере повлияло поражение России на западном и ближневосточном направлениях. Ускоренная модернизация страны, обострение польского вопроса,

⁴³⁴ ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 181. Л. 11–15.

⁴³⁵ ГАИО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 33. Л. 1об, 8.

⁴³⁶ ГАРБ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 2. Л. 20.

⁴³⁷ Дырхеев П. С. Очерки истории верхоленских бурят. Улан-Удэ, 2005. С. 62.

⁴³⁸ ГАРБ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 27. Л. 3, 3об, 6, 6 об.

а также давление национальной идеологии привели к деформации традиционной имперской политики и обострению национальных и региональных противоречий, когда происходит мощная активизация политики Российского государства на Дальнем Востоке и в Центральной Азии, меняется ее идеологическое обеспечение⁴³⁹. Значимым фактором, повлиявшим на смену политики правительства, становится неудачный исход для России в Крымской войне, который поднял вопрос о поисках дополнительных источников пополнения государственной казны. В этих условиях самодержавие вновь обратилось к Сибири.

Важным направлением политики Российского государства становится присоединение к России р. Амура и всех восточных территорий с выходом к Тихому океану, при этом планировалось присоединить эту огромную территорию мирным путем. Для осуществления этой задачи необходим был плацдарм – Забайкальская область и силы – Забайкальское казачье войско. В результате титанических усилий генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева в 1851 г. была образована Забайкальская область⁴⁴⁰, в состав которой вошли 5 бурятских ведомств: Агинская, Баргузинская, Кударинская, Селенгинская и Хоринская степные думы.

Если в первой половине XIX в. Российское государство смотрело на Сибирь как на источник налогового поступления в казну и стремилось к многовариантности систем управления, высокой степени этноконфессиональной толерантности и прагматизму с учетом местных особенностей, то в 1850–1860-х гг. становится важным не только экономическое освоение Сибири, но и заселение ее однородным и единоверным с Россией населением. Идеологическое обоснование дальневосточной политики включило в себя наряду с традиционными утверждениями об освоении новых земель, выполнении православной христианской миссии идеи колониальной политики, национальных интересов, стремление нести европейскую цивилизацию азиатам и т. д. Появляются

⁴³⁹ Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти – начала XX в. Омск, 2004. С. 41.

⁴⁴⁰ ПСЗ-2. Т. 26. Отд. 1. Ст. 25394.

идеи коренной реформы управления инородцами на русификаторских началах и системы их налогообложения.

Формальным поводом для реформирования системы налогообложения и местного самоуправления стали многочисленные нарушения, допущенные инородческими обществами при сборе податей и отбывании повинностей, при разборе судебных следственных дел, выборе должностных лиц и т. д.

В 1850–1860 гг. вопрос о реформе управления сибирскими аборигенами неоднократно обсуждается в правительственных кругах и среди местного чиновничества. Национальная программа царизма предусматривала подчинение оседлых инородцев общим крестьянским учреждениям и установлениям. В отношении кочевых и бродячих коренных жителей предлагалось изыскать средства для привлечения их к оседлости и ограждению от разных притеснений⁴⁴¹. Были предложены разные проекты, которые так и не были осуществлены на тот период.

В 1847 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев высказался в пользу распространения на коренных жителей края действия общих законов. Он предложил рассмотреть этот вопрос в губернских советах, и 9–11 февраля 1853 г. в Иркутском губернском совете предметом обсуждения стало подчинение инородцев общим законам. Для достижения этой цели предлагалось начать с создания отдельных инородческих волостей с оседлым населением. Так называемые образцовые инородческие волости для управления оседлыми аборигенами получили распространение в Западной Сибири: к концу 1850-х гг. в Тобольской губернии было образовано 28 образцовых волостей, в Томской губернии – 15⁴⁴².

В 1858 г. на Совете ГУВС вновь поднимается тема о даровании инородцам льгот от повинности для привлечения их к оседлости; о распространении на них общих законов империи; о введении между ними образования и гражданственности.

Осуществление проекта о подчинении инородцев общим законам империи предполагалось начать с Кударинского ведомства, так как считалось, что кударинские буряты живут

⁴⁴¹ Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма ... С. 54.

⁴⁴² Там же. С. 57.

оседло, занимаются хлебопашеством. Однако в 1862 г. кударинские буряты приняли общественный приговор о своем нежелании перейти к оседлому образу жизни: «... Желаем в настоящее время продолжать жизнь свою по прежнему порядку, т. е. кочевать с места на место и пользоваться угодьями на том самом порядке как прежде и ныне», об этом же свидетельствует рапорт главного тайши Кударинской степной думы З. Хамаганова⁴⁴³. Такой же ответ о решительном отказе баргузинских бурят от перехода к оседлой жизни дал главный тайша Баргузинской степной думы С. Хамнаев⁴⁴⁴.

По вопросу о распространении образования и гражданственности планировалось учредить школы во всех инородческих ведомствах, хотя были предложения учредить одно общее училище, как у калмыков. Важным было предложение уничтожить право наследования должностей родоначальников, избирать на должности родоначальников людей не только достойных, но и знающих русский язык⁴⁴⁵.

Журнал Совета ГУВС не был подписан и утвержден, кроме вопросов о мерах к привлечению к оседлости и введения между ними образования. Генерал-губернатор Н. Н. Муравьев обратился в Министерство государственных имуществ с этими предложениями, однако министерство не нашло необходимости во введении этих мер.

В 1872 г. на Совете Главного управления Восточной Сибири обсуждался вопрос о сравнении налогового обложения инородческого населения Восточной Сибири с налоговым обложением русского крестьянского населения как одно из направлений в попытке унификации системы управления инородческим населением Сибири. По сведениям, поданным членами Совета Большаковым и Полонским, размер ясака и всех прочих сборов с инородцев по Иркутской губернии составлял от 2 руб. 35 коп. до 3 руб. 56 коп., в Енисейской губернии – от 1 руб. 21,5 коп. до 1 руб. 59 коп., в Забайкальской области – от 1 руб. 65 коп. до 3 руб. 46 коп. с каждой души. В то же время

⁴⁴³ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 207. Л. 11–12, 14–15.

⁴⁴⁴ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1054. Л. 12–13.

⁴⁴⁵ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 2034. Д. 93. Л. 185–187.

крестьяне платили сборы от 4 руб. 87 коп. до 6 руб. 30 коп. в год с каждой души, почти вдвое больше против инородцев⁴⁴⁶.

Между тем, по мнению Большакова и Полонского, «инородцы в значительной массе занимаются хлебопашеством также как и крестьяне, имеют в большей части более земли и скотоводства и в равной степени могут пользоваться всеми местными промыслами. Вообще состояние сказанных инородцев никак не ниже состояния крестьян. Поэтому, а равно принимая во внимание, что инородцы не относят самой тяжелой повинности рекрутской, что при таком привилегированном положении их, которое в настоящее время ничем не может быть оправдано, они неохотно приходят к оседлой жизни и избегают обращения в христианскую веру, было бы полезно и справедливо сравнить их к платежу податей и повинностей с крестьянами»⁴⁴⁷. Согласно статистическим данным, приведенным ими, по последней ревизии насчитывалось до 130 тыс. ревизских душ, из них платят ясак до 60 900 рабочих душ. В случае обложения их ясаком сравнительно с крестьянами сумма должна была бы увеличиться до 300 тыс. руб. ежегодно.

На основании предоставленных сведений Совет Главного управления Восточной Сибири пришел к заключению о необходимости ходатайства перед Кабинетом об утверждении в законодательном порядке предложения о сравнении по платежу податей с крестьянами тех из кочевых инородцев Иркутской и Енисейской губерний и Забайкальской области, экономическое состояние которых не ниже крестьян⁴⁴⁸. Этот проект также не был претворен в жизнь.

Иркутским губернским управлением и Забайкальским областным правлением неоднократно предпринимались попытки учредить недостающую ступень в инородческом управлении – инородные управы. Опыт управления в инородческих ведомствах показал, что отсутствие инородных управ, их подмена степными думами в системе органов местного самоуправления негативно повлияли на развитие бурятских ведомств.

⁴⁴⁶ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3671. Л. 2–2 об.

⁴⁴⁷ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3671. Л. 2об–3.

⁴⁴⁸ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3671. Л. 13–13 об.

Во-первых, инородная управа, в отличие от степной думы, имеющей только хозяйственные функции, обладала всей полнотой власти на подведомственных ей территориях. Инородная управа, являясь судом второй ступени словесной расправы, была фактически высшей ступенью инородческой судебной власти. В тех ведомствах, где не было инородных управ, была только первая ступень инородческого суда – суд родового управления. В случае немирного исхода дел буряты были вынуждены обращаться в полицейские управления, являвшиеся для них высшей ступенью суда, что представляло для них большие трудности, связанные с незнанием русского языка, грамоты, с необходимостью найма переводчиков, письмоводителей и т. д.

Во-вторых, введенная по закону выборность должностных лиц в инородных управах развивала общественную активность в бурятском обществе, способствуя росту политической культуры бурят. Система же «родовое управление – степная дума», исключавшая инородные управы, приводила к сосредоточению огромной власти у степных дум и главных тайшей, что служило источником многочисленных злоупотреблений и борьбы за власть между тайшинскими династиями. Принцип наследственной передачи власти не позволял выдвигаться на руководящие должности умным и способным людям.

Так, еще в 1838 г. общественным приговором Селенгинское бурятское общество отказалось от учреждения инородных управ по причине того, что «в каждой инородной управе необходимо нужны будут по одному русскому писарю, каких не только для оных приискать надежды не полагается, но и для степной думы способных желающих совершенно не находится, в чем встречаем затруднение; поелику есть ли установить положенные инородные управы и при оных иметь русских писарей, то на содержание оных с канцелярскими припасами и прочими для инородцев будет служить с немалым отягощением и составлять будут значительные ежегодные издержки»⁴⁴⁹.

В середине XIX в. был вновь поднят вопрос об учреждении инородных управ в ведомствах, где они отсутствовали. С

⁴⁴⁹ ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1625. Л. 9–10.

целью облегчения судопроизводства, улучшения административной системы в бурятских ведомствах предпринимались самостоятельные инициативы учреждения инородных управ, как, например, в Баргузинском ведомстве в 1860 и 1867 гг.

В связи с этим необходимо отметить проект князя Э. Э. Ухтомского об упразднении Баргузинской степной думы, должности главного тайши и учреждении на месте думы двух инородных управ с должностями головы и выборных. Этот проект он разработал в период, когда исполнял должность баргузинского окружного исправника. Видимо, появление проекта упразднения степной думы и должности главного тайши было связано с многолетней борьбой за власть между братьями Хамнаевыми.

В 1872 г. появился еще один проект военного губернатора Забайкальской области Н. П. Дитмара об учреждении особой инородной управы для инородцев, недовольных управлением С. Хамнаева. Однако баргузинские буряты не пожелали учредить еще одну инородную управу: «Из нас нет желающих и имеющих надобность выделиться в особую инородную управу согласно предложению бывшего военного губернатора Забайкальской области, изложенного в предписании от 25 октября 1872 г. за № 1672-м, так как недовольных родом Хамнаева (бывшего нашего тайши) в обществе нашем никого нет, да и самое предложение об отделении инородцев в особую управу в то время, вероятно, было основано по возникаемым тогда от некоторых инородцев ложным жалобам на тайшу Хамнаева и которые инородцы ныне все почти перечислены в Урульгинское ведомство»⁴⁵⁰.

Следующий проект изменения инородческого управления связан с «идеей» Общего присутствия Забайкальского областного правления об улучшении управления инородцев. 13 ноября 1873 г. на его заседании рассматривалось состояние управления инородцев Забайкальской области. В частности, отмечалось, что степные думы вместо общественного собрания, созываемого для разного рода дел, превратились в присутственные места, захватывающие в свои руки все без исключения отрасли инородческого управления. Далее гово-

⁴⁵⁰ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1744. Л. 8–14.

рилось о том, что степные думы обезличивают инородные управы, создавая тем самым своим членам преобладающую роль, которой в силу закона они и не должны были иметь. Сугланы превратились в сборище богатого «меньшинства», которое решало все инородческие вопросы.

Поводом для обсуждения вопроса стало донесение верхнеудинского окружного исправника полковника Поротова от 22 июля 1873 г., и. д. военного губернатора Забайкальской области, в котором он отмечает: «Самоуправление, дарованное законом кочующим сибирским инородцам (том II, часть II), бурятами Хоринского ведомства не исполняются в самых существенных началах, указанных для блага их. Нарушение закона повлекло к злоупотреблениям власти родоначальниками их, к деланию громадных сборов денег с инородцев, не утвержденных высшим правительством и полнейшему давлению бедного класса до того, что буряты в настоящее время составляют два отдельных класса людей: один из них – родоначальники и богатые почетные инородцы с ламайским влиянием, а другой класс, громадное большинство рабов (приблизительно $19/20$ всего населения)»⁴⁵¹.

Далее он пишет, что «на исправление дорог и мостов в настоящем 1873 г. также собраны весьма значительные суммы в разном количестве по инородным управам с души от 2 до 3 р. На выполнение объясненных сборов зайсаны и их помощники, если у буряты нет денег, отбирают скот и другие вещи, нередко с употреблением даже насилия по собственной своей оценке, а если нет у бурят скота или других вещей, тогда за бедняка платит богатый, а бедняк остается в работниках у него за самую ничтожную годовую плату и так как сборы производятся ежегодно, то он остается в безвыходной кабале»⁴⁵².

Подобное положение бурятского населения, достойного всякого уважения по своим нравственным началам, по мнению верхнеудинского окружного исправника, создалось вследствие невыполнения инородными управами функций, положенных по закону.

⁴⁵¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 2034. Д. 93. Л. 1–1 об.

⁴⁵² Там же. Л. 2.

В связи с этим он предлагает: 1) созывать сугланы при инородных управах, а не при степной думе; 2) воспретить выбор ближайших родственников на любые инородческие должности; 3) в инородных управах должны быть книги для регистрации жалоб инородцев на монгольском и русском языках, копии с которых должны отправляться исправнику или полицейскому управлению; 4) построить 5 зданий для инородных управ (2 – по тракту Чита – Верхнеудинск, 1 – по р. Кудун, 1 – в Тугнуйской степи, 1 – по р. Хилок); 5) усилить контроль со стороны степных дум за сборами денег⁴⁵³.

Общее присутствие Забайкальского областного правления своим заключением предложило верхнеудинскому, селенгинскому и баргузинскому окружным исправникам принять к сведению то, что касается улучшения деятельности степных дум, инородных управ и родовых управлений. Например, наладить делопроизводство в инородных управах и родовых управлениях, назначить монгольских писарей в родовые управления, утвердить штатную должность монгольского писаря и переводчика в Баргузинском полицейском управлении и т. д.

В ответ на заключение Общего присутствия Забайкальского областного правления генерал-губернатор Восточной Сибири П. А. Фредерикс 25 июня 1874 г. пишет военному губернатору Забайкальской области И. К. Педашенко, что прежде всего областное начальство обязано принимать меры по устранению беспорядков в инородческих ведомствах и не видит оснований во введении новых штатных единиц монгольских писарей⁴⁵⁴.

Идея сокращения инородных управ со строительством зданий для постоянного местопребывания в инородческих ведомствах получила отклик в Главном управлении Восточной Сибири. 20 июня 1874 г. председательствующий в Совете ГУВС направил губернаторам Енисейской и Иркутской губерний, военному губернатору Забайкальской области предписания, в которых предложил высказать свои мнения по данному вопросу.

⁴⁵³ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 2034. Д. 93. Л. 2–6.

⁴⁵⁴ Там же. Л. 260б–38.

22 июля 1875 г. Енисейское общее губернское правление отписывается, что не видит особой необходимости в изменении существующей системы инородческого управления. К этому времени в Енисейской губернии в Ачинском округе функционировали Кызыльская степная дума и Мелецкая отдельная инородная управа; в Минусинском округе – степная дума разнородных соединенных племен и Абаканская инородная управа⁴⁵⁵.

Якутский губернатор в своем рапорте от 11 января 1875 г. просит даже увеличить количество инородных управ и отмечает, что якуты по существу не являются кочевым народом, а живут оседло в своих наслегх и не покидают места своих стойбищ⁴⁵⁶.

Иркутский губернатор в донесении от 31 марта 1875 г. отмечает, что иркутские буряты живут почти оседло, и предлагает вообще упразднить степные думы и должность главного родоначальника⁴⁵⁷.

Военный губернатор Забайкальской области 8 ноября 1874 г. направил доклад об инородческом управлении по итогам ревизии делопроизводства, проведенной им в Хоринской степной думе. В ходе ревизии он выяснил, что Хоринская степная дума приняла на себя обязанности инородных управ, причинами чего являются: 1) кочевой образ жизни инородцев; 2) отсутствие постоянного места пребывания инородных управ и родовых управлений. Исходя из этого, военный губернатор предлагает запретить инородцам покидать места своих кочевий, уменьшить число инородных управ с установлением мест их постоянного пребывания⁴⁵⁸.

К докладу военного губернатора были приложены общественные приговоры селенгинских, хоринских, баргузинских бурят о сокращении инородных управ в их ведомствах. Селенгинские буряты своим приговором от 19 декабря 1874 г. представили следующий проект об образовании 7 инородных управ вместо 22 родовых управлений: Гильбиринской (2858

⁴⁵⁵ ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. 3 д-во. Д. 6. Л. 13–15.

⁴⁵⁶ Там же. Л. 205об–206.

⁴⁵⁷ Там же. Л. 206об–207.

⁴⁵⁸ Там же. Д. 6. Л. 1–2.

душ) – для 1-го Селенгинско-Харанутского, 1-го Чернорудского, Олзонова, Бумолготольского, Бабайхурамчиевского, Подгородного и 2-го Атагановского родов; Тамчинской (1623 души) – для Подгородного, 2-го Атаганова, 2-го Селенгинско-Харанутского, Бабайхурамчиевского, Хатагинова, Бумолготольского, Сартолова, Узенова родов со Стрелочным селением; Иройской (1276 душ); Нильцагайской (1510 душ); Гыгетуевской (16 430 душ); Большелугской (2001 душ); Кударинской (1397 душ)⁴⁵⁹.

Баргузинская степная дума предъявила общественный приговор от 10 сентября 1875 г. об образовании 2 инородных управ: Улюнской; Аргадинской⁴⁶⁰. Баргузинское общество высказалось против той части проекта, где говорилось об упразднении думы и должности тайши, мотивируя тем, что «степная дума есть единственное учреждение между инородцами, которое по закону обязано наблюдать хозяйственную часть в распространении земледелия и народной промышленности, что главное необходимо для нас, инородцев, вместе с тем, степная дума составляла общественные собрания подобно как городские думы на ее попечении по закону возлагается хозяйство в ограждении нужд инородцев на основании этого закона»⁴⁶¹.

Хоринские буряты направили свой приговор от 18 сентября 1875 г. о сокращении инородных управ с 14 до 5: Тугнуйской с населением в 5754 чел.; Кудунской – 5439 чел.; Удинской – 3677 чел.; Шакшинской – 1248 чел.; Еравнинской – 3345 чел.⁴⁶²

Агинские буряты, имевшие всего 6 инородных управ, решили, что им сокращать их ни к чему, так же поступили тунгусы Урульгинской степной думы, принявшие общественный приговор от 13 января 1876 г. об оставлении у них 6 инородных управ.

Окончательно вопрос об улучшении управления инородцев обсуждался на Забайкальском областном совете 3 февраля 1876 г., на котором было решено:

⁴⁵⁹ ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Дп. 3. Д. 6. Л. 18–21.

⁴⁶⁰ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1744. Л. 8–14.

⁴⁶¹ Там же. Д. 1744. Л. 8–14.

⁴⁶² ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 580. Л. 14–16.

1) строго следить за деятельностью степных дум, учрежденных по закону для забайкальских инородцев, сократить расходы на ее содержание, в частности на канцелярские расходы;

2) количество инородных управ определить согласно желаниям инородцев, равно и место пребывания и распределение инородцев;

3) определить особую инструкцию для ведения делопроизводства в инородных управах;

4) определить состав родовых управлений: староста, 2 помощника, избираемых обществом;

5) обязать инородческие ведомства определиться с родовыми управлениями;

6) обязать инородческие ведомства разделить земли по границам инородных управ;

7) крещеным инородцам дать право образовать отдельные родовые управления и дать право избирать выборных из своей среды в состав инородных управ⁴⁶³.

Таким образом, в 1873–1876 гг. обсуждается вопрос об улучшении управления инородцев, при этом начался сбор всех сведений об истории их управления. Основными приоритетами политики Главного управления Восточной Сибири в данный период стало вынесение предложений о сравнении платежей податей кочевых инородцев Иркутской и Енисейской губерний и Забайкальской области с платежами крестьян; усиление контроля за степными думами и родона начальниками; проработка вопроса об их будущем упразднении и учреждении инородных управ или же унификация местного самоуправления сибирских инородцев с крестьянскими.

В 1880-х гг. со стороны царской администрации была предпринята очередная попытка ликвидировать систему органов местного самоуправления бурят в Забайкальской области. Опубликованное в газете «Восточное обозрение» от 2 сентября 1879 г. сообщение со ссылкой на «Новое время» о предстоящем рассмотрении в Комитете министров проекта о подчинении инородцев Восточной Сибири, за исключением бродячих, общим действующим по империи законам вызвало большой резонанс в бурятских ведомствах.

⁴⁶³ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 2687. Д. Л. 208об–210.

Проект предусматривал слияние как оседлых, так и кочевых инородцев с государственными крестьянами, объединение их во всех правах и обязанностях, т. е. уравнивание с крестьянами в земельных наделах, так как дарованные инородцам в давнее время грамоты на владение большим количеством земли утратили всякое значение; распространение на инородцев обязанности платить взамен ясака все подати и отбывать все повинности наравне с крестьянами, не исключая и воинской, и подчинение инородцев как уголовным, так и гражданским законам. Предполагалось, что инородцы, окруженные русским населением, освоились с обычаями и общественным управлением крестьян и занимаются в равной, если не в большей, степени хлебопашеством.

Сторонники проекта считали, что уравнивание прав и обязанностей поднимет нравственное развитие инородцев, будет способствовать распространению между ними образования и вместе с тем увеличит доходы государства. Важной стороной проекта было упразднение степных дум и инородных управ с переименованием их в волостные правления и сельские общественные управления, а родовые управления, как составляющие принадлежность каждого отдельного рода инородцев, с подчинением общим законам империи должны были сами собой ликвидироваться⁴⁶⁴.

В связи с этим 8 декабря 1879 г. агинские буряты приняли общественный приговор, в котором, ссылаясь на кочевой характер уклада, более близкий к бродячим инородцам, незнание русского языка и практическое отсутствие земледелия, отмечают, что подчинение их общероссийским законам является преждевременным, даже могущим принести им вред в нравственном и материальном состоянии, а государству – никакой пользы.

Для ходатайства об оставлении их в прежнем состоянии перед правительством был выбран уполномоченный доверенный от агинских бурят Борончо Бородин, второй тайша Агинской степной думы. О процессе обсуждения этого вопроса в правительстве свидетельствует письмо П. А. Бадмаева своему брату Анпилу, написанное 5 сентября 1879 г. По заяв-

⁴⁶⁴ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3671. Л. 43 об.

лениям генерал-губернатора Восточной Сибири об уравниении инородцев с государственными крестьянами последовало высочайшее повеление, на основании которого Министерства – военное, внутренних дел и государственных имуществ – потребовали от генерал-губернатора Восточной Сибири П. А. Фредерикса «мнения», по выслушании которого было решено это дело обсудить со всех сторон.

Таким образом, пишет П. А. Бадмаев, важный вопрос по делам инородцев в общем, и в частности поземельный вопрос, потребует много времени и серьезного отношения. По его мнению, доверенные от бурят не должны ехать в Петербург, не имея на это крайней надобности, потому что высшее правительство печется о них и не решит этого вопроса, от которого зависит их благосостояние, не обсудивши его всесторонне⁴⁶⁵.

В 1880-х гг. проблема ликвидации степных дум и должности главного родоначальника особенно остро встает в Идинском ведомстве Иркутской губернии. 23 июня 1882 г. состоялось заседание Совета Главного управления Восточной Сибири, на котором обсуждался вопрос «Обстоятельства по поводу раздела Идинского инородческого ведомства, по восстановлению законного порядка управления инородцами в Иркутской и Енисейской губернии».

Поводом для обсуждения стали «ежедневно поступающие к начальнику Иркутской губернии от инородцев Идинского ведомства жалобы на разные притеснения и обиды, причиняемые будто бы им местными инородческими властями»⁴⁶⁶. При проверках со стороны губернского начальства оказалось, что предъявленные претензии составляют не что иное, как «плод усиленного раздора существующих в Идинском ведомстве враждебных партий, имея во главе людей влиятельных». Подобные усобицы, сопровождаемые тяжбами, жалобами, подаваемыми местному начальству, в конечном своем результате крайне неблагоприятно отражались на материальном положении инородцев. В связи с таким положением в ведомстве иркутский губернатор И. К. Педашенко по-

⁴⁶⁵ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3671. Л. 46–46об, 48–48 об.

⁴⁶⁶ ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Дп. 3. Д. 21. Л. 1 об.

ручил балаганскому окружному исправнику изыскать способы к устранению жалоб и распрей.

Балаганский окружной исправник провел исследования состояния дел в Идинском ведомстве, привлекая архивные документы, и составил подробную справку. Идинские буряты занимали пространство земли площадью 1075 квадратных верст, в ведомстве числилось 12 577 душ мужского пола и 11 670 душ женского пола, делившихся на 29 родов. Каждый род управлялся родовым старостой, несколько родов объединялись в родовые управления, которых было учреждено 10. В течение декабря 1881 г. прошли собрания идинских бурят, на которых большинство высказалось за раздел ведомства.

Учитывая огромные площади, занимаемые ведомством, и многочисленность населения, бесконечные распри идинских бурят, балаганский окружной исправник предложил разделить Идинское ведомство на две части: 1) 13 родов (1, 2, 3, 4-й Готольский, 1-й, 2-й Шаралдаевский, Янгутский, 3-й Онгоевский, Кахинский, 1-й, 2-й Ирхидеевский, 1-й, 2-й Холтубаевский роды – 7488 ревизских душ) с центром в улусе Бохан; 2) 16 родов (1-й, 2-й, 4-й Онгоевский, 1-й, 2-й, 3-й Ноетский, 1-й, 2-й Онхотоевский, Булатский, 1-й, 2-й Муруевский, 1-й, 2-й, 3-й Бороевский, 3-й, 4-й Холтубаевский роды с населением 5079 ревизских душ) с центром в улусе Бильчир⁴⁶⁷.

Управляющий Иркутской губернией, рассмотрев все предложения, поступившие от чиновников, идинских бурят, пришел к выводу, что Идинское ведомство целесообразнее разделить на три части с учреждением в них инородных управ, что способствовало бы облегчению управления инородцами, достижению единства бурят в каждой из них и уменьшению расходов по выполнению различных повинностей.

Иркутский губернский совет, обсуждая вопрос о разделении Идинского ведомства, остановил свое внимание на существующей в этом ведомстве «неправильности» в управлении, состоящей в сосредоточении всей власти в одной степной думе, хотя по «Уставу» 1822 г. власть должна была бы находиться в руках инородных управ. В итоге Губернский совет пришел к заключению:

⁴⁶⁷ ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Дп. 3. Д. 21. Л. 4–8.

1) упразднить Идинскую степную думу и должность главного родоначальника;

2) разделить Идинское ведомство на 3 ведомства:

– Идинское – с учреждением Боханской инородной управы;

– Осинское – с учреждением Бильчирской инородной управы;

– Молькинское – с учреждением Молькинской инородной управы⁴⁶⁸.

Таким образом, предполагаемое разделение Идинского ведомства на три самостоятельные и независимые части, упразднение степной думы преследовали цель прекращения усобиц, отступления от «неправильного устройства внутреннего управления учреждением степной думы», захватившей в свои руки полное управление инородцами и присвоившей себе те права и обязанности, которые непосредственно должны относиться к инородным управам как единственным распорядительным учреждениям. Между тем степные думы сосредоточили в своих руках и судебную власть, хотя по «Уставу» 1822 г. они вовсе не должны иметь значения словесных судов. У главного тайши не должно быть распорядительной власти по управлению инородцами, которая по закону принадлежит инородным управам, он является только председателем степной думы, являющейся совещательным учреждением.

Совет ГУВС, рассмотрев все представленные Иркутским губернским советом материалы, пришел к выводу, что не может упразднить степные думы и должность главного родоначальника, учрежденных по закону указом Иркутского губернского правления в 1824 г., тем более упразднить их в одном ведомстве. Совет порекомендовал степным думам исполнять свои функции согласно закону и учредить инородные управы⁴⁶⁹. Генерал-губернатор Восточной Сибири Д. Г. Анучин в 1884 г. поддержал решение ГУВС, тем самым был отложен вопрос о разделе Идинского ведомства.

Попытка разделения Идинского ведомства, упразднения степной думы и должности главного родоначальника, учреждения инородных управ явилась реальным шагом к ликвидации системы инородческого управления в Иркутской гу-

⁴⁶⁸ ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Дп. 3. Д. 21. Л. 30.

⁴⁶⁹ ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Дп. 3. Д. 21. Л. 37.

бернии и Забайкальской области, основанной на положениях «Устава» 1822 г. Захват степными думами и главными родоначальниками полной распорядительной и судебной власти привел к многочисленным раздорам, вражде в бурятских ведомствах и, как следствие, к непрекращающемуся потоку жалоб, прошений бурят.

Свидетель тех событий, миссионер Шимковского дацана, в 1882 г. дает такую характеристику степным думам: «Благодаря отсутствию инициативы у бурят, она (степная дума. – *Авт.*) сохранила все свои права, как управления совершенно самодержавного, и пользуется ими в лице своих членов в духе знаменитого в летописях сибирских Лоскутова. К несчастью, до сих пор не находилось подражателя Сперанскому, хотя бы в миниатюре, который бы взял на себя почин обуздать произвол этой гидры и избавил бы народ от египетского ига... Насилие, грабеж и беззаконие завоевали себе право гражданства и разгуливают себе преспокойно!»⁴⁷⁰

В 1885 г. военный губернатор Забайкальской области Я. Ф. Барабаш пишет докладную записку приамурскому генерал-губернатору А. Н. Корфу «Доклад об устройстве быта кочевых инородцев Забайкальской области», в которой подробно остановился на проблемах инородческого управления и мерах по его реорганизации. Было отмечено, что удержание инородцев в той форме быта, которая противоречит экономическим интересам Российского государства, явление ненормальное. Такие привилегии, данные инородцам по «Уставу» 1822 г., как 1) освобождение их от воинской повинности; 2) сравнительно слабое обложение прямыми налогами, когда низший оклад с кочевой ревизской души составляет 1 руб. 42 коп., а оседлой – 4 руб. 75 коп.; 3) пользование сравнительно большим количеством земель, когда на одну кочевую ревизскую душу в Забайкальской области приходится по 90 десятин земли, а у крестьян по 18 десятин, привели к кризису инородческого управления.

Прежде всего, как отмечает военный губернатор, недостатки системы инородческого управления привели к появлению массы деспотических родовых начальников и других

⁴⁷⁰ ИЕВ. 1882. 3 апр. (№ 14). С. 175–176.

влиятельных лиц, которые прямо заинтересованы в сохранении существующих порядков. Они присвоили себе право полного господства над инородцами своих ведомств, когда в их руках сосредоточилась и административная, и распорядительная, и полицейская, и хозяйственная, и судебная власть. Главный тайша судит кочевников своего ведомства, наказывает их телесно или сажает на долгое время под арест и в тюрьму. В то же время он делает распоряжения по исправлению дорог по своему определению, назначает для этого людей, количество лошадей и материалов, он же распределяет число подвод на разных трактах и т. д. В руках у родоначальников оказалось так много самой лучшей земли, что из бурятских ведомств стали поступать бесконечные жалобы на нехватку земель.

Главной же причиной существующих беспорядков, как считает Я. Ф. Барабаш, является кочевой образ жизни, когда из-за дальних расстояний нет возможности обратиться к должностным лицам местного самоуправления. Выходом из такой ситуации явилось бы побуждение кочевников к оседлой жизни, ограничение пользованием земли, реорганизация инородческого управления в сторону приближения к крестьянскому управлению путем упразднения степных дум и должности главного тайши. По его мнению, «пока будут присутствовать думы, до тех пор за главными тайшами останется значение первых людей в своем ведомстве, с соответственным ему влиянием, пользуясь которым, они, как это можно опасаться, будут поддерживать между бурятским населением племенную и религиозную обособленность и, таким образом, тормозить дело объединения инородцев с коренным русским населением, которое неизбежно должно получиться в результате проектируемых мер»⁴⁷¹.

Таковыми мерами являлись:

1) сохранение инородных управ, которые по кругу их деятельности близко подходят к русским волостным правлениям и могут вступать в непосредственные сношения с земской полицией, а степные думы подлежали упразднению «не только без вреда, но и с пользой для дела»;

⁴⁷¹ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2172. Л. 11 об.

2) изъятие из употребления степных законов и подчинение всех инородцев юрисдикции русских судов;

3) привлечение всех инородцев к воинской повинности на общих основаниях: «Инородцы, пробыв определенный срок в войсках, ознакомятся и с русскими обычаями и с русским языком, и по возвращении домой, знание их будут распространять между своими соплеменниками, на что нельзя рассчитывать, если из инородцев будут формироваться особые казачьи или милиционные части»⁴⁷².

Предполагалось также сохранение за инородцами таких привилегий, как меньшее налогообложение и выделение большего земельного надела по сравнению с русскими крестьянами. Администрации Забайкальской области в этот период не удалось претворить в жизнь данный проект ликвидации степных дум и должности главных тайшей. Прежде всего это было обусловлено нерешенностью основного вопроса – о земле, отсутствием законодательства в области суда и т. д.

Одним из направлений политики царского правительства в отношении народов Сибири конца XIX – начала XX в., кроме уравнивания кочующих инородцев в управлении и налогах с крестьянским населением, стал еще один вопрос – о привлечении сибирских инородцев к отбыванию воинской повинности⁴⁷³. Привлечение бурят к отбыванию воинской повинности в XIX – начале XX в. рассматривалось как одно из направлений политики Российского государства по их включению в систему общеимперских законов. Согласно определению, воинская повинность является установленной российским законодательством обязанностью мужчин нести военную службу по защите родины.

В соответствии с § 42 «Устава об управлении инородцев» 1822 г., «все кочующие инородцы освобождались от рекрутской повинности»⁴⁷⁴, таким образом законодательно буряты были освобождены от несения воинской повинности. Надо отметить, что буряты и эвенки начали нести пограничную службу еще до заключения Буринского договора 1727 г. С за-

⁴⁷² ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2172. Л. 12об–13.

⁴⁷³ Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма ... С. 112–113.

⁴⁷⁴ ПСЗ-1. Т. 38. Ст. 29126.

ключением же договора сразу же была организована пограничная охрана из 25 караулов, при каждом из которых «стояло 5–10 юрт (семейств) тунгусов или бурят. Наблюдение за пограничными маяками и за переходом за границу скота и людей вверено было инородческим родам и весьма малой части русских, поставленных более для надзора»⁴⁷⁵.

По указу Екатерины от 30 июня 1764 г. для усиления Селенгинской и Нерчинской границ были сформированы четыре бурятских полка, получивших название бурятского нерегулярного войска, которые находились на полном содержании бурятских обществ. Учреждением бурятских полков успешно был разрешен вопрос охраны границ в Забайкалье⁴⁷⁶.

О боеспособности и желании бурят защищать свое Отечество в тяжелое время для России свидетельствует статья, опубликованная в газете «Амур» за 1862 г.: «В 1812, 1813, 1814 годах забайкальским монголо-бурятам было не до русской грамотности. В это время все они – кто бы этому поверил? – с энергией готовились идти войной на француза! Напрасно иркутский губернатор Н. И. Трескин просил добряков письмом на имя хоринского тайши Галсана Мардаева не беспокоиться, потому что русские уже разбили в пух и прах все бесчисленные полчища французов и их союзников немцев: буряты заподозревали Иркутское губернское начальство в измене Белому царю и продолжали готовить себе винтовки и стрелы с сайдаками; практиковались в стрельбе в цель и тулуны (кожаные мешки) под добычу и т. п., так, по крайней мере, доносил тайша губернатору»⁴⁷⁷.

Несмотря на законодательное освобождение бурят от воинской повинности, со стороны царской администрации на общегосударственном и региональном уровне периодически поднимались вопросы об их привлечении к воинской службе. Так, в 1872 г. на заседании Комиссии о личной военной повинности при Главном управлении Восточной Сибири обсуждался вопрос об обложении кочевых инородцев милиционной военной службой. На инородческую милицию предполагалось

⁴⁷⁵ Васильев А. П. Забайкальские казаки. С. 20–21.

⁴⁷⁶ Там же. С. 181–184.

⁴⁷⁷ Амур. 1862. 11 марта (№ 19). С. 3–4.

возложить «земскую службу, как, например, препровождение местных арестантов по проселочным трактам, назначение конных инородцев в помощь к пешим этапным командам, сопровождение сельской почты, назначение их нарочными от полицейских управлений и т. п.»⁴⁷⁸. В ответ на требование о предоставлении сведений о возможности несения милиционной службы бурятами Агинская степная дума отписывается, что «по неопытности, необразованности и незнанию русского языка, а также по образу кочевой жизни инородцев, составить со своей стороны предположения не может»⁴⁷⁹.

1 января 1874 г. был принят манифест «О введении всеобщей воинской повинности», согласно которому был утвержден «Устав о воинской повинности». Было объявлено, что «защита престола и отечества есть священная обязанность каждого подданного, Устав сей привлекает к участию в управлении воинской повинности все мужское население, без допущения денежного выкупа или замены охотниками»⁴⁸⁰.

С введением «Устава о всеобщей воинской повинности» положение инородцев изменилось следующим образом: в манифесте было определено, что «действие нового закона не должно распространяться лишь на казачье население, несущее военную службу в установленном для него порядке, а также на некоторых инородцев»⁴⁸¹. Указом Правительствующему сенату в некоторых местностях и на части населения вводился особо установленный порядок ввиду того, что для них будет определено особое положение: 1) на Закавказский и Туркестанский края, на Приморскую и Амурскую области, на некоторые округа Якутской области, на некоторые отделения Енисейской губернии, тогурское отделение Томской губернии и на некоторые округа Тобольской губернии; 2) на не отбывавшее до сих пор рекрутской повинности ни натурой, ни деньгами инородческое население Северного Кавказа, Астраханской губернии, Тургайской и Уральской областей и всех губерний и областей

⁴⁷⁸ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1934. Л. 3 об.

⁴⁷⁹ Там же. Л. 60б, 8.

⁴⁸⁰ ПСЗ-2. Т. 49. Отд. 1. Ст. 52982.

⁴⁸¹ Там же.

Западной и Восточной Сибири, равно как на самоедов, обитающих в Мезенском уезде Архангельской губернии⁴⁸².

С принятием «Устава о воинской повинности» возникли вопросы о привлечении сибирских инородцев, в том числе и бурят, к отбыванию воинской повинности по особым положениям. В этом же 1874 г. во все бурятские ведомства были отправлены письма о предоставлении сведений о том, смогут ли быть обеспечены семейства бурят материально в случае призыва мужчин на военную службу. Это было своего рода социологическое исследование, имеющее целью выяснить подлинное отношение инородцев к перспективе привлечения их к отбыванию воинской повинности, а заодно и политическую лояльность империи. Например, Ольхонская степная дума отвечает: «В случае призыва на службу таких инородцев, у которых не будет оставаться в семье других работников, кроме их самих, место мужа или отца для детей, равно и сына для престарелых родителей могут, по мнению думы, заступать их ближайшие или дальние, но живущие отдельно родственники, а если родственников нет, то и посторонние люди, участие которых к таким семействам можно ручаться уже по одному тому, что между ними никогда нет нищих. Кроме того, инородцы, хотя и не связаны кровным родством между собой, но считают себя и живут по большей части как бы родственники, лишь бы они были одного рода и улуса»⁴⁸³.

В 1880-х гг. снова поднимается вопрос о подчинении сибирских инородцев действующим общеимперским законам и уравнивании их во всех правах и обязанностях с крестьянами, в том числе в отнесении ими воинской повинности. Предполагалось, что эти мероприятия приведут к росту нравственного развития инородцев, будут способствовать распространению среди них образования, и самое главное, увеличит доходы государства⁴⁸⁴. По данному вопросу в 1879 г. агинские буряты отмечают, что «при кочевой жизни в степных местах и незнании русского языка еще далеко не освоились с обычаями и

⁴⁸² ПСЗ-2. Т. 49. Отд. 1. Ст. 52982.

⁴⁸³ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 921. Л. 42–42 об.

⁴⁸⁴ Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма ... С. 112–113.

общественным управлением крестьян, а подходя более к бродячим инородцам, мы не занимаемся хлебопашеством, как инородцы других ведомств Восточной Сибири, по случаю степной местности нами обитаемой, годной единственно для скотоводства, которое и составляет источник нашего существования... а потому подчинение нас, бурят Агинского ведомства, общим законам империи с привлечением к воинской повинности, уменьшением количества владеемой нами степной земли с изменением существующего ныне порядка управления (упразднением степных дум и инородных управлений), мы признаем по изложенным выше причинам и особенностям нашей жизни преждевременным и могущим принести для нас вред, как в нравственном, так и в материальном состоянии, а для государства не могущим принести существенной пользы»⁴⁸⁵.

Эти факты свидетельствуют о готовности бурят к несению воинской службы в той или иной форме, но в целом отношение бурят к воинской повинности по существу было отрицательным. Администрации большинства сибирских губерний и областей выразили согласие на введение в той или иной форме воинской повинности у аборигенов. В основе этого решения лежали внутривластные интересы, связанные прежде всего с дальнейшей русификацией аборигенов. Тем не менее военный министр Д. А. Милютин, признавая принципиальную важность участия инородцев в военной службе, как одной из главных государственных обязанностей народов Сибири, воздержался от введения воинской повинности инородцев, снова отложив на неопределенное время вопрос о привлечении инородцев Сибири к воинской службе⁴⁸⁶.

⁴⁸⁵ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3671. Л. 39–42

⁴⁸⁶ Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма ... С. 118

3.2. Органы местного самоуправления народов Сибири в конце XIX – начале XX в.

В 1884 г. было учреждено Приамурское генерал-губернаторство, в состав которого вошла Забайкальская область.

К числу реализованных правительством программ относится лишь реформа местного управления инородцами в Иркутской губернии, осуществленная в 1880-х гг. Согласно реформе степные думы у бурят Иркутской губернии были упразднены. Вместо них учреждались более мелкие, но зато, по признанию царских чиновников, более гибкие административные единицы – инородные управы, бывшие по Уставу 1822 г. промежуточным звеном между степными думами и родовыми управлениями⁴⁸⁷.

Генерал-губернатор Восточной Сибири указывал, что ликвидация степных дум и учреждение инородных управ были предприняты им «для прекращения раздоров» и «для умиротворения враждующих между собой партий, образовавшихся среди бурят». Вместе с тем царское правительство преследовало русификаторскую цель. В представлении Государственному совету статс-секретарь А. Н. Куломзин писал по поводу ликвидации степных дум в Иркутской губернии: «Означенная мера несомненно принесла уже большую пользу, уничтожив среди иркутских бурят понятие о себе... и приблизив население к надзору и воздействию правительственных органов»⁴⁸⁸.

Инородные управы в Иркутской губернии были образованы в основном в 1889–1890 гг. До этого момента в Иркутской губернии было 4 инородные управы, которые являлись самостоятельными административными единицами, не подчинявшимися степным думам: Кудинско-Капсальская, Китойская, Ленская и Тункинская.

В 1880-х гг. перед администрацией Иркутской губернии встала задача упорядочения инородческого управления, вызванная многочисленными нарушениями в бурятских ведомствах, связанными с увеличением расходов на содержание управления, борьбой между тайшинскими династиями за

⁴⁸⁷ Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма С. 54.

⁴⁸⁸ История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1954. Т. 1. С. 290.

власть, несовершенством судебной системы, приводившими к бесконечным апелляциям в вышестоящие учреждения и т. д.

К пониманию необходимости перемен в инородческом управлении пришли и некоторые представители родовой верхушки бурят. Так, в 1885 г. главный родоначальник идинских бурят Илья Пирожков пишет письмо и. д. генерал-губернатора А. П. Игнатьеву, в котором предлагает одновременно с предстоявшим упразднением подушного налога провести уравнение бурят с крестьянским населением Восточной Сибири.

По его мнению, все привилегии, данные инородцам, «в настоящее время утратили не только своего значения, но и всякого смысла на том основании, что: 1) судом по своим обычаям инородцы очень редко и то в самых маловажных случаях бывают довольны, чему доказательством служит переполнение всех присутственных мест и должностных лиц их всевозможными жалобами и просьбами; и 2) о спорах и владениях всякого рода земельными угодьями буряты также и давно не управляют своими обычаями и правами, а постоянно обращаются в полицейские управления или в казенную палату»⁴⁸⁹. Христианская вера распространена среди бурят, а по образу жизни они совсем немного отличаются от окружающих их крестьян: занимаются хлебопашеством, грамотных даже больше, чем среди крестьян.

И. Пирожков считает, что «исключительное же положение, в котором теперь находятся инородцы, ведет только к вражде партий, домогающихся получить власть для своих единомышленников и в своих эгоистических интересах, потому только преобразование инородческого управления в духе вводимого ныне в Сибири крестьянского самоуправления с выборными лицами на срок не более трех лет способно положить конец всем распрям и волнениям и обеспечить инородцам спокойствие и благосостояние под покровительством закона»⁴⁹⁰. В порядке исключения он просит «единственную для бурят привилегию, это оставить за ними право не допускать в местах их поселений открытия как питейных заведений, так и оптовых винных складов»⁴⁹¹.

⁴⁸⁹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 2034. Д. 93. Л. 167 об.

⁴⁹⁰ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 2034. Д. 93. Л. 168.

⁴⁹¹ Там же. Л. 168 об.

Генерал-губернатор Иркутской губернии А. П. Игнатьев в своем предписании и. д. иркутского губернатора от 16 февраля 1889 г. «О мерах к упорядочению инородческого управления» отмечает, что неоднократно убеждался «во многих не-правильностях и отступлениях от основных начал, установленных для него Положением 22 июля 1822 г.»⁴⁹².

Далее он пишет, что согласно «Уставу об управлении инородцев» 1822 г. в инородческом управлении должны быть «учреждены две степени управления: первая – родовое управление, состоящее из старосты и одного или двух помощников, и вторая – инородная управа в лице одного головы и двух выборных. Только для исключительно хозяйственных дел многих родов, соединенных вместе, дозволялось иметь, и то лишь забайкальским бурятам, еще третью степень – степную думу. Между тем, при первом моем обозрении мною инородческих ведомств Иркутской губернии я нашел, что в большинстве ведомств вместо двух, предусмотренных законом, действуют три степени управления, а именно в большинстве ведомств степные думы, а в некоторых – инородные управы, затем родовые управления и улусные старшины»⁴⁹³.

По мнению А. П. Игнатьева, в Иркутской губернии необходимо было провести упорядочение инородческого общественного управления, основными пунктами которого должны были стать следующие:

1) инородческое управление должно состоять только из двух степеней: инородной управы и родового управления;

2) содержание канцелярий родовых управлений или вообще писарей, а тем более постройка особых помещений не обязательны для инородцев, так как по силе ст. 24 «Устава об управлении инородцев» 1822 г. все дела в родовом управлении производятся словесно; при этом инородческим обществам следовало указать, что в их небольших и весьма несложных делах они могут обходиться без всяких письмоводителей, за получением приказаний начальства родовые старосты обязаны периодически являться в управы; исполнение

⁴⁹² ГАРБ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 156. Л. 87.

⁴⁹³ Там же.

тех дел, где может потребоваться письменное производство, должно лежать на инородных управах;

3) низшей степенью инородческого управления по ст. 17–23 «Устава об управлении инородцев» 1822 г. должно быть родовое управление в лице старосты и одного или двух помощников из почетных и лучших родовичей, причем следует иметь в виду, что нынешние улусные старшины явились последствием неправильной постановки родовых управлений и должны исчезнуть;

4) с установлением правильного порядка в общественном инородческом управлении отпадет необходимость в содержании значительного количества междудворной гоньбы⁴⁹⁴.

В ходе подготовительной работы генерал-губернатор Восточной Сибири А. П. Игнатьев посещает бурятские ведомства, проводит там собрания, на которых разъясняет о пользе предстоящей ликвидации степных дум и должности тайши. Так, 2 февраля 1886 г. он посещает собрание при Балаганской степной думе, где присутствовали родоначальники и доверенные лица. В течение часа он беседовал с бурятами, разъясняя о пользе учреждения инородных управ, расспрашивая об их нуждах, также давал советы по улучшению их быта⁴⁹⁵.

Упразднение степных дум среди бурят Иркутской губернии началось в 1886 г. Ликвидация проводилась следующим образом: распускалась дума, создавались несколько инородных управ, родовых управлений; упразднялась должность тайши, создавались должности голов. Таким образом, тайши потеряли свое доминирующее положение среди бурят Иркутской губернии, и для многих зажиточных бурят был открыт доступ к высшим должностям степного управления.

1. Упразднение Идинской степной думы и учреждение инородных управ. Идинская степная дума была ликвидирована первой согласно журналу Совета ГУВС от 30 июля – 27 августа 1886 г. Идинское ведомство было разделено на 5 инородных управ: Боханскую, Укырскую, Бильчирскую, Улейскую, Молькинскую.

⁴⁹⁴ ГАРБ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 156. Л. 87 об.

⁴⁹⁵ Медведев А. Посещение генерал-губернатором Восточной Сибири графом А. П. Игнатьевым Балаганского инородческого ведомства // ИЕВ. Прибавления. 1886. 22 февр. (№ 8). С. 97–100.

2. Упразднение Верховенской степной думы и учреждение инородных управ. Верховенская степная дума была упразднена с 1 января 1889 г. и разделена на 3 инородные управы: Верхнекудинскую, Баяндаевскую, Хоготовскую⁴⁹⁶. Буряты 2-го Абызаевского рода вышли с ходатайством иркутскому генерал-губернатору о выделении из Баяндаевской инородной управы и об образовании отдельной Ользоновской управы с центром в селении Ользоновском ввиду отдаленности от селения Баяндаевского и невозможности из-за этого срочного решения судебных и других дел. Со стороны Иркутского губернского совета это ходатайство было признано целесообразным, и в конце 1890 г. была образована Ользоновская инородная управа.

Верхнекудинская инородная управа образовалась из бурят Ользоновского, 1-го Буровского и 4-го Буровского родов с населением 2555 душ мужского пола.

Баяндаевская инородная управа включала в себя Баяндаевский, Бахаевский роды с населением 2380 душ мужского пола.

Хоготовская инородная управа была образована 1 января 1889 г. и состояла из бурят 1-го Абызаевского рода с населением 1508 душ мужского пола. Головой управы был избран Осип Степанов, 36 лет, житель Токского улуса, выборными – Битху Бидаев, Александр Булгатов. Управа объединяла одно селение Хоготовское, улусы – 1, 2, 3, 4 и 5-й Молойские, Зегеринский, Хоготовский, Баретойский, Шатхолунский, Токский, Шонтойский, 1-й и 2-й Кальский, Унгуринский⁴⁹⁷. В 1891 г. в управе было 2918 жителей, 1153 жилых дома, 840 юрт, 7 экономических магазинов, 1 церковь, 1 училище, 1 почтовая станция, 1 тюрьма, 1 анатомический ледник, 11 кузниц, 2 питейных заведения, 1 пожарный сарай, 3 торговые лавки⁴⁹⁸.

Ользоновская инородная управа была образована в конце 1890 г. из бурят 2-го Абызаевского рода и состояла из 13 улусов: Гулунтумурского, Шаракшанского, 1-го Онгоевского, 2-го Онгоевского, 3-го Онгоевского, Нугулурского, Нога-Алыкского, Тыпхисырского, 1-го Молойского, 2-го Молойского,

⁴⁹⁶ ГАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1918. Л. 53.

⁴⁹⁷ ГАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 136. Л. 39, 40.

⁴⁹⁸ Там же. Д. 39. Л. 86.

Идыгейского, Маралтуевского, Уваровского и 2 селений: Ользоновского и Маркеловского⁴⁹⁹. В 1893 г. по ведомству было 5 пожарных сараев, 5 экономических магазинов, 1 сельская тюрьма, 1 анатомический ледник, 1 Ользоновское приходское училище⁵⁰⁰. В 1909 г. было открыто почтовое отделение⁵⁰¹. В 1912 г. были открыты одноклассные училища в Онгоевском и Маралтуевском училищах⁵⁰². Головой управы в разные годы избирались: Исаак Ертагаев (1890–1900), Хуригатай Хунгыров, Монхор Могоров.

3. Упразднение Тункинской степной думы и образование инородных управ. В 1889 г. Тункинская степная дума распалась на 3 управы: Харибятскую с центром в улусе Жемчугском, Койморскую с местопребыванием в улусе Узур-Нинугуне, Торскую с центром в улусе Торском и отдельное Окинское родовое управление, при этом к первой управе были отнесены 4834 души обоего пола, ко второй – 2885, к третьей – 2597. К Окинскому родовому управлению были приписаны 1442 души обоего пола. П. Т. Хаптаев приводит текст доклада чиновника особых поручений при иркутском генерал-губернаторе Д. В. Безобразова от 18 августа 1890 г. о преобразовании Тункинского инородческого ведомства. Согласно приговору инородцев Тункинского ведомства от 21 февраля 1889 г., Тункинскую степную думу предполагалось разделить на 5 самостоятельных управлений: Окинский отдельный род с непосредственным подчинением его Иркутскому окружному полицейскому управлению, Харибятскую, Койморскую, Торскую инородные управы и Тукуринскую волость из ясачных инородцев.

Однако вмешался архиепископ Вениамин, посчитавший нежелательным в интересах распространения православия образование особой из оседлых инородцев волости. По его мнению: 1) с отделением оседлых инородцев в особое управление они будут лишены возможности оказывать на кочевых инородцев влияние к обращению в православие; 2) с образо-

⁴⁹⁹ ГАРБ. Ф. 184. Оп. 1. Д. 40. Л. 29, 30.

⁵⁰⁰ Там же. Д. 36. Л. 31–33.

⁵⁰¹ Там же. Д. 322.

⁵⁰² Там же. Д. 406. Л. 23–28.

ванием отдельной волости оседлые инородцы окажутся обремененными большим количеством разных налогов, их поземельное и экономическое положение ухудшится, и таким образом легко может ослабеть среди инородцев желание к переходу к оседлому образу жизни и принятию православия; 3) распространение на оседлых инородцев общей воинской повинности окончательно отвратит их от принятия христианства. С учетом высказанных доводов архиепископа Вениамина проект был изменен: Тункинское ведомство было разделено на вышеперечисленные 3 инородные управы и 1 родовое управление⁵⁰³.

Харибятская инородная управа находилась в Жемчугском. В 1898 г. головой управы был избран Иван Дуйбанов, выборами – Ардан Ошоров и Энхэ Якшиев⁵⁰⁴.

В своей деятельности управа подчинялась крестьянскому начальнику 3-го участка Иркутского уезда, входила в Урдубугинский участок.

В 1893 г. управа состояла из бурят шести родов: 1, 2, 3, 4-го Хонгдорского; Шеронхонского; 1-го, 2-го Хойготского; Иркутского; Шишеловского; Челдарского⁵⁰⁵.

К 1915 г. образовались еще 2 рода – Тыртеевский и Туранский.

По отчету головы управы от 25 августа 1915 г. в ведомстве было 34 улуса, селений, выселок, в которых проживали буряты 8 родов, число жителей всех возрастов составляло 7672 человека, количество земли, находившейся в пользовании, 11 467 десятин⁵⁰⁶.

Большая часть населения ведомства занималась скотоводством, земледелием – оседлые буряты, примерно 225 домохозяев. Зажиточная часть населения сеяла хлеб для собственного потребления. Звериным промыслом занимались до 300 чел.⁵⁰⁷

По ведомству было 3 хлебных экономических магазина: Бухогорхонский, Кыренский, Хорликский, 3 водяные муко-

⁵⁰³ Хаптаев П. Т. Указ. соч. С. 33–34, 127–131.

⁵⁰⁴ ГАРБ. Ф. 241. Оп. 1. Д. 259. Л. 50.

⁵⁰⁵ Там же. Д. 116. Л. 155.

⁵⁰⁶ Там же. Д. 94. Л. 21–22.

⁵⁰⁷ Там же. Д. 625. Л. 14.

мольные мельницы, торговый рынок в с. Тунка, 4 перевоза через р. Иркут.

К 1905 г. из религиозных учреждений действовали Жимыгитская (Харибятская) Иннокентьевская церковь (стан), которая находилась в Хабарнутском улусе, Мондинская князя Владимирского церковь (стан) в Мондинском карауле, Шимковская Михайло-Архангельская церковь (стан) в с. Шимки, Ниловой Пустыни церковь, принадлежавшая Иркутскому архиерейскому дому в Туранском карауле, и Кыренский дацан в улусе Кырен⁵⁰⁸.

Дети бурят учились к 1914 г. в 3 инородческих училищах: Харибятском, Нерюхайском, Убулзон-Нугайском⁵⁰⁹.

К концу 1917 г. были образованы аймаки, хошуны и сомоны. В Харибятском хошуне были созданы 12 сомонов: 1-й Хонгодорский, Шишеловский, Тыртеевский, Шарагунский, Иркутский, Дармаевский, Токуреньский, Челдарский, 2-й Хойготский, 1-й Хойготский, Туранский, Шимковский⁵¹⁰.

Койморская инородная управа размещалась в улусе Узур-Шинугун, в ее состав входили 3999 жителей, 5 родовых управлений: Шеронхонское, Бадарханское, 2-е Хонгодорское, 3-е Хонгодорское, 4-е Хонгодорское; 12 улусов: Тагархайский, Койморский, Шардобунский, Уляборский, Ундур-Шогенский, Ойбойский, Хура-Хобокский, Хебоксский, Шархоловский, Кунтенский, Улбугайский, Енгаргинский; 3 села: Тальское, Токуреньское, выселок Кутул.

Головой управы в разные годы были Михаил Ефимович Сороковиков, Синельников, Александр Шобонов, Артемий Балсанов, Молонов. Управа содержала совместно с Харибятской и Торской управами анатомический ледник, Тункинское почтовое отделение, Торское и Тункинское училища, Торский и Эхенугинский перевозки.

Торская инородная управа образована в 1891 г., размещалась в улусе Торском Иркутского уезда Иркутской губернии. Подчинялась крестьянскому начальнику 3-го участка Иркутского уезда, приставу 3-го стана.

⁵⁰⁸ ГАРБ. Ф. 241. Оп. 2. Д. 116. Л. 148.

⁵⁰⁹ Там же. Д. 530.

⁵¹⁰ Там же. Д. 579. Л. 55.

При образовании управы население составляло 3308 чел., в том числе 1673 мужского пола и 1635 женского пола⁵¹¹, и состояло из 4 родовых управлений: Тыртеевского, 1-го Куркутского, 2-го Куркутского и 1-го Хонгодорского⁵¹². В 1909 г. было образовано Торское родовое управление⁵¹³.

В 1901 г. в ведении Торской управы числились улусы: Подкокуйский, Шадур Тологойский, Хабин-Дыбинский, Шулутовский, Янданский, Торский, Хараугунский, Шинайский, Нотский и 2 селения – Тибильтийское, Гужирское⁵¹⁴.

Население управы занималось скотоводством и земледелием. В ведомстве находилось 2 экономических магазина – 1-й Торский и 2-й Еловский⁵¹⁵.

Управой выделялись за счет мирских сборов денежные средства на содержание Тункинского анатомического ледника, Тункинской аптеки, Тункинского почтового отделения, перевоза через р. Иркут. Управа выделяла средства на содержание Торского училища⁵¹⁶.

На должность головы избирались в разные годы: А. Кирилов (1897 г.), Н. Мункуев (1898 г.), А. Хамаков (1901 г.), Манзарханов (1908 г.), Дарма Кырмыгенов (1914 г.), Холбоев (1916 г.)

Окинское родовое управление объединяло бурят 1, 2, 3, 4-го Хонгодорских родов, Шалдаровского, Хайгатского, 2-го Кургутского, Тыртеевского и Иркетского родов.

4. Упразднение Кудинской степной думы и учреждение инородных управ. Кудинская степная дума была упразднена по приказу иркутского губернатора от 8 января 1890 г.: «Упразднить с 1 января 1890 г. Кудинскую степную думу и должность главного родоначальника и затем ведомство это разделить на 3 инородные управы: Абаганатскую с резиденцией управы против горы Хандагай, на 4-й версте от селения Усть-Ординского на правой стороне почтового тракта из 1, 2, 3, 4 Абаганатских родов с населением 2449 душ обоего пола; Кудинскую с резиденцией управы в с. Усть-Ординском из 1, 2,

⁵¹¹ ГАРБ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 2.

⁵¹² Там же. Д. 1.

⁵¹³ Там же. Д. 18.

⁵¹⁴ Там же. Д. 13. Л. 41.

⁵¹⁵ Там же. Д. 2.

⁵¹⁶ Там же. Д. 18. Л. 14об–17.

3, 4-го Харанутских родов, причисленных к последнему роду инородцев Харбятинского улуса 1 и 4-го Бабаевских родов, Усть-Ординского и Курского селений оседлых инородцев и бродячих тунгусов, с населением 5268 душ обоего пола; Усть-Ординскую с резиденцией управы в 16-ти верстах от с. Усть-Ординского, по левой стороне почтового тракта, около Гушитского улуса, из 1, 2, 3, 4-го Бабаевских родов, за исключением из первого и последнего инородцев Харбятинского улуса, причисленных к 4-му Харанутскому роду Кудинской Управы Курумчинского рода, с населением 3920 душ обоего пола»⁵¹⁷.

Абаганатская инородная управа была образована 1 января 1890 г. Управа находилась в улусе Хандагаевском, на 4-й версте от селения Усть-Ординского⁵¹⁸.

При образовании управы население насчитывало 2449 чел.⁵¹⁹ и состояло из 4 Абаганатских родов. Родовое управление 1-го Абаганатского рода находилось в улусе Кулункун (8 верст от управы), 2-го – в улусе Зада (9 верст), 3-го – в улусе Булусинский (12 верст), 4-го – в улусе Боройский (7 верст)⁵²⁰.

В своей деятельности Абаганатская инородная управа подчинялась земскому заседателю 2-го участка, с 1899 г. – крестьянскому начальнику 5-го участка, мировому суду 4-го участка, становому приставу 2-го стана, 4-му сельскому врачебному участку.

Первым головой управы в 1890 г. был избран Марк Хантаев. В последующем, в разные годы, головой управы избирались Николай Бутуханов, Алексей Убогонов, Богачев Батоев, Андрей Хахалов.

Население управы занималось скотоводством, земледелием и охотой. В 1895 г. насчитывалось 1528 ревизских душ, из них 784 рабочих. Они имели 2060 домов и юрт, 5570 десятин пахотной земли, 2984 десятины покосной и усадебной земли, 1920 лошадей, 4811 голов крупного рогатого скота, 1151 голову овец, 633 козы⁵²¹.

⁵¹⁷ ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 147. Л. 3–4.

⁵¹⁸ Там же. Л. 3 об.

⁵¹⁹ Там же.

⁵²⁰ Там же. Д. 98. Л. 33.

⁵²¹ Там же. Д. 32. Л. 20.

В управе не было своего анатомического ледника, поэтому из мирских сборов выделяли деньги на содержание Кудинского анатомического ледника.

За счет мирских сборов также платили за наем и содержание Оекского приемного покоя и следственной тюрьмы. До 1901 г. управа выделяла средства на содержание Кудинского училища, жалование учителю, содержание четырех пансионеров при училище. В марте 1901 г. суглан при инородной управе принял решение о строительстве и открытии своей начальной школы.

Кудинская инородная управа была образована 17 января 1890 г. Почтовый адрес – ст. Жердовская. В 1890 г. население составляло 5168 чел., в том числе 125 грамотных. По ведомству было 1819 жилых домов, 2428 юрт, 16 кузниц, 5 мельниц, 10 экономических магазинов, 1 училище, 7 пожарных сараев, 1 почтовая станция, 1 анатомический ледник, 3 винных склада⁵²².

В разные годы головами управы избирались Обук Олоктонов (1891–1896), Василий Холодов (1896–1899), Кузьма Алагуев (1897–1904), Хажи Хабитуев (1905–1907), Елисей Васильев (1908–1910)

Резиденция *Усть-Ординской инородной управы* размещалась в 16 верстах от селения Усть-Ординского, по левой стороне почтового тракта, около Гушитского улуса и состояла из бурят 1-го, 2-го, 3-го Бабаевских родов, за исключением из первого и последнего инородцев Харбятинского улуса, причисленных к 4-му Харанутскому роду Кудинской управы и Курмчинского рода, с населением 3920 душ обоего пола⁵²³.

5. Упразднение Ольхонской степной думы и учреждение инородных управ. Согласно заключению Иркутского губернского правления от 12 октября 1887 г. упразднялись Ольхонская степная дума и должность главного родоначальника, и учреждалась Ольхонская инородная управа.

Иркутский генерал-губернатор «при рассмотрении этого вопроса усмотрел, что 1) Ольхонское инородческое ведомство, которое составит одну инородческую управу, имеет 5432 души мужского пола; 2) в ведомстве находится 72 улуса, от-

⁵²² ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 36.

⁵²³ Халтаев П. Т. Указ. соч. С. 35.

стоящие на значительном расстоянии от центра управления, причем расстояние самых отдаленных пунктов достигает 180 верст; 3) ведомство имеет в настоящее время девять родовых управлений, количество которых остается без изменения; 4) при указанном преобразовании нисколько не изменяются расходы на содержание инородческих управлений и, принимая во внимание, что упразднение Думы было предпринято главным образом в целях предоставления инородцам иметь органы общественного управления в более центральном месте и в недалеком расстоянии от улусов. Вследствие этого одна инородная управа для 72 улусов, разбросанная более чем на 200 верстном расстоянии при таком значительном числе жителей не может выполнять успешно возложенные на нее обязанности»⁵²⁴, в связи с этим иркутский генерал-губернатор не признает возможным утвердить проект замены Ольхонской степной думы одной инородной управой.

Ольхонская степная дума и должность главного родоначальника были упразднены по приказу иркутского генерал-губернатора с 1 января 1890 г., и на ее месте были образованы 2 инородные управы: Еланцинская, с резиденцией в улусе Еланцинском, из 4 родов – 2, 3, 4, 5-го Чернорудских родов и Тыргинской деревни оседлых инородцев с населением 1342 души мужского пола и 1279 душ женского пола; Кутульская, с резиденцией в Кутульском улусе, из 5 родов – 1-го и 6-го Чернорудских родов, 1-го и 2-го Абызаевских родов и Хенхедурского рода с населением 1374 души мужского пола и 1413 душ женского пола⁵²⁵.

Первым головой Кутульской управы был избран Гаврило Мадакшинов, выборными Баяган Заяхаев, Мангут Бартушкин⁵²⁶. В 1895 г. по Кутульской управе насчитывалось 600 хозяйств, 2645 чел., по Еланцинской управе – 572 хозяйства, 2668 чел.⁵²⁷ В 1899 г. головой управы был избран Албашей Елбаскин, выборными Номо Номолов, Ожголкой Харагаев. Основные занятия населения – скотоводство, рыболовство, охота.

⁵²⁴ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 682. Л. 3–5.

⁵²⁵ Там же. Л. 16.

⁵²⁶ ГАРБ. Ф. 240. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об.

⁵²⁷ Кулаков П. Е. Ольхон. Хозяйство и быт бурят Еланцинского и Кутульского ведомств Верхоленского округа Иркутской губернии. СПб., 1898.

6. Упразднение Аларской степной думы и учреждение инородных управ. «Бывшая Аларская дума в начале 1890 г. разделена на 3 управы: Аларскую, Хыгдинскую и Куйтинскую. Каждая управа есть самостоятельная единица. Имеет особый дом, канцелярию, письмоводителя, помощника, сторожа и пр. Содержатся ведомства инородцами. Жалованье дают те же буряты»⁵²⁸.

Аларская инородная управа размещалась в Хангинском улусе. Здание управы было двухэтажным деревянным с железной крышей, на территории управы размещались амбар, сарай, ограда, баня. В ведение управы входило население улусов 1, 2, 3, 6, 7-го Хонходорских родов. В управе было 6 экономических магазинов: Верхне-Иретский, Хигинский, Грязнухинский, Куркатский, Шалотский, Бурковский⁵²⁹. В 1910 г. 9 школ размещались в улусах: Албазей, Кукунор, Ямат, Киркет, Куркат, Шалот, Туглуй, Аляты, Хандагай⁵³⁰. 20 декабря 1906 г. был открыт фельдшерский пункт для обслуживания Аларского, Ныгдинского, Куйтинского ведомств и открыта аптека. При ведомстве был построен дацан в 1811 г., отреставрирован в 1894 г. и освящен в конце 1898 г. Пандито Хамбо-ламой. В 1912 г. управа реорганизована в Аларское волостное правление.

Куйтинская инородная управа имела резиденцию в улусе Куйтинском и состояла из бурят 9-го Шаранутского, 8-го Хонходоровского и 3-го Халтубаевского родов с населением в 1222 ревизских души, наличных 1409 душ и имеющих право голоса 588 душ⁵³¹.

Ныгдинская инородная управа состояла из бурят 3-го, 4-го, 5-го Хонходоровских родов с населением в 1457 ревизских душ, наличных 1345 душ, имеющих право голоса 864 души. Размещалась в деревне Бажеево⁵³².

7. Упразднение Балаганской степной думы и учреждение инородных управ. Балаганская степная дума разделилась на Унгинскую, Нельхайскую, Зунгаро-Быкотскую, Ашахабатскую инородные управы.

⁵²⁸ Цыбен Жамцарано. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ, 2001. С. 26.

⁵²⁹ ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 703. Л. 10.

⁵³⁰ ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 795. Л. 1.

⁵³¹ Хаптаев П. Т. Указ. соч. С. 34.

⁵³² Там же. С. 34.

Унгинская инородная управа была образована 1 января 1890 г. и состояла из бурят 14 родов: Булутского, Онгоевского, Шалотского, 1-го Олзоевского, 2-го Олзоевского, 1-го Муруевского, 2-го Муруевского, 1-го и 2-го Кульметского, Шаратского, Тыретского, 2-го Икинатского, Тагнитского, Боролдоевского и 98 населенных пунктов. В 1896 г. Боролдоевский род составил отдельное общество – Заблагорскую деревню⁵³³, и в 1899 г. была образована Тыретская волость⁵³⁴. В итоге Унгинская управа стала состоять из 12 родов.

Управа находилась в Нукутах и подчинялась Балаганскому окружному исправнику, а с 1899 г. – крестьянскому начальнику 1-го участка Балаганского уезда. Здание инородной управы состояло из присутствия, канцелярии, сугланной комнаты, арестантской камеры, приемного покоя⁵³⁵, Первым головой управы был избран Петр Шагланов (1890). В последующем в разные годы головой управы избирались А. Зонхоев (1891–1893), П. Марактаев, М. Мармуев, Ф. Жербаков. В 1899–1900 гг. в Унгинской управе было 4 мануфактурные и 1 мелочная лавки, 4 харчевни, 2 питейных заведения, 1 фельдшерский пункт⁵³⁶, 1 православная церковь, 34 общественных зданий, 3525 частных домов⁵³⁷.

Ленская инородная управа. В 1888 г. Иркутский губернский совет по крестьянским делам рассмотрел вопрос «О разделении Ленского инородческого ведомства Верхоленского округа на три самостоятельные части с учреждением в каждой инородной управы». Для решения этого вопроса во всех 7 существующих родах были проведены сугланы, затем суглан всего ведомства, куда были избраны по шесть представителей от каждых 100 душ, имеющих право голоса, где были высказаны разные предположения по увеличению числа управ. Доводы были в основном географические – трудно собираться на общие сугланы из-за отдаленности. Материалы обсуждения и предложения были направлены в губернское правление, которое в 1889 г. приняло окончательное решение

⁵³³ ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 262. Л. 1–3.

⁵³⁴ Там же. Д. 333.

⁵³⁵ Там же. Д. 239. Л. 4–5.

⁵³⁶ Там же. Д. 353. Л. 3, 4.

⁵³⁷ Там же. Д. 411. Л. 6.

об упразднении Ленской инородной управы и образовании 3 новых управ: Ангинской – с резиденцией в улусе Красноярск (Басай) в составе 2-го и 3-го Буровских и 2-го, 4-го, 5-го Чернорудских родов с населением 1720 душ мужского пола; во главе управы в разные годы находились Педус Ебенев, Николай Бернаев, Алексей Анганов, Гавриил Дырхеев; Кулентской – с резиденцией в Гогоне, состояла из одного 3-го Чернорудского рода с населением 386 душ мужского пола; Ленской (Харбатовской) – с резиденцией в Содое и с населением 2503 души мужского пола. В нее вошли буряты Хэнгэлдэровского и 6-го Чернорудского родов. Хэнгэлдэровский род разделился и образовал три самостоятельных рода: Кырменский, Никилейский и Содохойбетский. В разные годы у руководства управы находились Михаил Бичиханов, Хагдай Дембелов, Михаил Балхаев и др.

В 1909 г. образовалась самостоятельная Кырменская инородная управа⁵³⁸.

Таким образом, на месте 7 степных дум Иркутской губернии были образованы 24 инородные управы, в свою очередь самостоятельно существовавшие инородные управы разделились на более мелкие инородные управы.

Следующим шагом региональной администрации стало издание в 1890 г. проекта военного губернатора Забайкальской области М. П. Хорошхина о привлечении бурят к воинской повинности, согласно которому они в мирное время должны были привлекаться к учебным сборам один или два раза в год, на срок не более 6 недель. В пояснениях чиновника особых поручений графа А. Кейзерлинга при приамурском генерал-губернаторе главному тайше селенгинских бурят Сайнцаку Юмову отмечается, что «цель привлечения бурят к воинской повинности – в случае войны с Китаем и большего требования войск бурятская милиция будет относить гарнизонную службу, будут наряжаться конвоирами, проводниками войск и на разведки неприятельских войск»⁵³⁹.

На сборы должны были призываться буряты в возрасте от 21 до 24 лет, они должны были получать деньги на продовольствие. После четырехлетних сборов они должны были

⁵³⁸ Дырхеев П. С. Очерки истории верхоленских бурят. Улан-Удэ, 2005. С. 62–63.

⁵³⁹ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3855. Л. 11–13.

зачисляться в ополчение⁵⁴⁰. Граф А. Кейзерлинг отписывает: «Буряты будут привлекаться в мирное время ежегодно на учебные сборы на 4 или 5 недель. Ежегодно для образования бурятской национальной милиции буряты 21 года и в каждой не более 250 человек со всего бурятского населения области и таким порядком в течение четырех лет из четырех возрастов 21, 22, 23, 24-летних должен составиться один полк в 1000 человек, впоследствии с запасными будут составлять 4 полка обученного войска»⁵⁴¹.

В связи с проблемой привлечения бурят к воинской повинности возникли вопросы: например, как определить возраст буряты, кто будет составлять списки, кто проверит правильность составления списков, кто может быть освобожден от призыва, как должны происходить сборы, как определить количество призываемых – по родам или по обществу, кто должен следить за сборами, как поступить с теми, кто уклоняется от сбора, кто будет производить освидетельствование больных, как собирать их, какое вознаграждение давать призываемым и т. д. Единственным вопросом, на который сразу был дан ответ, это вопрос о том, кто должен осматривать призывников. На предложение Хоринской степной думы о необходимости осмотра лекарями – ламами следует резолюция военного губернатора – «ни в коем случае»⁵⁴².

Селенгинский главный тайша откликнулся на призыв к воинской службе следующим образом: «Как я, так и все мои сородичи, поселившиеся в недалеком расстоянии от китайской границы обязаны охранять неприкосновенность престола Его Императорского Величества, охранять интересы Его и защищать границы, принадлежащие России, в подданство которой наши монголы-буряты перешли с лишком 200 лет тому назад. Я полагаю, что в случае каких-либо военных действий, они строго будут держаться к защите своих границ и оберегать как границы России, так и свои жилища и свою имущественность. Я полагаю, что должно настать время, когда за-

⁵⁴⁰ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2862. Л. 3–4.

⁵⁴¹ Там же. Д. 3855. Л. 11.

⁵⁴² ГАЗК. Ф. 1 об. Оп. 1. Д. 2725. Л. 5–9.

байкальские буряты должны быть привлечены к отнесению воинской повинности»⁵⁴³.

Агинские и хоринские же буряты стали активно ходатайствовать об отсрочке исполнения воинской повинности, мотивируя свой отказ кочевым образом жизни, трудными климатическими условиями, незнанием русского языка. Так, 2 октября 1890 г. Хоринская степная дума пишет рапорт военному губернатору Забайкальской области, в котором приводит следующие доводы для отсрочки от воинской повинности: «Если привлечение бурят к отнесению воинской повинности будет сопряжено с денежными расходами с их стороны, то это неминуемо повлечет за собой упадок экономического их благосостояния»⁵⁴⁴.

Военный губернатор расценил это как намеренное уклонение от воинской службы⁵⁴⁵, на что агинские буряты отвечали: «... Чем могли буряты вызвать такое замечание Его Превосходительства, тогда как хоринские буряты не только не думали намеренно уклоняться от исполнения какой-либо службы в пользу Отечества, но они, питая безупречную любовь и преданность Царю и Престолу, неоднократно доказали свою верность и неизменную покорность как со времени принятия добровольного подданства, охранением русско-китайской границы, о чем свидетельствуют не только устные предания, но и государственные документы, как патент императора Петра II, данный хоринскому тайше Шодо Больтирикову от 4 июня 1729 г., так последующее поколение доказало неизменную преданность своему Отечеству уступкою своих удобных земель для поселения русских, оказали значительные услуги при взятии Амура, как пожертвованиями в пользу Аянских и других переселенцев, добровольного флота и раненых и больных воинов, так и передвижением войск и крепостных орудий на Амур, исправным платежом ясака и повинностей»⁵⁴⁶. Далее они просили отложить решение вопроса о воинской повинности до окончательного межевания земель

⁵⁴³ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3855. Л. 10.

⁵⁴⁴ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2725. Л. 5–9.

⁵⁴⁵ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2862. Л. 26.

⁵⁴⁶ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3855. Л. 8–8 об.

и переустройства их быта, образа жизни. Вопрос о привлечении бурят к милиционной службе был отложен снова на неопределенный срок.

В дальнейшем неоднократно предпринимались попытки привлечения сибирских инородцев к отбыванию воинской повинности. Так, в 1896 г. была образована специальная комиссия под председательством генерал-лейтенанта Н. Обручева, итогом работы которой стало предложение о привлечении к отбыванию воинской повинности только оседлых и кочевых инородцев Тобольской и Томской губерний.

В январе 1902 г. военный министр А. Н. Куропаткин доложил о результатах работы комиссии Николаю II, предложив привлечь к отбыванию воинской повинности всех оседлых и кочевых инородцев Сибири и Забайкалья. Идея понравилась императору, и предложения министра были утверждены. Бурятские ведомства были извещены об этом и готовили свои предложения по вопросу о воинской повинности.

По этому поводу Цыбен Жамцарано пишет в своем письме к Андрею Михайлову: «Вы вероятно знаете, какой основательный ответ дало Аларское ведомство – три управы по вопросу о привлечении инородцев к воинской повинности. А Ваши управы? – зазнавшиеся писари не нашли даже нужным посоветоваться со сведущими людьми! Буряты и так вымирают, незачем ускорять эту печальную смерть. Потом – все прямо таки задавлены работой для своего пропитания. Если теперь лучших людей возьмут на службу – кто будет работать? ... Гораздо нужнее – медицинская и просветительская помощь, чем военная служба. Вот, когда буряты станут людьми, перестанут вымирать и болеть – тогда они и сами пожелают служить. Наше Правительство никогда не пожелает, чтоб его инородцы вымерли, но может впасть в заблуждение от ложного донесения ваших управ, и может признать своевременным привлечение инородцев к в[оинской] повинности»⁵⁴⁷.

Однако начавшаяся вскоре Русско-японская война и революция 1905–1907 гг. отодвинули разработку этого вопроса на задний план. Правительство вновь вернулось к нему лишь в 1910 г. Для вынесения окончательного суждения в Сибирь

⁵⁴⁷ ГАРБ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 1. Л. 91.

был направлен начальник управления по делам о воинской повинности С. А. Куколь-Яснопольский. В этом же 1910 г. при Главном управлении Генерального штаба была образована комиссия по пересмотру «Устава о воинской повинности». В апреле 1913 г. Комитет министров заслушал доклад этой комиссии и признал, что привлечение инородцев Кавказа, Туркестана и Сибири к отбыванию воинской повинности желательно и возможно.

Принятию изменений в «Устав о всеобщей воинской повинности» помешала начавшаяся Первая мировая война. Хотя буряты, как инородческое население, было освобождено от воинской повинности, однако они не остались в стороне от этого события. Участие бурят на начальном этапе выражалось в сборе огромных пожертвований для оказания помощи пострадавшим во время военных действий. Так, в 1915 г. по инициативе лидеров бурятских обществ и Пандито Хамбо-ламы Д.-Д. Итигэлова был учрежден Общебурятский комитет для оказания помощи жертвам войны и оказания помощи нуждам семейств воинов⁵⁴⁸. Целью деятельности Общества было оказание помощи больным и раненым воинам путем устройства лазаретов, коек, полевых питательно-врачебных отрядов, эвакуационных поездов⁵⁴⁹.

Как отмечал в своем докладе Д.-Д. Итигэлов, сделанном на общем собрании членов Общества 1–2 августа 1915 г., со всего бурятского населения за короткий срок было собрано 86 010 руб. 72 коп., в том числе: от 20 бурятских волостей Забайкальской области – 63 500 руб. 19 коп., по подписным листам – 7269 руб. 32 коп. и т. д. Из них было израсходовано 77 766 руб. 16 коп., в том числе: на содержание бурятских коек на Кавказе, семьям призванных на войну низших чинов, на содержание бурятского врачебно-питательного отряда, содержание Петроградского бурятского лазарета и т. д.⁵⁵⁰

Петроградский бурятский лазарет на 30 коек был учрежден на пожертвования бурят и размещался в Старой деревне в доме Буддийского храма в Петрограде. Старшим врачом был

⁵⁴⁸ ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 475. Л. 55–56.

⁵⁴⁹ Там же. Л. 114.

⁵⁵⁰ ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 475. Л. 47–48.

назначен Ю. Д. Талько-Гринцевич, врач, в течение 10 лет работавший окружным врачом в г. Троицкосавске (1899–1908), известный краевед, один из инициаторов создания Кяхтинского краеведческого музея. Врачом работал один из первых бурятских врачей Л. Жабэ, письмоводителем – М. М. Сахьянова, будущий лидер бурятских большевиков, секретарь Бурятского областного комитета РКП(б), в то время учившаяся на Высших курсах П. Ф. Лесгафта в Петрограде. Только за период с ноября 1915 г. по июль 1916 г. в лазарете на лечении находились 113 воинов.

Первая мировая война затянулась, и появилась необходимость в привлечении инородцев как дешевой рабочей силы к тыловым работам. 25 июня 1916 г. Николай II издал указ о мобилизации инородцев на тыловые работы в районе действующей армии, согласно которому многие народы Сибири были реквизированы на тыловые работы, в том числе и буряты.

Призыву по мобилизации подлежали лица, родившиеся между 1897 и 1885 гг., в возрасте от 19 до 31 года. Мобилизация бурят началась сразу же после обнародования указа. Количество мобилизованных бурят, по данным мобилизационного отдела штаба Иркутского военного округа, составляло 20 878 чел. Часть мобилизованных была отправлена в Архангельскую область, другая – на окопные работы Северо-Западного фронта. Незначительная часть их была распределена по разным предприятиям, работавшим на войну. Труд бурят использовался при разгрузочных работах в архангельском порту, при строительстве железнодорожных веток Смольный Буян – Экономия, Экономия – Мудьюг, в качестве кочегаров на поездах Архангельской железной дороги, в Вологодских и Ярославских главных мастерских, Твери, Пскове, при заготовке дров для Москвы, Петрограда и т. д.⁵⁵¹

Для организации тыловых работ мобилизованных бурят в Архангельске была образована инородческая дружина. Вскоре ее администрации пришлось столкнуться с серьезными проблемами, связанными с массовыми заболеваниями среди бурят, смертельными случаями. Причинами заболеваний бурят были не только плохое питание, жилищные усло-

⁵⁵¹ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1233. Оп. 1. Д. 32. Л. 32 об.

вия, тяжелый неквалифицированный физический труд, но и местные климатические условия. В своем рапорте врач дружины докладывал, что «инородцам, привыкшим к сухому степному климату, является тяжелым климат Архангельска, как более сырой по сравнению с климатом их родины»⁵⁵².

Бурятская общественность забила тревогу, и в начале 1917 г., благодаря усилиям Пандито Хамбо-ламы Д.-Д. Итигэлова, Лхаромба Цанит Хамбо А. Доржиева, уполномоченного А. Н. Ханхасаева и других, Петроградский городской бурятский лазарет был предоставлен исключительно для больных реквизированных бурят. Распоряжением санитарной части Главнокомандующего Северного фронта больные буряты из Архангельской области стали поступать в бурятский лазарет в Петрограде⁵⁵³. Только за период с января по июль 1917 г. через лазарет прошли 218 бурят.

После Февральской революции уполномоченные начинают активнее ходатайствовать об отправке бурят на родину⁵⁵⁴. 5 мая 1917 г. последовал долгожданный Указ Временного правительства о возвращении на родину сибирских туземцев, в том числе и бурят.

Таким образом, на протяжении длительного периода своей истории в составе Российского государства буряты не только изъявляли желание и готовность служить защите Отечества, но и успешно охраняли границы. О военных заслугах бурятских родов свидетельствуют высочайше пожалованные знамена, служившие знаком существования войска: 1) 29 марта 1728 г. был опубликован указ Петра II о пожаловании 18 родам братских иноземцев Селенгинского и Нерчинского дистриктов; 2) 14 августа 1800 г. – 7 знамен пожалованы Павлом I братскому иррегулярному войску; 3) 20 октября 1837 г. – Николаем I пожалованы 7 знамен бурятскому иррегулярному войску, 14 знамен бурятским родам Хоринского ведомства, 3 знамени табангутским родам; 4) 24 ноября

⁵⁵² ГААО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 32. Л. 32 об.

⁵⁵³ ГАРБ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 395. Л. 78.

⁵⁵⁴ ГАРБ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 64. Л. 29 об.

1842 г. – 9 знамен бурятам Агинского ведомства; 5) 15 августа 1845 г. – 15 знамен бурятам Селенгинского ведомства⁵⁵⁵.

С принятием «Устава об управлении инородцев» 1822 г., учредившего систему местного самоуправления (степные думы, инородные управы, родовые управления), сохранившего степные законы и обычаи, освободившего инородцев от несения воинской повинности, буряты оказались в изоляции. На наш взгляд, именно изоляция стала одним из факторов, приведших к тому, что буряты, готовые в 1812–1813 гг. идти «войной на француза», к концу XIX в. под разными предлогами отказывались от несения воинской повинности. Начавшаяся Первая мировая война, затем реквизиция бурят на тыловые работы внесли огромные изменения в уклад жизни бурятских ведомств: буряты, до этого жившие достаточно изолированно в пределах Забайкальской области и Иркутской губернии, ограничиваясь платой податей и повинностей, оказались непосредственно втянутыми в активную экономическую и политическую жизнь страны.

Следующим проектом по упразднению системы местного самоуправления бурят, учрежденной по «Уставу об управлении инородцев» 1822 г., стало введение волостной реформы в Забайкальской области, которое предварили подготовительные мероприятия. Одним из таких этапов стал сбор сведений о возможности перечисления кочевых инородцев Забайкальской области в оседлое состояние по предписанию приамурского генерал-губернатора от 28 ноября 1897 г.

13 марта 1899 г. Общее присутствие Забайкальского областного управления рассматривает вопрос о перечислении кочевых инородцев в оседлые. На заседании было отмечено, что баргузинские буряты владеют по 41 десятина на ревизскую душу, крещенные – по 21 десятина. Земледелием они практически не занимаются, засеивается только до 960 десятин из 224 591, т. е. 1/234 часть. Оседлые селенгинские буряты живут в селениях Алтанском, Иннокентьевском, Новопокровском, Новопавловском и Нарынском, а остальные ведут кочевой образ жизни.

⁵⁵⁵ ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 970. Л. 5.

В Хоринском ведомстве к 1899 г. числилось всего 301 оседлое хозяйство, разбросанное в 16 поселениях, однако управлявшееся на основании степных законов. Оседлыми жители могли быть названы только в силу того, что они приняли христианство и оставили обычай перекочевок на зимники и летники. Агинские буряты относились к кочевым, кроме тех, кто проживал в Агинском селении (69 душ мужского пола и 63 души женского пола – оседлые буряты, 62 души мужского пола и 83 души женского пола – кочевые).

Что касается тунгусов, то в Ульдургинской тунгусской отдельной управе проживали только кочевые тунгусы, тунгусы Урульгинской инородной управы оседло жили в 11 селениях, вели кочевой образ жизни в 8 улусах и бродячий – один род. В Оловской управе тунгусы жили оседло в 25 улусах, в Онгоцонской и Кужертаевской управах все вели кочевой образ жизни.

Волостная реформа началась с издания высочайше утвержденного Временного положения об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области от 23 апреля 1901 г., разработанного высочайше утвержденным Совещанием о поземельном устройстве населения Забайкальской области под председательством А. Н. Куломзина.

Проект был разработан Комиссией А. Н. Куломзина на основе законодательных актов в отношении инородцев Западной Сибири в 1860-х гг. Комиссия руководствовалась положениями, изданными большей частью в первой четверти XIX в. Явное отставание инородческих законов вызвало командирование в 1865 г. в киргизские степи особой Степной комиссии для изучения на месте быта кочевников. По результатам работы Комиссии были приняты несколько законодательных актов, которые привели к унификации местного самоуправления с общероссийским крестьянским с учетом местных условий и обычаев населения. Именно этот опыт организации общественного устройства Комиссия А. Н. Куломзина решила применить к бурятам и тунгусам Забайкальской области, взяв за основу Степное и Туркестанское положения и закон от 19 февраля 1861 г.

Развивавшиеся в сельском хозяйстве капиталистические отношения вели к росту общественного разделения труда, частному передвижению населения внутри и за пределы ве-

домства, к уходу батраков в города и на золотые прииски. Развитие капиталистических отношений, открывая возможность свободного передвижения населения, разрушало и уничтожало не только феодальные институты, но также и пережитки родового быта. Бурятские роды утрачивали остатки территориального единства, и члены его перемешивались с членами других родов, расселялись по различным местностям. Те из органов инородческой администрации, которые были приурочены к родовым подразделениям бурят, утратили прежнее значение, сохранив за собою только распределение денежных повинностей между членами подведомственных им родов. Такое административное деление не отвечало новым условиям, оно мешало нормальной хозяйственной жизни населения бурятских ведомств⁵⁵⁶.

А. Н. Куломзин в своей «Записке об административном и судебном устройстве кочевых и инородцев Забайкальской области» отмечает, что «Устав» 1822 г. с отжившим родовым принципом устарел и не отвечает требованиям времени. Это подтверждается при рассмотрении характера и значения административных учреждений в Забайкальских степях, которые отступили от многих требований существующего закона. «Устав» 1822 г., признававший род территориальной единицей, приспособливает к нему всю систему внутреннего управления инородцев и, в частности, пределы власти и круг ведомства отдельных его органов: родовых управлений, инородных управ и степных дум, родовых старост, голов, заседателей и родоначальников.

Род утратил свое территориальное единство, и на замену ему сами собой появились другие, не предусмотренные законодательством, территориальные величины – булуки с их булучным устройством. Таким же образом изменилась общественная организация инородцев: степные думы, являвшиеся фактическими величинами с определенным земельным пространством, унаследовали, помимо закона и в нарушение его, все функции инородных управ. К концу XIX в. род оставался лишь податной единицей, но и в этом отношении его роль не

⁵⁵⁶ История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1954. С. 383.

была благоприятной для правильной и стройной организации быта забайкальских инородцев.

А. Н. Куломзин приводит данные о том, что именно благодаря разложению податных тягот по родам дорожная повинность отбывается инородцами совершенно нецелесообразно, когда они были вынуждены отбывать их за сотню верст от мест постоянного жительства. Сборщики податей от родовых управлений круглый год проводили в разъездах по Забайкалью и даже в прилежащих частях Монголии за поисками, часто безрезультатными, своих плательщиков, часто оказывалось, что местные инородческие власти не располагали точными сведениями о действительных размерах податной и повинностной тяготы отдельных своих сородичей⁵⁵⁷.

Тем не менее родовое устройство имело свои достоинства. Например, родовая организация забайкальских инородцев оказывала благотворное, уравнивающее, нивелирующее в экономическом отношении влияние на хозяйственную жизнь инородцев, живущих в обществах однородным составом. Родовой принцип способствовал сохранению нравственности у инородцев, связанной с родовыми обычаями и традициями, запрещающими употребление алкогольных напитков, оставление без опеки детей-сирот, стариков и бедных сородичей и т. д.

Проектируемое переустройство административного управления предполагало изменение судебной организации инородцев. А. Н. Куломзин предложил проект судоустройства кочевых инородцев Забайкальской области, главными основаниями которого должны стать: 1) возможность для инородцев разбираться во всех своих спорных делах по их обычаям; 2) отсутствие характера публичности в уголовных преступлениях и проступках, подсудных особому инородческому суду; 3) выборное начало при назначении судей; 4) возможность помимо органов инородческого суда для решения споров обращаться к суду посредников или в общие судебные установления. Главные изменения в организации инородческого суда сводились к введению территориальной подсудности, отделению

⁵⁵⁷ ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Дп. 3. Д. 288. Л. 14.

судебной власти от административной и устранению участия полиции в решении судебных дел инородцев⁵⁵⁸.

Таким образом, проект административной и судебной реформы кочевых инородцев Забайкальской области преследовал цель заменить родовые органы самоуправления территориальными волостными правлениями, упразднить должности тайшей, заседателей, голов и выборных, установить территориальный принцип судов и отделить судебную власть от административной. Все предполагаемые изменения по проекту были направлены на то, чтобы ввести у кочевых инородцев Забайкальской области устройство по подобию устройства крестьянского населения России, в то же время с учетом особенностей народа, степени его развития, политических и экономических условий, в которые поставлено инородческое население.

На проведение волостной реформы повлиял также пограничный фактор. П. Т. Хаптаев связывает актуальность проведения волостной реформы с тем, что буряты Забайкальской области находились в пограничной полосе, в полосе стыка с дальневосточными соседями России (Японией и Китаем). В связи с предстоящей войной с Японией укрепление дальневосточной пограничной полосы приобрело особо важное значение. Российскому государству необходимо было иметь такой оплот, который был бы более или менее надежным на случай войны. С этой целью был ликвидирован старый административный строй бурят и тунгусов и введен институт крестьянских начальников, которым было полностью подчинено их административное управление⁵⁵⁹.

Реформа распространялась на бурят и тунгусов Забайкальской области: упразднялись степные думы, инородные управы и родовые управления. Введение волостного управления и института крестьянских начальников было принято кударинскими бурятами, хоринские, агинские, баргузинские и селенгинские буряты не приняли реформу и оказали сопротивление. Причинами непринятия волостной реформы бурятами являлись враждебное отношение родовой верхушки, которая увидела в реформе ограничение их власти над своими

⁵⁵⁸ ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Дп. 3. Д. 288. Л. 16–16 об.

⁵⁵⁹ Хаптаев П. Т. Указ. соч. С. 65.

сородичами, и нежелание основной массы бурят изменить свой образ жизни.

По этому поводу довольно красноречивую характеристику консервативности бурят дал миссионер священник Е. Кузнецов: «Хотя буряты не представляют из себя самостоятельного государственного организма, тем не менее, у них сильно развито чувство общественности. ... Если они замечают покушения на нарушения их установившихся форм жизни, то не жалеют ни средств, ни трудов, чтобы отстоять свое *status quo*. Этим только можно объяснить то, что почти ежегодно снаряжаются бурятами депутации в Петербург от всего народа для того, чтобы упросить высшее начальство не нарушать существующего у них порядка жизни». Для примера он берет общенародную негативную настроенность бурят к проводимой волостной реформе только из-за страха перемен в их общественном порядке⁵⁶⁰.

Введение волостной реформы растянулось на три года (1901–1904 гг.). До публикации положения о новом административном устройстве кочевых инородцев Забайкальской области 15 ноября 1900 г. агинские буряты приняли общественный приговор, в котором писали, что «предполагаемое преобразование не может стремиться к потрясению устоев, на которых опирается быт инородцев». Они отмечали: «Три четверти века, протекшие со времени издания «Положения об инородцах» не прошли, конечно, даром и произвели значительные изменения в нашем быте, за которым, естественно, последовали некоторые изменения во внутреннем управлении»⁵⁶¹, однако в экономическом отношении жизнь изменилась мало.

Исходя из этого, агинские буряты предложили свой вариант нового административного устройства: 1) земли разделить между восемью родами на восемь территориальных единиц; 2) родовую территорию распределить между аймачными общинами или булуками; 3) руководство аймаком или булуком поручить зайсангу, волостью – аймачному зайсангу; 4) булучных или аймачных зайсангов, родовых шуленг, помощников тех и других, состоящих при волостных (родовых)

⁵⁶⁰ ИЕВ. № 24. 15 дек. 1904. С. 347–348.

⁵⁶¹ ГАИО. Ф. 29. 3 д-во. Оп. 1. Д. 288. Л. 186–190.

управлениях, письмоводителей избирать булучными и родовыми сугланами; 5) руководство восемью родами возложить на тайшу, которому присваиваются звание и права крестьянского начальника; тайшу избирать съездом родовых управителей; 6) если сохранение степных дум невозможно, учредить при тайше особый совет из восьми лиц, избираемых родовыми сугланами. На содержание совета рассчитывается ежегодно сумма, подлежащая сбору от народа. Предложения о количестве и раскладке этой суммы предоставить тайшой на утверждение губернатора; 7) должностным лицам присвоить печати и особые знаки в виде шариков на шапках, сообразно их обычаям. Тайша, кроме рубинового шарика на шапке, носит форму, присвоенную крестьянским начальникам; 8) для рассмотрения по обычаям дел по преступлениям и проступкам, кроме предусмотренных в законе, а равно гражданских между собой дел сохранить народные наши суды, состоящие из выборных судей⁵⁶².

Предложенный проект административного устройства практически ничем не отличался от действовавшей системы местного самоуправления, поэтому был сразу отклонен.

Буряты отказывались принимать реформу, саботировали выборы волостных старшин и сельских старост. С опубликованием «Временного положения о введении волостного правления» агинские буряты отправили делегацию в Петербург к царю с ходатайством о дальнейшем сохранении «Устава» 1822 г. В сентябре 1902 г. делегации удалось подать прошение, и ответ царя последовал в ноябре: «Благодарю Вас, приехавших из-за дальней окраины, за чувства, выраженные мне от имени бурятского населения Агинской степной думы. Исконная верность бурят Русским Государям мне хорошо известна. Передайте, что я внимательно выслушал ваши слова о тревожном настроении, переживаемом бурятами, вследствие установления нового закона об устройстве их быта. Этот закон, закрепляющий оседлый строй жизни бурят взамен кочевого, ставшего несовместимым с экономическими интересами прочего населения Сибири, вызван государственным ростом Русской державы и отмене не подлежит; вы должны прими-

⁵⁶² ГАИО. Ф. 29. З д-во. Оп. 1. Д. 288. Л. 190.

риться с временными невзгодами, которые может вызвать для представителей бурятских родов применение нового закона, и помните, что мне дорого благо всех подданных бурят, независимо от существующих между ними родовых различий; передайте также бурятскому населению, что веления мои исполняются лицами, облеченными моим доверием, и что к ним поэтому они должны обращаться за разъяснением нового закона. Прощайте, я вас не забуду»⁵⁶³.

Приказом крестьянского и инородческого начальника от 16 ноября 1903 г. разъяснялись положения приказа губернатора области о сроках проведения реформы, упразднении органов родового управления: «1, что Приамурский генерал-губернатор, по указанию наместника ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА на Дальнем Востоке, окончательным сроком введения административной реформы инородческого суда и управления назначил 1 января 1904 г.; 2, что булучные сходы для избрания старост и прочих должностных лиц должны состояться не позднее 10 декабря с. г. и в том же месяце – волостные сходы; там же, где должностные лица избраны не будут, кандидаты на должности будут представлены крестьянскими и инородческими начальниками и утверждены Приамурским генерал-губернатором; 3, что никакие просьбы инородцев об отсрочке реформы не будут приниматься; 4, что землеустройство будет произведено только у тех инородцев, которые этого сами пожелают, или там, где существуют земельные споры с русскими; 5, что просьбы об отсрочке земельной реформы инородцы должны направлять через губернатора генерал-губернатору, и 6, что 31 декабря с. г. думы, управы и родовые управления должны быть закрыты»⁵⁶⁴.

Борьба с волостной реформой не прекращалась, несмотря на приказы вышестоящих органов. Военный губернатор был вынужден два раза обратиться к забайкальским бурятам письменно о бесповоротности введения реформы, подчинении властям, наказаниях неповинующихся.

В январе 1904 г. агинские буряты отправили телеграмму императрице Александре Федоровне с просьбой приостано-

⁵⁶³ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 4386. Л. 44, 44 об.

⁵⁶⁴ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3366. Л. 4.

вить введение волостной реформы как вредной для экономического благосостояния, уничтожающей их национальную самобытность, в случае отказа – о разрешении им выселиться за границу, в Монголию⁵⁶⁵. В ответ на это следует приказ военного губернатора Забайкальской области с объявлением об отклонении царем данного прошения: «...Реформа вводится бесповоротно, землей бурят будут наделять в размере от 15 до 30 и даже до 80 десятин на душу, смотря по тому, хорошая земля или плохая; никто не будет заставлять бурят жить большими селениями – как жили улусами, так и будут жить, как кочевали, так и будут кочевать. А если кто самовольно переселится в Монголию, то, согласно трактатов и договоров, я немедленно потребую от китайских и монгольских властей обратного возвращения;... перебежавшие самовольно в Монголию только потеряют там свое имущество и ни с чем вернутся сюда назад»⁵⁶⁶.

О негативном отношении агинских бурят к введению волостной реформы свидетельствует донесение крестьянскому и инородческому начальнику 2-го участка головы Тургинской управы Линхово Санжиева. Он описывает события в Агинском селении 4 января 1904 г., когда толпа из более двухсот человек вынуждала должностных лиц, назначенных по приказу военного губернатора, отказаться от должностей и присоединиться к протесту против введения волостной реформы⁵⁶⁷. 5 января 1904 г. он просит крестьянского начальника освободить его от занимаемой должности помощника волостного старшины в связи с угрозами физической расправы со стороны противников реформы⁵⁶⁸.

В ходе реформы были приняты репрессивные меры в отношении лиц, оказавших сопротивление ее введению. Одни были подвергнуты аресту и заключены в Читинскую тюрьму, другие высланы за пределы области. Например, постановлением крестьянского начальника 1-го участка Баргузинского уезда Любинского от 29 февраля 1904 г. 12 бурят Улюнской и Гаргинской волостей были подвергнуты аресту при баргузин-

⁵⁶⁵ ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 199. Л. 47.

⁵⁶⁶ ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 199. Л. 45.

⁵⁶⁷ Там же. Л. 110–110 об.

⁵⁶⁸ Там же. Л. 41–42.

ской полиции каждый на семь суток за отказ подписать протокол о добровольном принятии волостной реформы⁵⁶⁹.

Кроме того, была проведена разъяснительная работа с населением. Все эти меры способствовали принятию реформы агинскими бурятами. Так, хоринский тайша Э. Вамбоцыренов, убедившись в бесполезности борьбы против реформы, послал телеграмму военному губернатору Забайкальской области о своей готовности принять реформу⁵⁷⁰. 18 февраля 1904 г. агинские буряты отправили телеграмму военному губернатору о подчинении новому управлению и суду. В ответ следует приказ и. д. губернатора с объявлением благодарности царя на решение агинских бурят подчиниться волостной реформе⁵⁷¹.

В ходе реформы на территории Агинской степной думы были учреждены две волости – Цугольская и Агинская. В 1903 г. в ходе волостной реформы приказом губернатора Забайкальской области органы местного самоуправления (Агинская степная дума, инородные управы, родовые управления) бурят были упразднены. На общественные должности по Цугольской волости были назначены следующие лица: волостным старшиной Намдак Дылыков, его помощником – Линхово Санжиев, председателем инородческого суда – Жан Бодиин, судьями – Цырен Жамбуев, Тарба Намжилов, Жалсан Быкиев, кандидатами в судьи – Тумут Николаев, Вандан Очилов, Баради Хоектеув, Базар Садобарадиев.

Сельскими старостами и кандидатами к ним были назначены Рабдан Зодбоев и Балдан Базаров (Усть-Догойское общество), Базар Цыбилов и Санжа Намжинов (Усть-Ундургинское), Торговой Гармаев и Цырен-Даши Арсолонов (Зугалуевское), Батоцырен Цыденов и Митуб Зодбоев (Усть-Харашибирское), Димчик Дылгыров и Ананда Голгонов (Кяло-Уксахаевское), Даши Бакшиев и Нима Аюрзанаев (Тургинское), Зодбо Занданов и Очир Топтохонов (Борзе-Тургинское), Жамсарай Зодбоев и Жамсаран Цыбыков (Улюрунго-Хуандуевское). Годовые оклады определялись в следующих размерах: волостному старшине – 500 руб., его помощнику – 300 руб.,

⁵⁶⁹ Хаптаев П. Т. Указ. соч. С. 141–142.

⁵⁷⁰ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3366. Л. 60, 60 об.

⁵⁷¹ ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3366. Л. 48, 49 об, 74.

председателю инородческого суда – 500 руб., судьям – по 250 руб. каждому, сельским старостам – по 250 руб. каждому⁵⁷².

На общественные должности в Агинской волости были назначены: волостным старшиной – Буда-Шимит Батхайн, его помощником – Бадма-Цырен Шагдуров, председателем инородческого суда – Банзаракша Соктоев, судьями – Цырен-Даши Цыденов, Баради Шариев, Дугар Шагдуров, Дамдил Бадмаев, Шагдур Цыбаков, Петр Шаркуров, кандидатами в судьи – Ринчин Гармаев, Дондок Сандинов, Дамдин Бадмаев, Шагдур Галсанов, Гомбо Ирдыниев, Алексей Ларионов.

Сельскими старостами и кандидатами к ним были назначены: Сыбен Сампилов и Галиндив Цынгеев (Харганашиевское общество), Будда Улутуев и Жигжит Цыренов (Зуткулевское), Нанзат Шагдуров и Цырен Хуриганов (Табтанаевское), Цырен-Жап Очиров и Будда Тыкшиев (Тутхалтуевское), Цырен Цыренов и Дугар Зеректуев (Шелатуевское)⁵⁷³.

Буряты Баргузинского ведомства также выступили против волостной реформы. На общем собрании они выбрали доверенных Ринчина Бальжирова и Шагдыржаб Арсаланова от восьми родов ведомства Баргузинской степной думы для ходатайства об отсрочке проведения реформы, которые обратились с прошением 5 января 1901 г. к председателю Комиссии поземельного устройства населения Забайкальской области А. Н. Куломзину.

В прошении они подробно описали историю заселения Баргузинского края, закрепления за ними земельных площадей и устройства их хозяйственной, административной жизни в соответствии с «Уставом об управлении инородцев» 1822 г.

В связи с принятием закона от 5 июня 1900 г. об утверждении главных оснований поземельного устройства населения Забайкальской области, как отмечают доверенные, надел на каждую наличную душу мужского пола сокращается инородцам до 15 десятин, и кочевые инородцы должны быть перечислены в оседлое состояние. Далее они пишут: «После такой казенной и слишком резкой ломки образа жизни и с издревле установившихся обычаев по степным законам, если воле правительства угодно будет сразу установить такой кру-

⁵⁷² ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 199. Л. 5.

⁵⁷³ Там же.

той переход от кочевой жизни к оседлой – сельской, то для доверителей наших – кочевников послужит большим упадком в хозяйстве потому, что они хотя и живут в деревянных юртах и даже некоторые в домах, в разброску по степи, но образ жизни ведут буквально кочевой – степной и занимаются специально скотоводством, для пастбы перекочевывают с места на место от двух до четырех раз в году на заранее устроенные стойбища, которые по времени для выгоды корма переносят на новые места и таким образом удобряют навозом почвы сплошных каменистых россыпей, годными для корма и частью для сенокосения; хлебопашеством же занимаются сравнительно небольшая часть бурят и в малом количестве, засевая от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ десятины на семью, по случаю невыгодности этого занятия вследствие того, что в занятых бурятами землях нет удобных земель для разработки под хлебопашество, а из наилучших разработанных под хлебопашество земель далеко не равняются в качестве с соседними крестьянскими землями, так что иногда труды хлебопашцев бурят не оправдывают произведенных затрат, вообще земли, обитаемые баргузинскими бурятами, более пригодны только для кочевников скотоводов».

В прошении отмечается, что всего скота в ведомстве 118 587 голов, что приходится на каждую ревизскую душу 19 голов. В случае перехода бурят в оседлое состояние семья, проживая в селении, не в силах будет заготовить корма для содержания такого количества скота, даже половины его, тогда как при кочевой жизни может переезжать за кормом с одного места на другое. С другой стороны, при отсутствии пригодных для развития хлебопашества земель хозяйства бурят неминуемо придут к разрушению и полному разорению, что приведет к упадку их нравственного устоя.

В конце прошения они пишут: «...Баргузинские буряты поручили нам подвергнуть на милостивейшее благовоззрение Вашего единодушные их желания: 1) утвердить за ними земли в том размере, как они пользуются в настоящее время...; 2) оставить их в прежнем кочевом состоянии, и если потребуется, непременно распределение земель, то разделить на родовые общества; 3) в отношении административного и судебного устройства, применительно к кочевой степной

жизни, оставить те же инородческие управления, именно: степную думу, инородные управы и родовые управления, согласно Уставу 1822 г. с тем лишь изменением, чтобы третью и последнюю инстанцию инородческого суда составляла взамен нынешней полиции степная дума»⁵⁷⁴.

В ответ на прошение 8 февраля 1901 г. А. Н. Куломзин подробно разъясняет основные положения поземельного устройства населения Забайкальской области: «Наделение инородцев отнюдь не связано с обращением их в оседлое состояние. Справедливость такого положения вытекает из ст[атьи] 17 отд[еления] II вышеупомянутого узаконения, по силе коей: «кочевые инородцы Забайкальской области получают поземельное устройство, хотя бы перечисление их в разряд оседлых не могло быть осуществлено немедленно». Мало того, по дальнейшему тексту той же 17-й статьи: «Министру земледелия и государственных имуществ предоставляется по соглашению с Министром внутренних дел, Председателем высочайше утвержденного совещания о поземельном устройстве населения Забайкальской области и Приамурским генерал-губернатором, а в подлежащих случаях также с Министром императорского двора, приостанавливать применение узаконений об отводе наделов к тем кочевым инородцам, поземельное устройство коих, по условиям их быта, будет признано преждевременным. Таким образом, выражаемое баргузинскими бурятами опасение обязательного, связанного с земельным наделением обращения в оседлое состояние представляется необоснованным»⁵⁷⁵.

Далее Куломзин отмечает, что столь же неправильным является представление баргузинских бурят о норме наделения, предписываемой законом 5 июня 1900 г. Согласно статье 10 «при уважительных местных условиях, по ходатайствам обществ и селений может быть разрешаемо: 1) сохранение во владении их обществ и селений указанных в статье 9 излишних (сверх 15-ти десятин на наличную мужского пола душу) земель, без приселения новых членов, и 2) увеличение отводимых им наделов путем прирезки свободных казенных или кабинетских земель, сверх пятнадцатидесятиинного на налич-

⁵⁷⁴ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2890. Л. 7–10 об.

⁵⁷⁵ Там же. Л. 13.

ную душу размера, если такое увеличение будет признано необходимым в виду исключительно невыгодного положения сих наделов или особых условий быта наделяемого населения», поэтому не только кочевники, но даже и оседлые жители могли получить свыше 15 десятин на наличную мужского пола душу, и в зависимости от качества земли и от особых условий быта наделяемого населения надел мог быть увеличен до 30 и свыше десятин⁵⁷⁶.

Несмотря на ходатайства и противодействия баргузинских бурят, волостная реформа была введена. 20 декабря 1902 г. крестьянский начальник 1-го участка Баргузинского уезда предписывает степной думе и родовым управлениям: «... Все дела должны быть сданы сельским старостам не позже 2 января 1903 г., неоконченные судебные дела прекратить и предоставить право, если пожелают, возобновить иск в новых волостных судах... Привести в порядок книги по взысканию дорожной натуральной повинности и другие учетные книги во избежание споров и недоразумений»⁵⁷⁷.

На основании «Временного положения об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области» от 23 апреля 1901 г. и постановления Забайкальского областного по крестьянским делам присутствия от 30 сентября 1902 г. Баргузинское ведомство было разделено на две волости: Улюнскую и Гаргинскую. В своей деятельности волости подчинялись крестьянскому начальнику 1-го участка Баргузинского уезда⁵⁷⁸.

Баргузинское ведомство постановлением думы от 22 августа 1902 г. было распределено на 8 сельских обществ, как и предполагалось уездным съездом.

В Улюнской волости образовано 4 сельских общества, именно: Улюнское, состоящее из улусов: Улюнское, Семо, Чегето, Угда, Алачи, Топук, Яма, Хабаржан, Нарасун, Онегунбарун, Бодон, Чимир, Мухулта, Огноли, Н. Бархан, Дагалжин, Улзаха, Унаган; Караликское: Тасархай, Бальча, Кулен, Сугумен, Яши, Жаргаланта, Алхан, Каралик, Шибыкшен, Сахали, Сорок, Гагина, В. Мандай, Асули, Ула-Барга, Н. Мандай, Хару-

⁵⁷⁶ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2890. Л. 14–15.

⁵⁷⁷ Там же. Д. 2647. Л. 44.

⁵⁷⁸ Там же. Л. 26.

хан, Суктони, Ина; Елысунское: Галгатай, Харжакта, Епишка, Харгана, Нуга, Елысун, Буксыкен, Саган-Нур; Нурское: Ярикта, Огноли 2-я, Алачи 2-я, Бархан, Харнай, Карасун, Дутхит, Хилгана⁵⁷⁹. Резиденция Улюнской волости была в улусе Улюн.

В Гаргинской волости было также образовано 4 сельских общества: Кармодунское сельское общество: Кармодун, Кашкал, Булак, Халзар, Зактахан, Хартала, Хабталин, Унугутэй, Арогада; Мургунское: Могойто, В. Мургун, Н. Мургун, Хонхино, Туракин, Аргун, Барун-Мургун, Унугутэй, Могжен; Гаргинское: Марикта, Улуг, Тунген, Ольтриг, Буйехан, Усть-Гарга, Ухырын гол, Саран-нуга, Арзагун, Усть-Балгасун, Хатай, Угнаса, Мухулта 2-я, Сахули, Верхний Курумкан, Троицкое село; Подхребетное: Баянкур, Зугдели, Чильчигир, Самахай, Нама, Хахсыр, Ямагана, Холлак, Догдо, Олсо, Хугшигир, Идхита, Хоголой, Верхний Карасун, Шибирсэ, Ангута, В. Ольтрик, Ентыкен, Аян, Алла, Мухулта, Шилбынка, Торхикто, Буктэр, Мухур-Аян, Соргор⁵⁸⁰.

Резиденция Гаргинской волости находилась в улусе Угнасы.

В Хоринском ведомстве было образовано 7 волостей: Хоацайская, Кубдутская, Галзутская, Харганатская, Ходайская, Бодонгутская, Гучитская.

В Кударинском ведомстве была учреждена Кударобурятская волость, состоящая из 4 сельских обществ: Корсаковского (сельский староста – Тит Темников, кандидат в старосты – Михаил Мотошкин, 12 выборов); Дологонского (сельский староста – Николай Бажинов, кандидат – Николай Албатаев, шесть выборов); Часовенского (староста – Александр Антипов, кандидат – Бахади Николаев, 10 выборов); Хандалинского (староста – Егор Буханаев, кандидат – Заяхан Бутуханов, шесть выборов).

В Селенгинском ведомстве было образовано 3 волости: Селенгинская, Чикойская и Оронгойская.

Инородные управы и родовые управления Иркутской губернии были упразднены в ходе проведения волостной реформы в 1912–1917 гг. С 1908 г. началась землеустроительная работа у бурят Иркутской губернии. По плану Иркутского переселенческого управления на 1908 г. предполагалось заселить земли бурят Балаганского, Иркутского и Верхоленского

⁵⁷⁹ ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2647. Л. 33–34.

⁵⁸⁰ Там же. Л. 34–34 об.

уездов Иркутской губернии. Всего проектировалось обратить в переселенческие участки до 235 тыс. десятин удобной земли. Такую огромную площадь земли правительство не сумело отвести под колонизационный фонд в течение одного года: оно не имело для этого ни средств, ни специалистов-землемеров. Отвод этих земель растянулся на несколько лет, захватив первые годы Первой мировой войны.

Губернское управление, параллельно с землеустройством, стало вводить среди бурят Иркутской губернии волостную реформу. Учитывая опыт проведения волостной реформы в Забайкальской области в 1901–1903 гг., волостное правление вводилось поэтапно. Бурятам выделялись земельные наделы, затем буряты перечислялись из разряда кочевых в разряд оседлых, только после этого губернское управление вводило волостные учреждения.

Таким образом, реформа проводилась по мере проведения землеустроительных работ: в ведомствах, где заканчивался отвод земельных и лесных наделов, упразднялись инородные управы, и создавались органы волостного управления. На практике такая политика привела к тому, что, когда у бурят Аларского ведомства были проведены землеустроительные работы, перевод на оседлость и введено волостное управление, буряты Ленского ведомства управлялись по-старому, являясь кочевым народом. Бурятское население противилось проведению землеустроительных работ, введению волостной реформы. Буряты оказывали сопротивление землеотводным партиям Переселенческого управления, отчуждавшим у них земли в колонизационный фонд. Они отказывались предоставлять землеотводным партиям подводы, рабочую силу. На улусных собраниях выносились решения, требовавшие прекращения землеустройства, возбуждались ходатайства с просьбой сохранить прежние земельные угодья.

Так, доверенными унгинских бурят в 1912 г. было написано письмо в Государственную думу и Правительствующий сенат: «...Нельзя принудительно отводить наделы кочевым бурятам, нельзя переводить их в оседлое состояние против их воли и нельзя причислять к крестьянскому сословию без их согласия... Просим Правительствующий Сенат признать отвод

наделов незаконным и преждевременным...»⁵⁸¹. Такие просьбы отклонялись.

В 1912 г. Аларская инородная управа была упразднена и разделена на 3 волости: Аларскую, Алятскую и Зонскую. В 1913 г. была упразднена Балаганская инородная управа, в 1914 г. – Унгинская инородная управа. Последними были ликвидированы инородные управы Тункинского ведомства.

Проведение землеустройства, введение волостной реформы было медленным, мучительным способом ломки устоев патриархального быта бурят, разрушения полуфеодальных отношений, кочевого и полукочевого образа жизни. Введение волостной реформы среди бурят Иркутской губернии имело своим последствием упразднение инородных управ.

Таким образом, в первой половине XIX в. происходит процесс формирования органов местного самоуправления бурят Иркутской губернии согласно «Уставу» 1822 г., при этом явно без соблюдения его требований. Так, во всех бурятских ведомствах, кроме Хоринского, была учреждена двухступенчатая система местного самоуправления: степная дума – родовое управление, что было уже нарушением, так как степные думы могли учреждаться только у забайкальских бурят. В политике Российского государства в этот период преобладали военные и фискальные интересы, а система местного самоуправления должна была способствовать безболезненной постепенной интеграции сибирских народов в общероссийское пространство, поэтому упор делался на принцип регионализма с учетом местных особенностей.

Однако в 1850–1860-х гг. поражение России на западном и ближневосточном направлениях приводит к активизации политики в Сибири, на Дальнем Востоке, к необходимости проведения реформ в стране, в частности в отношении управления Сибирью и сибирскими аборигенными народами.

В 1870–1880-е гг. дальневосточное направление российской политики вновь отходит на второй план, правительственное и общественное внимание переключается с Дальнего Востока на Среднюю Азию.

⁵⁸¹ ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 617. Л. 1–5.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В период капитализма Сибирь являлась неотъемлемой составной частью России. Это единство, сложившееся еще в феодальную эпоху, обуславливалось общностью экономических, политических, социальных и иных процессов в Европейской и Азиатской России⁵⁸². Процесс взаимовлияния центра и периферии находил свое выражение в различных сторонах материальной и духовной жизни общества, в том числе и в единстве внутренней политики империи как в центре, так и на окраинах России. Решающее влияние на политику самодержавия оказывали имперские интересы государства, связанные со стремлением к централизации, унификации и ликвидации обособленности окраинных территорий. В известной степени на этой политике, особенно в северных районах Сибири, отражались и особенности социально-экономического и политического развития нерусских народностей, связанные с существующими пережитками патриархально-родового строя, системой ведения хозяйства и т. д.

Стержнем правительственного курса в отношении народов Сибири была аграрная политика. Применительно к крестьянскому населению края в целом и этой сословной группе в частности она рассматривалась правительством как производная от курса, выработанного в центре страны. Поэтому можно говорить о единстве имперских методов аграрной политики применительно как к русскому крестьянству, так и аборигенам. В Сибири пореформенной эпохи на всех этапах разработки аграрной политики присутствовал инородческий вопрос, но решался он по-разному. Традиционной особенностью аграрной политики было стремление самодержавия отказаться от признания особых сословных прав аборигенов на «породные» земли, приравнять их в отношении прав землепользования к русскому крестьянству. Это нашло отражение в аграрном законодательстве конца XIX – начала XX в., провозгласившем единые принципы землеустройства русского и

⁵⁸² Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. С. 465; Голушкин Л. М. Указ. соч. С. 96.

аборигенного крестьянства. В ходе реализации законодательства, особенно в период столыпинского аграрного бонапартизма, отчетливо проявилась связь между землеустройством аборигенов и интересами переселенческой политики царизма. Дворянско-буржуазный характер землеустройства применительно к народам Сибири проявился в отказе от политики невмешательства в традиционные формы землепользования аборигенов, признания их сословных прав на «первоначально» занятые земли. Своим практическим результатом этот поворот в правительственной политике имел сокращение на 30 % размеров землепользования коренного населения, подрыв их хозяйства, особенно бедняцко-середняцких слоев. Тем самым углублялось имущественное и социальное неравенство, подрывались основы феодально-родового строя. Эти обстоятельства намного усиливали остроту аграрного вопроса и социальных противоречий среди коренного населения.

В области управления народами Сибири уже в первые пореформенные десятилетия были предприняты шаги по распространению на аборигенов действия отдельных статей общего положения о крестьянах от 19 февраля 1861 г. Однако в целом управление нерусскими народностями до конца XIX в., а в северных районах и Якутской области до 1917 г., основывалось на принципах «Устава об управлении инородцев» 1822 г. Законом 3 июня 1898 г. в Сибири был введен институт крестьянских и инородческих начальников. В своей основе он имел положение от 12 июля 1889 г. о земских начальниках Европейской России, однако права крестьянских начальников относительно общественного управления аборигенов по сравнению с правами земских начальников относительно крестьян были значительно расширены. На практике крестьянский начальник становился полным хозяином в инородческой волости. Новый закон по-своему отражал определенные изменения в характере социально-экономического развития народов Сибири, связанные прежде всего с разложением патриархально-феодальных и развитием капиталистических отношений. В то же время эта административная реформа в конечном итоге была направлена на усиление полицейской опеки над народами Сибири.

Основным направлением правительственной политики в области управления народами Сибири в первые годы XX в. и вплоть до 1917 г. явились мероприятия по упразднению поразрядной системы и введению волостного и сельского управления, устроенного по крестьянскому образцу. Первоначально проведение административной реформы ставилось правительством в прямую зависимость от темпов землеустройства. Однако медленный ход землеустроительных работ, стремление самодержавия к усилению административно-полицейской опеки и обрусению аборигенов предопределили переход самодержавия после третьеиюньского государственного переворота к откровенно насильственным методам проведения реформы управления. Эти же цели преследовали распространение на аборигенов паспортной системы, попытки привлечения их к воинской повинности.

В результате административных преобразований сословная обособленность сибирских инородцев в области управления была в значительной степени утрачена, но не уничтожена. Последнее обстоятельство объясняется сохранением патриархальных черт в быту и слабым развитием товарно-денежных отношений в хозяйстве малых народов севера Сибири. Мероприятия самодержавия по ликвидации сословной обособленности сибирских аборигенов не могли не носить противоречивого характера. Субъективно они были направлены на упрочение позиций имперского государства среди крестьянства национальных районов.

Податная политика самодержавия в отношении народов Сибири определялась существующими экономическими условиями, когда совладельцами сибирских земель выступали казна и Кабинет. Как подданные государства, народы Сибири уплачивали определенные суммы на его содержание, участвовали в исполнении земских повинностей. Однако наиболее характерной формой эксплуатации народов Сибири был ясак. Хотя сибирские земли считались государственными, а коренные народы – подданными государства, ясак поступал в императорский Кабинет и составлял неотъемлемую собственность коронной фамилии. В конце XIX в. правительство отчасти осуществило замену ясачного сбора государственной об-

рочной податью. Однако и сам ясак как одна из форм податной зависимости народов Сибири от коронного ведомства существовал до 1917 г. Казна взимала в свою пользу разницу между среднегодовым окладом ясака и оброчной податью. Это указывает на известную противоположность финансовых интересов казны и Кабинета, свидетельствует об устойчивости традиции паразитирования монархии за общегосударственный счет.

Ясак являлся одной из наиболее архаичных форм феодальной земельной ренты, выражавшей на практике не столько юридическую, сколько экономическую зависимость аборигенов от собственника земли. Всем своим существованием он был связан с коронной фамилией как одним из основных институтов самодержавия России. Ликвидация монархии в 1917 г. повлекла за собой и ликвидацию ясака как особой формы собственности.

Проделанное в ходе изложения конкретного материала сравнение основных направлений политики самодержавия в отношении народов Сибири с политическим курсом империи по отношению к нерусскому населению других окраин России (Поволжье, Башкирия, Средняя Азия и др.) позволяет заключить, что при наличии ряда местных особенностей эту политику пронизывали единые для центра и периферии интересы дворянско-крепостнического лагеря и связанных с ним общественных институтов. Для национальной политики империи на всех окраинах были характерны сословная неполноправность, административный и национальный гнет, полуфеодальная налоговая эксплуатация.

**Примерный перечень
заданий, тем рефератов, докладов, дипломных работ
и магистерских диссертаций по курсу**

1. Нормативные акты как источник изучения административной политики самодержавия в Сибири.
2. Организация управления и суда по «Инструкции» 1728 г. С. Владиславича-Рагузинского.
3. «Устав об управлении инородцев» 1822 г.
4. История попыток кодификации норм обычного права народов Сибири.
5. Второй Сибирский комитет и его программа.
6. Комитет Сибирской железной дороги.
7. Дайте сравнительную характеристику «Инструкции» 1728 г. и «Устава» 1822 г.
8. Охарактеризуйте иерархию органов самоуправления у бурят.
9. История степной думы иркутских или забайкальских бурят (по выбору).
10. Составить функциональную характеристику деятельности органов самоуправления народов Сибири.
11. Составить политический портрет бурятского родоначальника (по выбору)
12. Провести компаративный анализ деятельности органов самоуправления инородцев (по выбору)
13. Инструкция о выборе инородческих родоначальников губернатора И. Трескина.

Рекомендуемая литература и источники

1. Барсуков И. П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский : в 2 т. / И. П. Барсуков. – М. : Синодальная типография, 1891. – 614 с.
2. Блинов И. А. Губернаторы. Историко-юридический очерк / И. А. Блинов. – СПб. : [Б/и], 1905. – 365 с.
3. Власть в Сибири XVI – начало XX в. : межархив. справ. – Новосибирск : АНО Массмедиацентр, 2002. – 299 с.
4. Выдающиеся губернаторы тобольские и сибирские: XVIII–XX вв. – Тюмень : Ю. Мандрики, 2000. – 488 с.
5. Гаркуша П. И. Правовой статус института губернаторства в России / П. И. Гаркуша. – Ростов н/Д : Ростиздат, 2004. – 203 с.
6. Гимельштейн А. В. Образ инородцев на страницах сибирской периодической печати. Вторая половина XIX – начало XX в. Сер. Азиат. Россия / А. В. Гимельштейн, Л. М. Дамешек, Е. А. Сенина. – Иркутск : Вост.-Сиб. издат. компания, 2007. – 220 с.
7. Градовский А. Д. Собр. соч. / А. Д. Градовский. – СПб. : [Б/и], 1899. – Т. 1. – 421 с.
8. Губернаторство в России: история, современность и перспективы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Полит. науки. – 1996. – № 3. – С. 3–21.
9. Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917. – М. : Объединенная редакция МВД России, 2003. – 535 с.
10. Дамешек И. Л. Высшая сибирская администрация в оценке местного общества (вторая половина XIX – начало XX в.) // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв. – Новосибирск, 2005. – С. 205–215.
11. Дамешек И. Л. Генерал-губернаторы Азиатской России как институт власти и его особенности // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XXI вв. : материалы V Всерос. науч. конф. – Новосибирск, 2003. – Ч. 1. – С. 38–40.
12. Дамешек И. Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX в.) / И. Л. Дамешек. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2005. – 265 с.
13. Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.) / И. Л. Дамешек. – Иркутск : Оттиск, 2002. – 207 с.
14. Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма. (1822–1917). Сер. Азиат. Россия / И. Л. Дамешек, Л. М. Дамешек. – Иркутск : Вост.-Сиб. издат. компания, 2009. – 390 с.
15. Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX в.) / Л. М. Дамешек. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1986. – 165 с.
16. Дамешек Л. М. История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в / Л. М. Дамешек, Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2013. – 503 с.
17. Дамешек Л. М. Михаил Михайлович Сперанский в Иркутске // Личность в истории Сибири XVIII–XX вв. : сб. биограф. очерков. – Новосибирск, 2007. – С. 34–41.
18. Дамешек Л. М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.) Сер. Азиат. Россия / Л. М. Дамешек. – Иркутск : Вост.-Сиб. издат. компания, 2007. – 320 с.
19. Ерошкин Н. П. Местное государственное управление дореформенной России (1800–1860 гг.) / Н. П. Ерошкин. – М. : Мысль, 1985. – 240 с.

20. Зайончковский П. А. Правительственный аппарата самодержавной России в XIX в. / П. А. Зайончковский. – М. : Мысль, 1978. – 287 с.
21. Зырянов Н. П. Социальная структура местного управления капиталистической России (1861–1914 гг.) // Ист. зап. – М., 1982. – Т. 107. – С. 226–302
22. Иванов В. А. Губернское чиновничество 50–60-х гг. XIX в. в России (по материалам Московской и Калужской губерний). Историко-источниковедческие очерки / В. А. Иванов. – Калуга : КГПИ, 1994. – 232 с.
23. Ивановский В. В. Русское государственное право. Т. 1. Вып. 3 / В. В. Ивановский. – Казань : [Б/и], 1890. – С. 21–24
24. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи : в 2 т. / под ред. В. В. Черкесова. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2001. – 430 с.
25. Иркутский край. Четыре века. История Иркутской области XVII–XXI вв. – Иркутск : Востсибкнига, 2012. – 797 с.
26. История Бурятии. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – Т. 1–3. – 1414 с.
27. Коваляшкина Е. П. «Инородческий вопрос» в Сибири. Концепции государственной политики и областническая мысль / Е. П. Коваляшкина. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. – 322 с.
28. Конев А. Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи / А. Ю. Конев. – М. : РАН, 1995. – 217 с.
29. Коркунов Н. М. Русское государственное право / Н. М. Коркунов. – СПб : [Б/и], 1909. – Т. 2. – 749 с.
30. Кузнецов А. С. Второй Сибирский комитет // Политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск, 1987. С. 3–21.
31. Кузнецов А. С. К истории создания «Статистического обозрения Сибири» // Актуальные проблемы истории Восточной Сибири : тез. докл. регион. конф. 15–17 нояб. 1983г. – Иркутск, 1983. – С. 30–32.
32. Лохвицкий А. Губерния и ея земские и правительственные учреждения / А. Лохвицкий. – СПб. : [Б/и], 1874. – Ч. 1. – 251 с.
33. Лысенко Л. М. Генерал-губернаторы и губернаторы Российской империи XVIII–XIX вв. / Л. М. Лысенко. – М. : МПГУ, 2000. – 358 с.
34. М. М. Сперанский: Сибирский вариант имперского регионализма (к 180-летию сибирских реформ М. М. Сперанского) / Л. М. Дамешек [и др.]. – Иркутск : Оттиск, 2003. – 264 с.
35. Маркова И. Б. Управление Сибирью в 20–60-е гг. XIX в. : дис. ... канд. ист. наук / И. Б. Маркова. – Новосибирск, 1985. – 247 с.
36. Матханова Н. П. Высшая сибирская администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации / Н. П. Матханова. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. – 255 с.
37. Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX в.: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков. – Новосибирск : СО РАН, 1998. – 428 с.
38. Матханова Н. П. Губернаторский корпус Восточной Сибири в середине XIX в // Гуманитар. науки в Сибири. – 1996. – № 2. – С. 3–9
39. Матханова Н. П. М. С. Корсаков // Земля иркут. – 1997. – № 9. – С. 4–9.
40. Морякова О. В. Местное управление в России во второй четверти XIX в. (по материалам сенаторских ревизий) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. – 1994. – № 6. – С. 12–17.
41. Обзорение главных оснований местного управления Сибири. – СПб. : [Б/и], 1841. – 240 с.

42. Общее губернское учреждение. Свод Законов Российской империи. Изд. 1892 г. – Т. 2.
43. Оржеховский И. В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60–70-х гг. XIX в. / И. В. Оржеховский. – Горький : Изд-во Горьков. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 1974. – 167 с.
44. Парусов А. И. К истории местного управления в России первой четверти XIX столетия // Учен. зап. Горьков. ун-та. – Горький, 1964. – Вып. 72, т. 1. – С. 121–155.
45. Рабцевич В. В. Местное управление Западной Сибири в 80-х гг. XVIII – первой четверти XIX столетия : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. В. Рабцевич. – Новосибирск, 1973. – 21 с.
46. Рабцевич В. В. Сибирский город в дореформенной системе управления / В. В. Рабцевич. – Новосибирск : Наука, 1984. – 270 с.
47. Региональная власть и общественность Сибири (XIX – начало XX в.) Сер. Азиат. Россия / А. В. Гимельштейн, Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, А. В. Даниленко. – Иркутск : Вост.-Сиб. издат. компания, 2007. – 256 с.
48. Ремнев А. В. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.). – М., 1997. – С. 52–66.
49. Ремнев А. В. К вопросу о периодизации административной политики самодержавия в Сибири XIX – начала XX в. // Проблемы местного управления Сибири конца XVI – XX в. : материалы IV регион. науч. конф. (11–12 нояб.). – Новосибирск, 1999.
50. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. / А. В. Ремнев. – Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 1995. – 233 с.
51. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX вв. / А. В. Ремнев. – Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 1997. – 251 с.
52. Российское законодательство. «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи». – М. : [Б/и], 1987. – Т. 5.
53. Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. – Тюмень : Издат. дом, 2000. – 576 с.
54. Сибирь в составе Российской империи / И. Л. Дамешек [и др.]. – М. : Нов. лит. обозрение, 2007. – 368 с.
55. Соколов К. Н. Очерки истории и современного значения генерал-губернатора // Вестн. права. – 1903. – Кн. 7. – С. 110–179.
56. Тухтаметов Ф. Т. Институт губернатора России: сравнительно-исторический очерк / Ф. Т. Тухтаметов. – Уфа : Вост. ун-т, 2004. – 96 с.
57. Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII–XIX вв.) / М. М. Федоров. – Якутск : Якут. кн. изд-во, 1978. – 208 с.
58. Шумилов М. М. Губернская администрация и органы центрального управления России во второй половине XIX в. : учеб. пособие / М. М. Шумилов. – Л. : ЛГПИ, 1988. – 88 с.
59. Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX в. / М. М. Шумилов. – М. : Прометей, 1991. – 218 с.
60. Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / М. М. Шумилов. – СПб., 1992. – 49 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Динамика русского и коренного населения
Сибири в XIX в. (тыс. душ мужского пола)

Год	Русское			Коренное			Всего		
	Чел.	%	Рост в %	Чел.	%	Рост в %	Чел.	%	Рост в %
1816	651	74,74	100	220	25,26	100	871	100	100
1858	1041	786,77	159,9	315	23,23	143,1	1356	100	155,6
1897	2310	84,87	354,8	413	15,13	187,2	2723	100	312,6

Примечание: таблица составлена по материалам: Кабузан В. М., Троицкой С. М. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973. С. 265; Патканов С. Статические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1912. Т. 1. С. 3. Проценты подсчитаны автором.

Таблица 2

Рост численности коренного населения Сибири в 1897–1911 гг.
(в душах обоего пола)

Год	Тобольская	Томская	Енисейская	Иркутская	Забайкальская	Якутская
1897	84 925	114 697	50 065	116 361	212 599	235 623
1911	102 798	133 870	55 737	134 363	244 003	256 253
Прирост в %	21	15	11	15	14	8
Среднее по Западной Сибири – 18 %				Среднее по Восточной Сибири – 12 %		

Примечание: таблица составлена и рассчитана автором по материалам: Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 86.

Таблица 3

Ежегодный прирост аборигенов в 1897–1911 г., %

Губернии	Тоболь- ская	Томская	Енисейская	Иркутская	Забайкальская	Якутская
С 1897 по 1911 г.	21	15	11	15	14	8
Среднее за 1 год	1,4	1	0,7	1	0,9	0,5
Среднее по Сибири – 0,9						

Примечание: таблица рассчитана по материалам: Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 86.

Таблица 4

Численность и национальный состав аборигенов Сибири
по переписи 1897 г. (в тыс. душ обоего пола)

Народность и этнографическая группа	Всего аборигенов	% к общему числу
Буряты	288 600	35,08
Якуты	226 700	27,55
Алтае-саянские народы, тюркские ветви	108 700	13,21
Эвенки	64 500	7,84
Сибирские татары	53 000	6,44
Ханты и манси	27 700	3,36
Чукчи	11 750	1,42
Ненцы	9427	1,46
Коряки	7300	0,88

Примечание: таблица составлена и рассчитана по материалам: История Сибири. Т. 3. Некоторые малые народности, не превышающие 1 тыс. чел., в данной таблице не учитываются: тофалары, юкагиры, энцы и др.

Таблица 5

Соотношения мужского и женского полов
у коренного населения Сибири (1897 г.)

Народность, этн. группа	Буряты	Якуты	Манси	Ханты	Кизилыцы	Качинцы	Сагайцы	Алтае-саянские народы	Зап. сибир. татары	Эвенки
% женщин на 100 мужчин	95	100	100	91	97	98	100	100	94	95

Таблица 6

Соотношение городского и сельского аборигенного населения Сибири
в 1897 г. (душ обоего пола)

Губер-ния	Тобольская		Томская		Енисейская		Иркутская		Забайкальская		Сред-нее по Сиби-ри
	Кол-во чел.	в %	Кол-во чел.	в %	Кол-во чел.	в %	Кол-во чел.	в %	Кол-во чел.	в %	
В уезде	83 868	98,75	11 5663	99,28	49 727	99,32	115 820	99,54	210 850	99,18	99,21
В городах	1057	1,25	834	0,72	338	0,68	541	0,46	1749	0,82	0,79
Всего	84 925	100	116 497	100	50 065	100	116 361	100	212 599	100	100

Примечание: таблица составлена по материалам: Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 86. Проценты подсчитаны автором.

Таблица 7

Соотношения категорий сельского населения Сибири (в %)

Категория населения	в 1897 г.	в 1914 г.
Старожилы	38,6	29,2
Казачи	4,5	3,4
Переселенцы	27,4	48,9
Аборигены	29,5	18,5

Примечание: таблица составлена по материалам: Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири империализма. С. 144.

Таблица 8

Соотношение коренного и пришлого населения Тобольской губернии
в 1897 г. (душ мужского пола)

Округа	Пришлое		Коренное		Всего в округе	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Тобольский	50 888	80	12 727	20	63 615	100
Березовский	3037	27	8208	73	11 245	100
Ишимский	131 414	99,3	933	0,7	132 347	100
Курганский	125 461	99,8	270	0,2	125 731	100
Сургутский	1049	26,2	2963	73,8	4012	100
Тарский	73 625	92,4	6050	7,6	79 675	100
Туринский	31 473	94,3	1901	5,7	33 374	100
Тюкалинский	103 936	97,4	2826	2,6	106 762	100
Тюменский	54 045	90,3	5812	9,7	59 857	100
Ялуторовский	87 422	97,1	2580	2,9	90 002	100
Всего	662 350	93,7	44 270	6,3	706 620	100

Таблица 9

Соотношение коренного и пришлого населения Томской губернии
в 1897 г. (душ мужского пола)

Округа	Пришлое		Коренное		Всего в округе	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Томский	132 413	94,9	7173	5,1	139 586	100
Барнаульский	285 731	98,9	3122	1,1	288 853	100
Бийский	145 177	86,7	22 156	13,3	167 333	100
Змеиногорский	99 368	93,1	8393	6,9	107 761	100
Каинский	90 368	95,0	4753	5,0	95 121	100
Кузнецкий	66 539	83,6	13 087	16,4	79 626	100
Мариинский	68 390	97,5	1607	2,5	69 997	100
Всего	887 986	93,8	60 291	6,2	948 277	100

Таблица 10

Соотношение коренного и пришлого населения Енисейской губернии
в 1897 г. (душ мужского пола)

Округа	Пришлое		Коренное		Всего в округе	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Красноярский	52 918	99,8	120	0,2	53 038	100
Ачинский	52 499	91,7	4780	8,3	57 279	100
Енисейский	35 295	97,7	825	2,3	36 120	100
Канский	53 120	99,5	438	0,5	53 558	100
Минусинский	77 157	83,7	15 041	16,3	92 198	100
Туруханский край	1615	28,3	4099	71,7	5714	100
Усинский	1021	92,1	87	7,9	1108	100
Всего	273 625	91,5	25 390	8,5	29 9015	100

Таблица 11

Соотношение коренного и пришлого населения Иркутской губернии
в 1897 г. (душ мужского пола)

Округа	Пришлое		Коренное		Всего в округе	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Иркутский	65 105	80,1	16 897	19,9	82 002	100
Балаганский	49 779	64,4	27 563	35,6	77 342	100
Верхотенский	22 776	63,5	13 106	36,5	35 882	100
Киренский	27 176	92,9	2098	7,1	29 274	100
Нижнеудинский	46 040	97,6	1125	2,4	47 165	100
Всего	210 876	77,7	60 789	22,3	271 665	100

Таблица 12

Соотношение коренного и пришлого населения Якутской области
в 1897 г. (душ мужского пола)

Округа	Пришлое		Коренное		Всего в округе	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Якутский	4848	6,8	66897	93,2	71745	100
Верхотенский	419	5,9	6738	94,1	7153	100
Вилуйский	452	1,4	32727	98,6	33179	100
Колымский	479	13,6	3038	66,4	3517	100
Олекминский	14612	64,6	8319	35,4	22931	100
Всего	20810	15,3	117715	84,7	138525	100

Таблица 13

Соотношение коренного и пришлого населения Забайкальской области
в 1897 г. (душ мужского пола)

Округа	Пришлое		Коренное		Всего в округе	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Читинский	40 750	55,7	32 362	44,3	73 112	100
Акшинский	14 741	86,0	2387	14,0	17 128	100
Баргузинский	6348	48,4	6778	61,6	13 126	100
Вехнеудинский	58 031	68,9	26 274	31,1	84 305	100
Керченский	48 871	99,0	522	1,0	49 393	100
Нерченско-Заводской	38 349	99,2	314	0,8	38 663	100
Селенгинский	19 600	38,7	31 008	61,3	50 608	100
Троицкосавский	10 735	66,4	5423	33,6	16 158	100
Всего	237 425	69,2	105 068	30,8	343 493	100

Примечание: таблица составлена на основании данных: Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1912, Т. 2. С. 2–34, 130–133; Т. 3. С. 322–325, 434–437, 550–553, 710–711.

Таблица 14

Количество населения по родам Балаганского ведомства в 1840 г.

Роды	Количество улусов	Жителей		Деревянных юрт	Рабочих душ
		Мужского пола	Женского пола		
Булутский	6	575	570	192	250
Онгоевский	5	339	311	112	143
Кульметский	13	1098	1058	393	489
1-й Олзоевский	3	313	299	112	138
2-й Олзоевский	5	764	733	250	350
1-й Икинатский	4	427	394	139	184
2-й Икинатский	3	265	238	92	134
1-й Муруевский	10	486	472	169	224
2-й Муруевский	8	620	683	219	283
1-й Ноетский	7	613	563	208	229
2-й Ноетский	4	333	325	96	149
3-й Ноетский	1	105	103	38	80
Халтубаевский	4	739	726	224	344
Быкотский	3	372	410	114	160
Зунгарский	5	390	415	124	176
Бараевский	2	235	218	85	108
Онхотоевский	3	274	256	77	125
Шаратский	2	226	211	88	109
Боролдоевский	2	45	37	25	22